

Джордж Р.Р. Мартин

ИГРА ПРЕСТОЛОВ

Тот, кто играет в престолы,
либо погибает, либо побеждает. Середины не бывает!

Annotation

Джордж Мартин. Писатель, очень рано и легко добившийся огромного успеха.

Начиная с рассказов и повестей, представлявших собой смелую смесь научной фантастики и «ужасов» (за произведения в этом жанре удостоен двух «Хьюго» и двух «Небьюла»), работал и в «классической» научной фантастике, но впоследствии стал подлинным мастером фэнтези, которого критики ставят наравне с Д.Р.Р.Толкином и Р.Джорданом.

Перед вами — знаменитая эпопея «Песнь льда и огня».

Эпическая, чеканная сага о мире Семи Королевств.

О мире суровых земель вечного холода и радостных земель вечного лета.

О мире опасных приключений, тончайших политических интриг и великих деяний.

О мире лордов и героев, драконов, воинов и магов, чернокнижников и убийц — всех, кого свела Судьба во исполнение пророчества...

Джордж Мартин
Игра престолов

Посвящается Мелинде

Север

Условные обозначения

- Города • Городки • Замки
- ∴ Руины ∴ Разрушенные замки

Условные обозначения

- Города • Городки ♦ Замки
- ∴ Руины ❖ Разрушенные замки

Железные острова

За Стеной

Условные обозначения

- Селения ♦ Замки
- ❖ Разрушенные замки

Край Вечной Зимы
(на карту не нанесен)

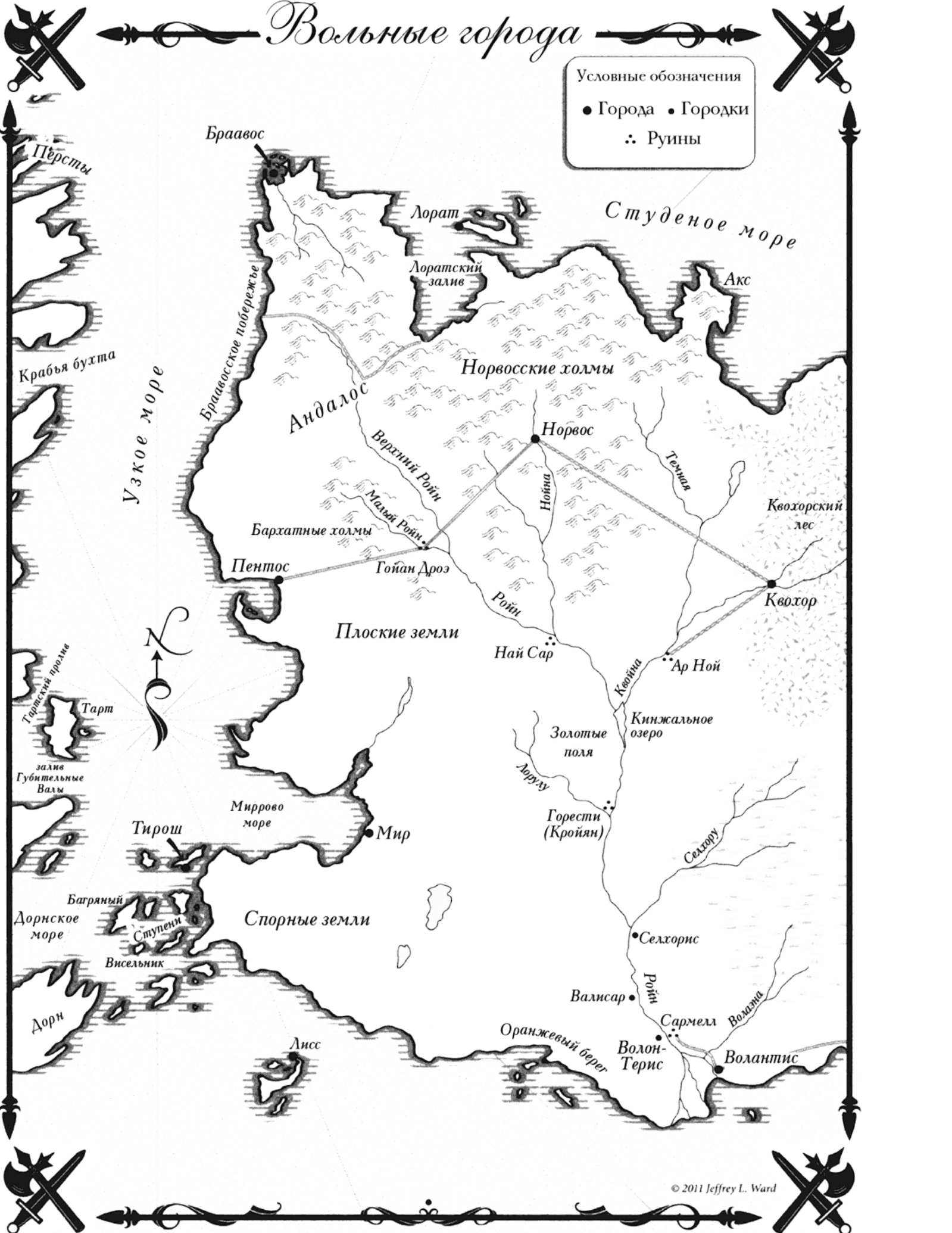

Вольные города

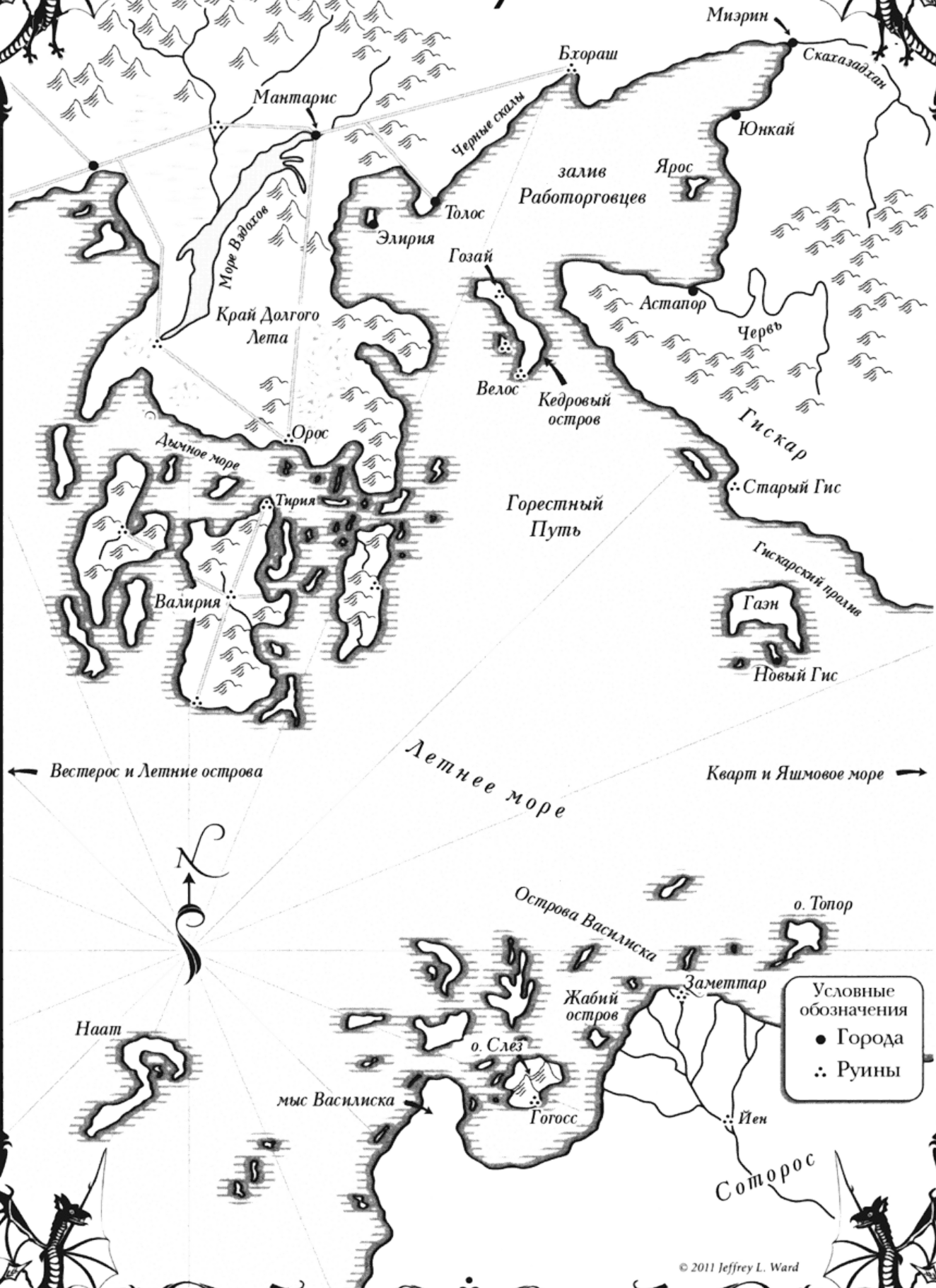
Условные обозначения

● Города ● Городки

∴ Руины

Валирия

Условные обозначения

- Города
- ∴ Руины

— Надо бы поворачивать, — встревожился Гаред, как только лес вокруг них начал темнеть. — Одичалые мертвы.

— Неужели ты боишься покойников? — спросил сир Уэймар Ройс с легким намеком на улыбку.

Гаред не попался на крючок. За свои пятьдесят лет он успел навидаться, как приходят и уходят эти господа.

— Мертвый мертв, — отвечал он. — С ним не о чем говорить.

— А они действительно мертвы? — спросил Ройс. — Какие доказательства есть у нас?

— Уилл видел их, — отвечал Гаред. — И если он говорит, что они мертвы, мне других доказательств не нужно.

Уилл знал, что его рано или поздно вовлекут в разговор, и хотел, чтобы это случилось по возможности позже.

— Мать моя говорила мне, что покойник не запоет, — сказал он.

— То же самое говорила моя няня, — отозвался Ройс. — Уилл, никогда не верь тому, что слышишь возле женской титьки. Есть вещи, которые можно узнать даже от мертвых. — Голос его слишком громко отдавался в сумрачном лесу.

— Нам предстоит долгая дорога, — напомнил Гаред. — Восемь дней, а быть может, и девять. И ночь уже близка.

Сир Уэймар Ройс поглядел на небо без всякого интереса.

— Ночь каждый день приходит примерно в это же время. Неужели тьма лишает тебя мужества, Гаред?

Уилл увидел, как напрягся рот Гаред, как сверкнул едва сдерживаемый гнев в глазах под толстым черным капюшоном плаща.

Сорок лет — юность и зрелость — провел Гаред в Ночном Дозоре, и свое прошлое он уважал. Однако здесь крылось нечто большее. Под раненой гордостью старшего Уилл угадывал нервное напряжение, опасно приближающееся к страху.

Уилл разделял это нелегкое чувство. На Стене он провел четыре года. И когда в первый раз отправился за нее, то сразу вспомнил все старые рассказы и чрево его обратилось в воду. Потом, вспоминая первую вылазку, он смеялся. Сотня походов сделала его ветераном, и бесконечная мрачная чаща, которую южане зовут Зачарованным лесом, более не казалась ему ужасной.

Но не сегодня. Сегодняшний вечер сулил иное. В этой тьме таилось нечто, заставлявшее подниматься волосы на его затылке. Девять дней они ехали на север, потом на северо-запад и снова на север, все дальше от Стены, преследуя банду дикарей-налетчиков. Каждый день был хуже предшествовавшего ему. И нынешний стал наихудшим. С севера задувал холодный ветер, деревья шелестели, словно живые. Весь день Уиллу казалось, что за ним следит нечто холодное и непреклонное, совершенно не испытывающее к нему симпатии. Гаред ощущал то же самое. Уилл хотел одного — броситься во всю конскую прыть под защиту Стены, но подобными чувствами не делятся со своим командиром.

В особенности с таким командиром.

Сир Уэймар Ройс был самым молодым отпрыском древнего рода, одним из многочисленных наследников. Симпатичный юноша лет восемнадцати, сероглазый, изящный

и стройный, как клинок. Восседая на спине своего рослого вороного боевого коня, рыцарь возвышался над Уиллом и Гаредом на их невысоких дорожных лошадках. Все на нем: черные кожаные сапоги, черные шерстяные штаны, черные перчатки из кротовых шкурок и тонко выделанная куртка из блестящих черных кольчужных колец, нашитых на стеганые слои черной шерсти и вареной кожи, — говорило о принадлежности к Ночному Дозору.

Сир Уэймар присягнул на верность братству менее полугода назад, и никто не мог сказать, что он не был подготовлен для такого занятия. Во всяком случае, если говорить о его гардеробе. Довершал одеяние плащ. Соболиный, толстый, черный и соблазнительно мягкий.

— Клянется, что сам убил всех зверьков, вот так вот, — показывал Гаред в казарме за вином. — Свернул им головушки наш могучий воитель.

Все дружно хохотали.

Трудно повиноваться человеку, которого осмеиваешь за выпивкой, думал Уилл, ежившийся на спине своей лошаденки. Гаред, должно быть, испытывал те же чувства.

— Мормонт приказал нам выследить их, и мы это сделали, — проговорил Гаред. — Одичалые мертвы. Более они не причинят хлопот. А нам предстоит тяжелая дорога. Мне не нравится погода. Если пойдет снег, на возвращение домой уйдет две недели, а ведь даже снегопад будет подарком. Вы когда-нибудь видели ледяную бурю, милорд?

Лорденыш как будто и не слышал его. Ройс изучал сгущающийся сумрак в этакой полурассеянности-полускуке. Уилл успел достаточно долго проездить с рыцарем и знал — лучше не докучать ему в подобном настроении.

— Опиши мне еще раз то, что ты видел, Уилл. Все подробности. Ничего не забудь.

Прежде чем поступить в Ночной Дозор, Уилл был охотником, точнее говоря, браконьером. Вольные всадники Маллистеров взяли его с кровью на руках в собственных лесах Маллистеров, над освежеванной тушей одного из оленей, принадлежавших Маллистерам; так что ему осталось или надеть черное, или расстаться с рукой. Никто не умел двигаться по лесу безмолвнее Уилла, и Черные Братья весьма скоро обнаружили этот дар.

— Их лагерь располагается в двух милях отсюда, за тем гребнем, возле ручья, — проговорил Уилл. — Я подобрался так близко, как только осмелился. Одичалых — восьмеро, есть и мужчины, и женщины. Я не видел там никаких детей. Они соорудили навес возле скалы. Теперь все засыпан снег, но я не заметил огня, хотя кострище было видно как на ладони. Никто не двигался, а ведь я долго следил за ними. Живому человеку не под силу пролежать так, не шевелясь.

— А ты видел кровь?

— Нет, — признал Уилл.

— А оружие?

— Несколько мечей и луков. У одного был топор, тяжелый такой, с двумя лезвиями... жестокое железо. Он лежал на земле возле этого человека, прямо у руки.

— А ты заметил положение тел?

Уилл пожал плечами:

— Один сидел возле скалы. Остальные были на земле, попопадали, что ли.

— Или спали, — предположил Ройс.

— Упали, — настаивал Уилл. — Женщина влезла наверх железного дерева и пряталась среди ветвей. Дозорная. — Он тонко улыбнулся. — Я старался, чтобы она не увидела меня. Но когда подобрался ближе, то заметил, что и она не шевелится. — И против желания он

поежился.

— Тебе холодно? — спросил Ройс.

— Слегка, — пробормотал Уилл. — Ветер, милорд.

Молодой рыцарь повернулся к седому оруженосцу. Побитые морозом листья с шелестом пролетели мимо, и конь Ройса беспокойно шевельнулся.

— Итак, какова, по-твоему, была причина смерти этих людей, Гаред? — непринужденно спросил сир Уэймар, поправляя длинный соболиный плащ.

— Холод, — отвечал Гаред с железной уверенностью. — Прошлой зимой я видел, как замерзают люди, видел и позапрошлой, когда был еще наполовину мальчишкой. Все говорят о снегах глубиной в сорок футов, о том, как ледяной ветер, воя, налетает с севера, но главным врагом является холод. Он добирается до тебя бесшумнее, чем Уилл, и сперва ты только поеживаешься и стучишь зубами, а потом топаешь ногами и мечтаешь о подогретом вине с пряностями и чудесном жарком очаге. Мороз жжет. Ничто не обжигает, как холод. Но лишь поначалу. А потом он проникает внутрь тела, наполняет тебя, пока у человека не остается сил сопротивляться. Легче просто сесть и уснуть. Говорят, что, замерзая, перед концом не чувствуешь никакой боли. Просто слабеешь и тихонько засыпаешь, все словно блекнет, а потом как будто проваливаешься в море теплого молока, в мир и покой.

— Экое красноречие, Гаред, — усмехнулся сир Уэймар. — Никогда не подозревал в тебе подобного дара.

— Холод проникал и в меня, молодой лорд. — Гаред откинул назад капюшон, давая сир Уэймару возможность рассмотреть обрубки, оставшиеся на месте ушей. — Два уха, три пальца на ногах и мизинец на левой руке. Я еще легко отделался. Моего брата тогда нашли замерзшим и улыбающимся.

Сир Уэймар пожал плечами:

— Надо было одеться потеплее, Гаред.

Тот гневно глянул на юного лорда, шрамы на месте ушей, там, где мейстер Эймон срезал обмороженный хрящ, налились кровью от гнева.

— Посмотрим, как согреет тебя одежда, когда придет зима. — Он натянул на голову капюшон и сторбился на своей лошади, угрюмый и молчаливый.

— Если Гаред говорит, что было холодно... — начал Уилл.

— А ты был в карауле на прошлой неделе, Уилл?

— Да, милорд. — Ни одна неделя не проходила без того, чтобы ему не выпадало с дюжину этих паскудных караулов. Чего, собственно, Ройс хочет от него?

— И какой была Стена?

— Мокрой, — сказал Уилл хмурясь. Теперь он понял, чего добивается молодой лорд. — Они не могли замерзнуть. Ведь Стена подтаяла. Настоящего холода не было.

Ройс кивнул:

— Смышленный парень. На этой неделе несколько раз подмораживало, выпадал снег, но холодов, достаточно свирепых, чтобы убить восьмерых взрослых людей, не было. Напоминаю: одетых в меха и кожу, возле укрытия и костра. — Улыбка рыцаря сделалась самоуверенной. — Уилл, веди нас туда, я сам хочу увидеть этих мертвецов.

Ну что ж, делать нечего. Приказ отдан, надо повиноваться.

Уилл направился первым, его косматая невысокая лошадка внимательно выбирала путь через подлесок. Позапрошлой ночью выпал легкий снежок, и камни, корни и ямки прятались под его поверхностью, поджидая неосторожного и беспечного. Сир Уэймар Ройс следовал за

ним, рослый вороной жеребец нетерпеливо фыркал. Боевой конь не годился для разведки, но попробуй это сказать его лордству. Гаред замыкал линию. Старый оруженосец что-то бурчал под нос.

Сумерки сгущались. Неласковое небо сперва приняло глубокий пурпурный оттенок, потом цвет старого синяка и, наконец, почернело. Начали выступать звезды. Над деревьями объявился и полумесяц. Уилл обрадовался свету.

— Можно бы и прибавить шагу, — заметил Ройс, когда луна поднялась повыше.

— Я не уверен, — отвечал Уилл. Страх заставил его забыть про вежливость. — Быть может, милорд хочет возглавить нас?

Сир Уэймар Ройс не потрудился ответить.

Где-то вдалеке в лесу завыл волк. Уилл завел свою лошадь под ствол, древний и корявый, и спешился.

— Почему ты остановился? — спросил сир Уэймар.

— Остаток пути лучше пройти пешком, милорд. Место как раз за гребнем.

Вглядываясь вдаль, Ройс помедлил, на мгновение остановившись в явной задумчивости. Холодный ветер прошелестел в деревьях, толстый меховой плащ рыцаря словно бы сам собой шевельнулся сзади.

— Здесь что-то неладно, — пробормотал Гаред.

Молодой рыцарь посмотрел на него с презрительной улыбкой:

— В самом деле?

— Неужели вы не ощущаете сами? — спросил Гаред. — Прислушайтесь к тьме.

Уилл чувствовал это. За все четыре года, проведенных в Ночном Дозоре, ему никогда не приводилось так пугаться. Что это такое?

— Дует ветер. Деревья шелестят. Волк воет. Какой звук лишает тебя мужества, Гаред? — Не дождавшись ответа, Ройс изящно выскользнул из седла. Он надежно привязал скакуна к низкому суку, чуть в стороне от остальных, и извлек из ножен длинный меч. На рукоятке блеснули самоцветы, лунный свет пробежал по сверкающей стали. Великолепное оружие, выкованное в замке, и не столь уж давно, если как следует приглядеться. Только вот едва ли им замахивались в гневе, решил Уилл.

— Здесь всюду деревья, — предостерег Уилл. — Меч помешает вам, милорд. Лучше возьмите нож.

— Если мне потребуются наставления, я попрошу их, — сказал молодой лорд. — Гаред, оставайся здесь. Охраняй коней.

Гаред спешился.

— Нам нужен огонь. Я разведу костер.

— Какой же ты дурак, старик! Если по этому лесу бродят враги, значит, в огне мы нуждаемся в самую последнюю очередь.

— Бывает, что врагов огонь удерживает в стороне, — проговорил Гаред. — Его боятся медведи и лютоволки... да и другие...

Рот сира Уэймара сложился в прямую линию:

— Никакого огня!

Капюшон Гаредда прикрыл лицо, но, поворачиваясь к рыцарю, Уилл заметил в глазах старика жесткий блеск. На миг он испугался, что Гаред достанет свой меч... короткая уродливая штукавина, рукоятка изъедена потом, лезвие притуплено долгим употреблением... Уилл не дал бы железного шиллинга за жизнь лорденыша, если бы Гаред извлек свой клинок

из ножен.

Наконец Гаред поглядел вниз.

— Никакого огня, — пробормотал он едва слышным голосом.

Ройс принял это за подтверждение и отвернулся.

— Ступай, — сказал он Уиллу.

Уилл направился в чащу, потом вверх по склону к высокому гребню, где он обнаружил удобное место под страж-деревом. Тонкая корочка снега едва прикрывала грязь и влагу, ноги скользили — мешали камни и скрытые корни, — однако, поднимаясь, Уилл не произвел ни звука. За его спиной негромко позвякивал кольчугой лорденок, шелестели листья, раздавались негромкие ругательства, когда загребущие ветви цеплялись за длинный меч и за великолепный соболий плащ.

Огромное страж-дерево находилось прямо на гребне; как помнил Уилл, нижние ветви его поднимались от земли почти на фут. Уилл скользнул под дерево, лег на живот в снег и грязь, поглядел на пустую поляну внизу, и сердце его провалилось в пятки. Мгновение он не смелдохнуть. Луна освещала поляну, кострище, занесенный снегом навес, огромную скалу, маленький узкий полузамерзший ручеек. Все это осталось неизменным — как и несколько часов назад.

Но людей не было, все тела исчезли.

— Ах, боги! — услышал он позади себя голос. Меч рубанул по ветке, и сир Уэймар Ройс поднялся на гребень. Он остановился возле страж-дерева с мечом в руках, ветер раздувал плащ, все вокруг могли видеть благородный силуэт на фоне звездного неба.

— Немедленно вниз! — настоятельно шепнул Уилл. — Здесь что-то не так.

Ройс не шевельнулся. Он поглядел на пустую прогалину и расхохотался:

— Выходит, твои мертвецы куда-то перебрались.

Голос Уилла предал его. Он искал слова и не находил их. Немыслимо! Глаза его метались взад и вперед по покинутому стану и остановились на топоре. Огромный боевой топор с двумя лезвиями все еще лежал на прежнем месте. Ценное оружие...

— На ноги, Уилл, — приказал сир Уэймар. — Здесь никого нет. Я не хочу, чтобы ты прятался под кустом.

Уилл нерешительно поднял голову.

Сир Уэймар глядел на него с открытым неодобрением.

— Я не намереваюсь вернуться в Черный замок с признанием о неудаче моей первой вылазки. Мы найдем этих людей. — Он огляделся. — Лезь на дерево. И быстро. Ищи огонь.

Уилл молча отвернулся, спорить было бесполезно. Ветер менялся. Теперь порывы продували насквозь. Уилл подошел к дереву, высоко поднимавшему свои серо-зеленые ветви, и полез вверх. Скоро руки его запачкались смолой, и он почти потерялся среди иголок. Страх наполнил нутро Уилла комом непереваренной пищи. Прочитав молитву безымянным богам леса, он извлек свой кинжал из ножен и зажал в зубах, чтобы можно было держаться за дерево обеими руками. Вкус холодного железа во рту почему-то всегда успокаивал его.

Лорденьш внизу вдруг воскликнул:

— Кто идет?

Уилл услышал неуверенность в его голосе и замер, прислушиваясь и наблюдая.

Лес дал ответ: шелестели листья, в ледяном ложе бежал ручей, вдалеке кричала снежная сова.

Иные не издают звуков.

Уилл заметил движение уголком глаза. Бледные силуэты появились в лесу. Повернув голову, он увидел белую тень, скользнувшую во тьме. Тень исчезла. Ветки легко шевелились под ветром, скребли друг друга деревянными пальцами. Уилл открыл рот, чтобы выкрикнуть предупреждение, но слова как будто замерзли в его горле. Возможно, он ошибся, и это всего лишь птица или отражение, брошенное на снег прихотью лунного света. В конце концов, что он видел?

— Уилл, где ты? — поднял голову вверх сир Уэймар. — Ты заметил что-нибудь? — Зажав в руке меч, рыцарь медленно, с внезапным напряжением повернулся на месте. Значит, и он ощутил их. Ощутил, но не увидел. — Отвечай мне! Почему так холодно?

Было действительно холодно. Ежась, Уилл плотнее прижался к стволу, припав лицом к грубой коре. Сладко пахло смолой, прилипшей к щеке.

Из тьмы леса родилась тень и остановилась перед Ройсом. Высокая, тощая и твердая, как старые кости, и вместе с тем бледная, как молоко. Панцирь ее словно менял цвет при каждом движении. Он то становился белым, как свежесыпавший снег, то покрывался угольной тенью, то отливал серой зеленью деревьев. С каждым шагом новый узор пробегал по броне, словно лунный свет по воде.

Уилл услышал, как дыхание с долгим шипением вырвалось из груди сира Уэймара Ройса.

— Стой! — выкрикнул лорденыш, дав петуха как мальчишка. Забросив длинный соболий плащ за плечи, он освободил обе руки для боя и взял меч. Ветер утих, но сделалось еще холоднее.

Иной скользил вперед, бесшумно ступая; в руке существо держало длинный меч. Таких клинков Уилл никогда не видел. Ни один известный людям металл не мог бы пойти на это лезвие. Играя в лунном свете, меч казался прозрачной полоской тонкого хрусталя и почти исчезал, поворачиваясь плоскостью. Он горел призрачным голубым пламенем, и чутье поведало Уиллу, что более острого клинка ему еще не встречалось.

— Ну что ж, попляшем и согреемся, — пробормотал сир Уэймар и занес свой меч над головой. Руки его дрожали от тяжести оружия или, может быть, от холода. И все же в тот момент Уилл увидел в нем не прежнего мальчика, но мужа из Ночного Дозора.

Иной остановился, и Уилл заметил глаза существа: глубокая и густая нечеловеческая синева сверкала как лед. Они были обращены к длинному мечу, занесенному над головой, и лунный свет леденил металл. На миг Уилл потерял надежду.

Они безмолвно возникали из теней двойниками первого. Их было трое... четверо... пятеро... Сир Уэймар, должно быть, ощущал холод, который принесли Иные, но не видел их, даже не слышал. Уиллу следовало бы крикнуть. Но, выполняя свой долг, он лишь навлек бы на себя несомненную смерть. Трепеща, Уилл только теснее обнял дерево, сохраняя молчание.

Бледный меч холодом пронзил воздух.

Сир Уэймар встретил удар сталью. Клинки соприкоснулись не со звоном металла о металл: в воздухе проплыл тонкий стон животного, получившего смертельную рану. Ройс отразил и второй удар, и третий, а затем отступил на шаг. Последовал еще поток ударов, и он снова отступил.

Позади него, справа, слева, вокруг стояли терпеливые, безликие и безмолвные наблюдатели, текучие узоры на хрупкой броне делали их в лесу почти невидимыми. И все же они не пытались вмешаться.

Вновь и вновь встречались мечи. Уиллу захотелось зажать уши, только бы не слышать этот странный болезненный визг. Сир Уэймар теперь пыхтел от натуги, дыхание паром струилось в лунном свете. Его клинок побелел от мороза. Иной же плясал вокруг с бледным голубым пламенем в руках.

А потом удар Ройса чуть запоздал. Бледный меч прорезал его кольчугу на боку. Молодой лорд вскрикнул от боли. Кровь хлынула между колец. Она задымилась на холоде, красные как огонь капли падали на снег. Пальцы сира Уэймара зажали бок, на кротовой перчатке выступила кровь.

Иной что-то сказал: языка Уилл не знал, голос чужака трещал словно лед на зимнем озере, но в словах слышалась насмешка.

К сир Уэймару вновь вернулась ярость.

— За короля Роберта! — закричал он и отчаянно бросился вперед, обеими руками занес покрытый изморозью меч и рубанул им сбоку, вложив в удар вес всего тела. Иной ответил небрежным ленивым движением.

Клинки соприкоснулись, и сталь разбилась.

С визгом, отозвавшимся в ночном лесу, длинный меч рассыпался на сотню хрупких иголок, дождем разлетевшихся вокруг. Ройс упал на колени, с криком прижимая руку к глазам. Кровь проступала между его пальцев.

Безмолвные наблюдатели разом шагнули вперед, словно получив какой-то сигнал. Мечи поднимались и падали в смертельном безмолвии. Началась хладнокровная бойня. Бледные клинки прорезали кольчугу, словно какой-то шелк. Уилл закрыл глаза. Голоса их и смех, колючий словно сосульки, раздавались где-то под ним.

Не скоро он накопил достаточно отваги, чтобы поглядеть вниз, даже когда гребень уже опустел.

Едва смея дышать, Уилл еще долго оставался на дереве, и луна медленно ползла по черному небу. Наконец мышцы его окоченели, пальцы онемели от холода, и он стал спускаться.

Тело Ройса лежало лицом в снег, одна рука была протянута в сторону, толстый соболий плащ прорезан в дюжине мест. Было видно, насколько он молод. Мальчишка.

Уилл нашел остатки меча чуть в стороне: клинок расщепился и изогнулся, напоминая дерево, пораженное ударом молнии. Став на колени, Уилл осторожно огляделся вокруг и подобрал оружие. Расщепленный клинок послужит доказательством его слов. Гаред знает, что все это значит, а если нет, то поймет старый медведь Мормонт или мейстер Эймон. Ждет ли его еще Гаред с лошадьми? Надо торопиться.

Уилл поднялся. Над ним высился сир Уэймар Ройс. Тонкие одежды разодраны, лицо разбито. Осколок торчал из ослепленной левой глазницы.

Правый глаз был открыт. Зрачок его горел синим огнем и... видел.

Сломанный меч упал из бесчувственных пальцев. Уилл закрыл глаза, чтобы помолиться. Длинные благородные пальцы коснулись его щеки, стиснули горло. Уилл ощутил прикосновение тончайшей выделки кротовой кожи, липкой от крови. Но прикосновение оказалось ледяным.

Утро выдалось чистым и ясным, свежесть напоминала о близящемся конце лета. Они выехали на рассвете, чтобы поглядеть, как этому типу отрубят голову; их было двадцать человек, и Бран ехал среди них, нервничая от возбуждения. Впервые лорд-отец и братья сочли его достаточно взрослым, чтобы лицезреть совершенство королевского правосудия. Шел девятый год лета — и седьмой в жизни Брана.

Человека этого взяли возле небольшой крепости в горах. Робб считал, что это один из одичалых — человек, присягнувший мечом Мансу-налетчику, Королю за Стеной. По коже Брана при этой мысли побежали мурашки. Он помнил, о чем старая Нэн рассказывала у очага. Одичалые — люд жестокий, говорила она, убийцы, работоторговцы и воры. Они водились с гигантами и мертвяками, глухими ночами крали девчонок и пили кровь из обточенных рогов. А их женщины долгой ночью ложились с Иными, чтобы породить ужасных детей, в которых было мало человеческого. Но человек, связанный по рукам и ногам возле стены и ожидавший совершения королевского правосудия, был стар и худ и ростом лишь немного превышал Робба. Лишенный обоих ушей и пальца, он был одет в черное, как подобает брату из Ночного Дозора, только меха его были потрепанны и грязны.

Дыхание людей и коней мешалось, струясь парком в холодном утреннем воздухе. Отец Брана, лорд, велел отрезать веревки от стены и подтащить пленника поближе. Робб и Джон, высокие и спокойные, сидели на конях, между ними красовался Бран на своем пони и пытался казаться старше семи лет, старательно изображая, что все это он уже видел. Слабый ветерок дул из ворот крепости. Над головами трепетало знамя Старков из Винтерфелла:^[1] серый лютоволк несся по снежно-белому полю.

Отец невозмутимо сидел на коне, длинные каштановые волосы теребил ветер. В подстриженной бороде мелькали белые нити, он выглядел старше своих тридцати пяти лет. Серые глаза лорда нынче смотрели угрюмо, он казался непохожим на того мужчину, который вечерами возле огня негромко рассказывал о веке героев и детях леса. Бран подумал: он снял себя личину отца и надел маску, подобающую лорду Старку,^[2] владельцу Винтерфелла.

Холодное утро слышало вопросы судей и ответы на них; сам Бран впоследствии не мог вспомнить, о чем шла речь. Наконец лорд-отец дал приказ, и двое гвардейцев потащили оборванца к колоде железоствола, стоящей в центре площади, и заставили его положить голову на твердое дерево. Лорд Эддард Старк спешился, и его подопечный Теон Грейджой подал меч. Клинок имел собственное имя и звался Лед. Шириной он был в ладонь мужчины, а в длину превышал рост Робба. Черное лезвие выковали из валирийской стали и укрепили заклинаниями. Нет меча острее, чем валирийский.

Отец стащил перчатки, передал их Джори Касселю, капитану его домашней гвардии. Он обхватил меч обеими руками и проговорил:

— Именем Роберта из дома Баратеонов, первого носителя этого имени, короля андалов, ройнаров и Первых Людей, владыки Семи Королевств и Хранителя Областей, по слову Эддарда из дома Старков, лорда Винтерфелла и Хранителя Севера, я выношу тебе смертный приговор. — Огромный меч сверкнул высоко над головой.

Бастард Джон Сноу подвинулся ближе к Брану.

— Придержи-ка своего пони, — шепнул он. — И не отворачивайся, отец заметит.

Бран удержал пони на месте и не отвернулся.

Отец снес голову преступнику одним уверенным ударом. Кровь хлынула на снег, окрасившийся в цвет летнего вина. Один из коней встал на дыбы, и его пришлось удерживать на месте. Бран не мог отвести глаз от крови. Снег вокруг колоды быстро впитывал ее, краснея буквально на глазах.

Голова ударилась о толстый корень и откатилась к ногам Грейджоя. Теон, смуглый молодец девятнадцати лет, во всем находил смешное. Он расхохотался, поставил сапог на голову и пнул...

— Осел, — пробормотал Джон, но так, чтобы не слышал Грейджой. Он положил руку на плечо Брана, тот поглядел на своего незаконнорожденного брата. — А ты молодец, — торжественно объявил Джон с высоты своих четырнадцати лет, как знаток совершения правосудия.

Обратная дорога показалась более длинной и холодной, хотя ветер стих и солнце поднялось выше. Бран ехал вместе с братьями впереди основного отряда, пони его с трудом держался вровень с рослыми лошадьми.

— Дезертир принял смерть отважно, — проговорил Робб. Высокий и широкоплечий, он рос день ото дня. Робб пошел в мать: светлая кожа, рыже-каштановые волосы и синие глаза Талли из Риверрана. — Ему по крайней мере хватило отваги.

— Нет, — вновь негромко ответил Джон. — Это не отвага. Он окоченел от страха. Мог бы и посмотреть ему в глаза, Старк. — Собственные глаза Джона, серые настолько, что казались почти что черными, редко упускали что-либо. Он был одного возраста с Роббом, хотя сходства в них обнаруживалось немного, и если Джон был худощав, темноволос и быстр, то Робб мускулист, светловолос, крепок и надежен.

Робб явно не был заинтересован в разговоре.

— Чтоб его глаза вынули Иные, — буркнул он. — Дезертир умер достойно. Спорим, я буду первым у моста?

— По рукам, — ответил Джон, немедленно посылая своего коня вперед. Робб ругнулся и последовал за ним; они помчались вдоль дороги. Робб хохотал и улюлюкал, Джон сохранял сосредоточенное молчание. Копыта коней поднимали фонтаны снега.

Бран и не пытался последовать за ними. Пони его не был способен на такие штучки. Но глаза оборванца он тоже видел — и теперь вспоминал их. Спустя некоторое время смех Робба расстаял вдали, и в лесу вновь стало тихо.

Бран так глубоко погрузился в думу, что даже не услышал, как его нагнал весь отряд и отец подъехал к нему сзади.

— С тобой все в порядке, Бран? — спросил он, пожалуй, даже с заботой.

— Да, отец, — ответил Бран, поднимая взгляд. Его лорд-отец, закутанный в меха, высился над ним на огромном боевом коне подобно гиганту. — Робб сказал, что человек этот умер с отвагой, но Джон уверяет, что он боялся.

— А ты как думаешь? — спросил отец.

Бран подумал.

— А не может ли человек сразу быть отважным, но чего-то бояться?

— Только так и может человек быть отважным, — ответил отец. — А ты понимаешь, почему я это сделал?

— Он был из одичалых, — проговорил Бран. — Они крадут женщин и продают их Иным.

Лорд-отец улыбнулся:

— Опять наслушался сказок старухи Нэн? Понимаешь, человек этот был клятвопреступником, сбежавшим из Ночного Дозора. Нет преступника более опасного. Дезертир знает, что если его поймают, то лишат жизни, и не остановится перед любым злодеянием. Но ты не понял меня. Я говорю не о том, почему он должен был умереть, а о том, почему я сделал это своими руками.

Брану нечего было сказать.

— У короля Роберта есть палач, — проговорил он неуверенно.

— Да, это так, — согласился отец. — Как и прежде у королей Таргариенов. Но наш обычай древнее. Кровь Первых Людей по-прежнему течет в жилах Старков: мы считаем, что тот, кто выносит приговор, должен и нанести удар. Если ты собираешься взять человеческую жизнь, сам загляни в глаза осужденного. Ну а если ты не в силах этого сделать, тогда человек, возможно, и не заслуживает смерти. Однажды, Бран, ты станешь знаменосцем Робба, будешь править собственной крепостью от имени твоего брата и твоего короля, и тебе придется совершать правосудие. Когда настанет такой день, ты не должен находить удовольствие в этом деле, но нельзя и отворачиваться... Правитель, прячущийся за наемных палачей, скоро забывает лик смерти.

В этот-то миг на гребне холма перед ними появился Джон. Махнув рукой, он закричал им:

— Отец, Бран, быстрее, посмотрите, что нашел Робб! — И с этими словами снова исчез.

Джори подъехал к ним.

— Что-то случилось, милорд?

— Вне сомнения, — отвечал лорд-отец. — Поехали посмотрим, какое безобразие обнаружили мои сыновья.

Он послал своего коня рысью. Джори, Бран и все остальные последовали за ним. Робба они обнаружили на берегу реки к северу от моста, Джон возле него оставался верхом. Снег позднего лета лежал глубоко. Робб стоял по колено в белом сугробе, капюшон откинут назад, и солнце поблескивает в волосах... Он держал что-то в руках, и мальчишки переговаривались негромкими взволнованными голосами.

Кони осторожно пробрались среди сугробов, пытаясь отыскать прочную опору для ног на неровной земле. Джори Кассель и Грейджой первыми приблизились к мальчишкам. Грейджой смеялся и шутил всю дорогу, но тут Бран услышал, как резко оборвался его смех.

— О боги! — воскликнул он, пытаясь сохранить власть над лошадьёю и протягивая руку к мечу.

Меч Джори уже был в его руках.

— Робб, отойди! — крикнул он, когда лошадь попятилась. Робб ухмыльнулся и поднял взгляд от комка, который держал в руках.

— Она не причинит тебе вреда, Джори, — отвечал он. — Она мертва.

Брана сжигало любопытство. Он пришпорил своего пони, но отец велел ему спешиться перед мостом и идти пешком. Бран соскочил с коня и побежал. К тому времени Джори, Джон и Теон уже спешили.

— И что же это такое, клянусь всеми семью пеклами? — проговорил Грейджой.

— Волчица, — сказал ему Робб.

— Урод, — отвечал Грейджой. — Погляди на величину.

Сердце Брана отчаянно стучало, пока он пробирался к братьям через сугроб,

провалившись в него по грудь. В окрашенном кровью снегу утопал огромный темный силуэт. Косматая серая шкура уже успела покрыться ледком, слабый запах падали тянулся с навязчивостью женских духов. Бран увидел слепые глаза, в которых уже ползали черви, широкую пасть, полную желтых зубов. Величина существа заставила его охнуть. Зверь был выше пони, в два раза больше самой рослой собаки отца.

— Это не урод, — невозмутимо отвечал Джон. — Это лютоволк. Они больше обычных.

Теон Грейджой заметил:

— Уже две сотни лет лютоволка ни разу не встречали к югу от Стены.

— Вот он перед нами, — ухмыльнулся Джон.

Бран сумел оторвать взгляд от чудовища и, сразу заметив ком шерсти в руках Робба, с восторженным воплем подошел ближе. Щенок — слепой шар серо-черного меха — тыкался носом в грудь Робба, державшего его на руках, и, не находя молока, грустно скулил. Бран неуверенно протянул руку.

— Давай, — сказал Робб. — Можешь погладить.

Бран нервным торопливым движением погладил животное, потом повернулся, услышав голос Джона.

— А вот и еще один. — Его сводный брат держал в руках второго щенка. — Их здесь пять.

Бран сел в снег и прижал волчонка к лицу. Мягкая шкурка грела щеку.

— После стольких-то лет лютоволки разгуливают по стране, — пробормотал Халлен, мастер над конями. — Мне это не нравится.

— Это знак, — сказал Джори.

Отец нахмурился.

— Джори, это всего лишь мертвое животное, — проворчал он. И все же он казался встревоженным. Захрустел снег под сапогами, отец обошел волчицу. — А почему она погибла?

— Что-то застряло в ее горле, — отвечал Робб, гордясь, что нашел ответ на вопрос, прежде чем отец задал его. — Тут, сразу под челюстью.

Отец встал на колени и запустил руку под голову зверя. Сильным движением он извлек и показал, чтобы все видели, отломанный отросток рога, мокрый от крови.

Внезапное молчание вдруг окутало отряд. Люди в смятении глядели на рог, никто не осмеливался заговорить. Даже Бран ощутил их страх, хотя не мог понять его причины.

Отец отбросил рог в сторону и вытер руки.

— Удивительно, что она протянула достаточно долго и успела ощениться, — сказал он мрачным голосом, разрывая молчание.

— Необязательно, — ответил Джори. — Говорят... словом, сука могла умереть раньше, чем появились щенки.

— Рожденные от мертвой, — заметил другой мужчина. — Счастья не будет.

— Не важно, — сказал Халлен. — Их все равно ждет смерть.

Бран испустил крик досады.

— Тогда чем скорее, тем лучше, — согласился Теон Грейджой, доставая меч. — Давай эту тварь сюда, Бран.

Кроха прижалась к нему, словно могла услышать и понять слова.

— Нет! — отчаянно выкрикнул Бран. — Он мой.

— Убери-ка меч, Грейджой, — сказал Робб, и в голосе его прозвучала отцовская

повелительная нотка, напомнив о том, что когда-нибудь и он станет властным лордом. —
Надо сохранить этих щенков.

— Этого нельзя делать, мальчик, — отвечал Харвин, сын Халлена.

— Милосердие велит убить их, — добавил Халлен.

В поисках поддержки Бран повернулся к лорду-отцу, но получил в ответ лишь хмурый, озабоченный взгляд.

— Халлен говорит правду, сын. Лучше быстрая смерть, чем медленная от холода и голода.

— Нет! — Бран ощутил, как слезы наполняют глаза, и отвернулся. Он не хотел плакать перед отцом.

Робб упрямо сопротивлялся.

— Рыжая сука сэра Родрика оценилась на прошлой неделе, — сказал он. — Помет невелик, в живых осталось лишь два щенка. У нее хватит молока.

— Она разорвет их на части, когда они попытаются сосать.

— Лорд Старк, — проговорил Джон, обращаясь к отцу с непривычной официальностью. Бран поглядел на него с отчаянной надеждой. — Всего щенков пять. Трое кобельков, две суки.

— Ну и что из этого, Джон?

— У вас пятеро законных детей, — сказал Джон. — Трое сыновей, две дочери. Лютоволк — герб вашего дома. Эти щенки предназначены судьбой вашим детям, милорд.

Бран заметил, как лицо отца переменилось, все вокруг обменялись взглядами. В этот миг он любил Джона всем сердцем. Даже в свои семь лет Бран понял, на что пошел его брат. Счет сошелся лишь потому, что Джон исключил себя. Оставив девочек и даже младенца Рикона, но не посчитав себя самого — бастарда, носящего фамилию Сноу. Закон северных земель предписывает называться так любому несчастному, которому не выпала удача родиться с собственным именем.

Отец это прекрасно понял.

— Разве ты не хотел бы взять щенка и себе, Джон? — спросил он негромко.

— Отец, лютоволк украшает знамена Старков, — сказал Джон, — а я не Старк.

Лорд-отец задумчиво посмотрел на Джона. Робб торопливо попытался заполнить напряженное молчание.

— Я сам выкормлю щенка, — пообещал он. — Обмакну полотенце в теплое молоко и дам ему пососать.

— Я тоже! — отозвался Бран.

Лорд Старк внимательно поглядел на своих сыновей.

— Легко сказать, труднее сделать. Я не хочу, чтобы вы тратили время своих слуг на пустяки. Если вам нужны щенки, кормите их сами. Понятно?

Бран ретиво закивал. Щенок пошевелился в его руке, лизнул в лицо теплым языком.

— Вы должны и воспитать их, — сказал отец. — Только самостоятельно. Псарь не подойдет к этим чудовищам, я это обещаю. И пусть боги помогут вам, если вы забросите их, озлобите и плохо обучите. Такой пес не станет молить подачки, его нельзя будет отбросить пинком. Лютоволк способен запросто отхватить человеку руку, как пес перегрызает крысу. Вы уверены, что хотите этого?

— Да, отец, — отвечал Бран.

— Да, — согласился Робб.

— Невзирая на все ваши старания, щенки могут умереть.

— Они не умрут, — обещал Робб. — Мы не допустим этого.

— Пусть тогда живут. Джори, Десмонд, заберите остальных щенков. Пора возвращаться в Винтерфелл.

Только когда все поднялись в седло и взяли с места, Бран позволил себе ощутить сладкий вкус победы. К тому времени его щенок уже устроился под кожаной одеждой, в тепле и безопасности. Бран все думал о том, как назвать его. На половине моста Джон внезапно остановился.

— Что такое, Джон? — спросил лорд-отец.

— Вы не слышите?

Бран слышал голос ветра в ветвях, стук копыт по доскам железного дерева, скулеж голодного щенка, но Джон внимал чему-то другому.

— Там, — сказал Джон. Развернув коня, он направился галопом через мост.

Все видели, как он спешился, наклонился над мертвой волчицей. И мгновение спустя направился назад улыбаясь.

— Наверное, отполз в сторону от остальных, — проговорил Джон.

— Или его прогнали, — сказал отец, глядя на последнего щенка, белого в отличие от серых сестер и братьев. Глаза его были красны, как кровь того оборванца, что умер этим утром. Бран удивился тому, что именно этот щенок уже открыл глаза, когда все остальные еще оставались слепыми.

— Альбинос, — с сухим удивлением сказал Теон Грейджой. — Этот умрет даже быстрее, чем все остальные.

Джон Сноу одарил воспитанника своего отца долгим холодным взглядом.

— Едва ли, Грейджой, — возразил он. — Этот принадлежит мне.

Здесьняя богороща никогда не нравилась Кейтилин.

Она родилась на юге — в Риверране, далеко теперь Быстроречье, у Красного Зубца, одной из трех рек, сливавшихся в Трезубец. Там богороща была садом, ярким и воздушным... там высокие краснодрева раскидывали пятнистые тени над звонкими ручьями, там птицы пели в гнездах, там воздух благоухал цветами.

Боги Винтерфелла любили другие леса. Мрачный первобытный уголок, три акра старого леса, нетронутый в течение десяти тысяч лет, и мрачный, как гнездо хищной птицы, замок над ним. Тут пахло влажной землей и гниением. Тут не рос красный лес. Упрямые страждеревья в серо-зеленых игольчатых шубах сменялись могучими дубами и колоннами железостола, древними, как сама округа. Тут толстые черные стволы теснились друг к другу, корявые ветви сплетались в плотный навес над головой, а уродливые корни выползали из-под земли. Тут царило глубокое молчание, властвовала задумчивая тень, и боги, обитавшие в лесном краю, имен не имели.

Но сегодня она знала, где искать своего мужа. Отобрав жизнь человека, Эддард всегда уходил в тишину богорощи.

Кейтилин была помазана семью елеями, она получила имя в радуге света, наполнявшей септу Риверрана. Ее боги имели имена, и лики их были знакомы ей, как лица родителей. Эту же веру исповедовали и дед ее, и прадед. Во время службы септон кадил благовониями, семигранный кристалл наполнялся живым светом, пели голоса. Как подобает великому дому, Талли содержали и богорощу, но только гуляли там, или читали, или лежали на солнце. Поклонение совершалось в септе. Для нее одной Эддард соорудил небольшую септу, чтобы она могла петь перед семью ликами Бога, но в жилах Старков до сих пор текла кровь Первых Людей, и муж ее поклонялся старым богам, безымянным и безликим божествам зеленого леса, позаимствованным у давно исчезнувших Детей Леса.

А в центре лужайки древнее чардрово размышляло над небольшой запрудой, наполненной черной холодной водой. Сердце-дерево — называл его Нед. Кора чардрова белела обветренной костью, темно-алые листья казались тысячу замаранных в крови ладоней. На толстом стволе было вырезано лицо, длинное и задумчивое; глубоко ушедшие в кору глаза заплыли застывшим соком и казались странно внимательными. Они знали, что такое древность: эти глаза были старше самого Винтерфелла. Если не обманывали легенды, они видели, как Брандон-строитель заложил первый камень, они видели, как поднимались гранитные стены замка. Говорили, что Дети Леса вырезали лики на деревьях в столетия, предшествовавшие нашествию Первых Людей из-за Узкого моря.

На юге последние чардровья были срублены или сожжены еще тысячу лет назад, если не считать острова Ликов, где белоствольные мужи еще несли свою безмолвную стражу. Здесь, на севере, все было иначе. Здесь у каждого замка была своя богороща, и в каждой богороще росло сердце-дерево, и у каждого сердце-дерева было лицо.

Кейтилин обнаружила своего мужа под чардровом, сидящим на заросшем мхом камне. Великий меч Лед лежал на его коленях, он омывал клинок в черных как ночь водах запруды. Слежавшийся за тысячелетия толстый слой почвы поглощал звук шагов Кейтилин, но красные глаза неотступно следили за ней со ствола дерева.

— Нед, — негромко позвала она.

Он угрюмо посмотрел на нее и спросил голосом далеким и официальным:

— Кейтилин, а где дети?

Муж всегда спрашивал ее о них.

— В кухне, они спорят о том, как назвать волчат. — Она расстелила свой плащ на дернине и села возле пруда спиной к чардреву. Кейтилин ощущала, как следят за ней глаза, но самым лучшим образом постаралась не замечать этого взгляда. — Арья уже влюбилась, Санса очарована и благодарна, Рикон еще не вполне все понял.

— Он боится? — спросил Нед.

— Немного, — признала она. — Но ему только три.

Нед нахмурился.

— Его пора учить встречаться лицом к лицу с собственным страхом. Три года ему не навечно. Потом, зима близко.

— Да, — согласилась Кейтилин. От слов этих, как всегда, по коже ее пробежал озноб. Слова Старков. В каждом благородном доме есть собственное речение: фамильные девизы, критерии, молитвы; одни хвастали честью и славой, другие обещали верность и правду, третьи присягали в вере и отваге. Все, кроме Старков. Зима близко, сулили они. Кейтилин не впервые подумала о том, насколько же странный народ эти северяне.

— Беглец умер сегодня с достоинством, следует отдать ему должное, — проговорил Нед. Он водил по огромному мечу лоскутом промасленной кожи, полируя металл до темного блеска. — Я был горд за Брана, ты была бы довольна им.

— Я всегда горжусь Браном, — отвечала Кейтилин, разглядывая меч под руками мужа. Она угадывала волнующиеся глубины внутри клинка, где металл сотню раз смяли во времяковки. Кейтилин не любила мечей, но не могла отрицать, что Льду присуща особенная краса. Меч выковали в Валирии, до того как Рок обрушился на Фригольд;^[3] кузнецы там обрабатывали металл не одними молотами, но и заклинаниями. Четыре сотни лет было мечу, и лезвие его ничуть не затупилось с того дня, когда мастер выпустил его из рук. Имя же сохранилось с еще более древних времен. Наследие века героев, когда Старки были Королями Севера.

— Уже четвертый в этом году, — мрачно заметил Нед. — Бедняга наполовину обезумел от страха, кто-то настолько перепугал его, что он просто не понимал моих слов. — Он вздохнул. — Бен пишет, что в Ночном Дозоре осталось меньше тысячи людей. И дело не только в дезертирах. Дозор теряет людей в стычках.

— С одичалыми? — спросила Кейтилин.

— А с кем же еще? — Нед поднял Лед, поглядел на длинную полосу холодной стали. — И будет только хуже. Может настать такой день, когда у меня не останется другого выхода, кроме как собрать все знамена и отправиться на север, чтобы раз и навсегда расправиться с этим Королем за Стеной.

— Отправиться за Стену? — От этой мысли Кейтилин поежилась.

Нед заметил промелькнувшее выражение ужаса на ее лице.

— Нам нечего страшиться Манса-налетчика.

— За Стеной обитают более страшные твари. — Она оглянулась на сердце-дерево, красные глаза на бледной коре следили, прислушивались, обдумывали свои долгие, неторопливые мысли.

— Ты слишком любишь слушать сказки старухи Нэн, — ответил Нед с мягкой улыбкой. — Иные мертвы, как и Дети Леса, они исчезли восемь тысячелетий назад. Мейстер

Лювин докажет тебе, что они никогда не существовали. Никто из живых людей еще не видел их.

— До нынешнего утра ни один человек не видел и лютоволка, — напомнила ему Кейтилин.

— Когда споришь с Талли, следует обдумывать слова, — ответил Нед с горькой улыбкой и вдвинул Лед в ножны. — Но ты пришла не для того, чтобы рассказывать мне детские сказки; я знаю, насколько мало нравится тебе это место. Так в чем же дело, моя госпожа?

Кейтилин взяла мужа за руку.

— Сегодня пришли горестные вести, милорд. Я не хотела беспокоить тебя, пока ты не очистишься. — Смягчить удар было невозможно, поэтому она сказала прямо: — Мне так жаль, моя любовь. Умер Джон Аррен. — Их взгляды встретились, и она поняла, насколько тяжела утрата. Это легко было предвидеть. Нед провел свою юность воспитанником в Орлином Гнезде, бездетный лорд Аррен сделался вторым отцом и ему, и его приятелю Роберту Баратеону. Когда Безумный король Эйерис II Таргариен потребовал выдать обоих, лорд Орлиного Гнезда поднял свой стяг с луной и соколом и выступил против властелина, но не предал тех, кого должен был защищать. Ну а после того, пятнадцать лет назад, второй отец сделался также и братом Неда. Оба они стояли в септе Риверрана, сочетались браком с двумя сестрами, дочерьми лорда Хостера Талли.

— Джон... — проговорил он. — А весть достойна доверия?

— Письмо написано самим Робертом и запечатано королевской печатью. Я оставила его для тебя. Он написал, что лорда Аррена унесла быстрая хворь, даже мейстер Пицель оказался беспомощен, ему пришлось напоить Джона маковым молоком, чтобы тот меньше мучился.

— Да, это большая потеря, — проговорил он. Кейтилин видела горе на лице мужа, но и сейчас он в первую очередь подумал о ней. — А как твоя сестра? — спросил он. — И мальчик Джона? Что слышно о них?

— Написано, что с ними все в порядке и они возвратились в Орлиное Гнездо, — проговорила Кейтилин. — Я бы хотела, чтобы они приехали в Риверран. В Гнезде высоко и одиноко, это дом ее мужа, а не ее собственный. Память о лорде Джоне будет наполнять каждый камень. Я знаю сестру. Она нуждается в утешении, в семье и друзьях вокруг себя.

— Ваш дядя ожидает ее в Долине, разве не так? Я слышал, что Джон возвел его в Рыцари Ворот.

Кейтилин кивнула:

— Бринден сделает все возможное и для Лизы, и для мальчика. В этом немного утешения, но все же...

— Езжай к сестре, — предложил Нед. — Возьми детей; пусть ее дом наполнится шумом, криками, смехом. Ее мальчику нужна сейчас детская компания, да и Лиза будет не одна в своем горе.

— Хотелось бы мне это сделать, — проговорила Кейтилин. — Но в письме были и другие вести. Король едет в Винтерфелл, чтобы проведать тебя.

Нед не сразу понял ее, но когда до него дошло, мрак оставил его глаза.

— Значит, Роберт едет сюда? — Она кивнула, и улыбка промелькнула на его лице.

Кейтилин хотелось бы разделить счастье мужа. Но она уже слышала разговоры во дворе: мертвая лютоволчица в снегу, сломанный рог в ее горле. Ужас свернулся внутри Кейтилин змеей, но она заставила себя улыбнуться любимому, не верящему в приметы.

— Я знала, что это порадует тебя, — сказала она. — Нам следовало бы послать весть твоему брату на Стену.

— Да, конечно, — согласился он. — Бен захочет приехать. Я скажу, чтобы мейстер Лювин послал самую быструю птицу. — Нед поднялся и погладил ее колено. — Проклятие, сколько же лет прошло? И Роберт не прислал предупреждения! Сколько людей в его отряде? В письме это сказано?

— По-моему, сотня рыцарей, каждый с собственной свитой, и еще столько же свободных всадников. Серсея и дети едут вместе с ними.

— Ради них Роберт замедлит ход, — проговорил Нед. — Неплохо, у нас будет больше времени, чтобы подготовиться к встрече.

— С ним едут и братья королевы, — сказала она.

Нед скривился. Кейтилин знала, что муж не испытывал особой любви к семье королевы. Ланнистеры с Кастерли Рок, Бобрового утеса, выступили на стороне Роберта, только когда в его победе уже не оставалось сомнений, и Старк до сих пор так и не простил их.

— Ну что ж, если за общество Роберта приходится расплачиваться прикосновением к Ланнистерам, пусть будет так. Похоже, что Роберт взял с собой половину двора.

— Куда едет король, туда следует и королевство, — сказала она.

— Будет неплохо повидать их детей. Самый младший еще сосал титьку Ланнистерши, когда я в последний раз видел его. Теперь ему, должно быть, лет пять?

— Принцу Томмену семь, — вспомнила Кейтилин. — Столько, сколько и Брану. И пожалуйста, Нед, последи за языком. Твоя Ланнистерша — королева, и гордость ее только возрастает с каждым годом.

Нед пожал ее руку.

— Итак, будет пир с певцами, и Роберт захочет поразвлечься. Я пошлю Джори на юг с почетной охраной, чтобы встретить их на Королевском тракте и проводить до дома. Боги, как же мы всех накормим? Он уже в пути, ты сказала? Черт бы побрал эту королевскую толстокожесть!

Брат поднял платье, показывая ей.

— Смотри, какая красота. Прикоснись. Пощупай эту ткань.

Дени прикоснулась к платью. Невероятно гладкая ткань, казалось, омывала ее пальцы подобно воде. Дени не помнила, чтобы когда-нибудь носила столь мягкую одежду. Ткань пугала ее. Она отняла руку.

— Платье и в самом деле мое?

— Это подарок магистра Иллирио, — отвечал с улыбкой Визерис. Брат ее пребывал сегодня в хорошем настроении. — Ткань подчеркнет фиалковый цвет твоих глаз. Кроме того, ты получишь золото и всякие камни. Иллирио обещал. Сегодня ты должна выглядеть как принцесса.

Как принцесса, подумала Дени. Она уже и забыла, что это такое. А может быть, никогда и не знала.

— Почему же он дал нам столь много? — спросила она. — Чего он хочет от нас? — Уже почти полгода они обитали в доме магистра, ели его еду, пользовались услугами его лакеев. Дени уже исполнилось тринадцать, она прекрасно понимала, что в свободном городе Пентосе за так подарков не делают.

— Иллирио не дурак, — проговорил Визерис, тощий, нервный юноша с узкими ладонями и лихорадочным взглядом сиреневых глаз. — Магистр знает, что я не забуду друзей, когда сяду на престол.

Дени ничего не сказала. Магистр Иллирио торговал пряностями, самоцветами, драконьей костью и другими не менее драгоценными вещами. У магистра были друзья во всех девяти свободных городах, да и за ними, в Вейес Дотрак и сказочных землях возле Яшмового моря. Считали также, что всех своих друзей он самым любезным образом продавал за подходящую цену. Дени прислушивалась к разговорам на улицах и знала об этом, но предпочитала не смущать брата, когда он сплетал паутину своих мечтаний. Проснувшийся гнев его бывал ужасен... Визерис всегда предупреждал ее: «Не буди дракона!»

Визерис повесил платье возле двери.

— Иллирио пришлет рабынь, чтобы ты искупалась. Постарайся, чтобы от тебя не пахло конюшней. У кхала Дрого тысяча лошадей, но сегодня он ищет другую кобылу. — Брат оглядел ее критическим взглядом. — Опять сторбилась. Распрямись. — Он хлопнул Дени ладонью по спине. — Пусть он увидит, что ты похожа на женщину. — Пальцы его мимоходом коснулись ее наливающейся груди и сжались на соске. — Ты не подведешь меня? Если что — хорошего не жди. Ты же ведь не хочешь разбудить дракона, правда? — Он жестоко ущипнул ее тело под грубой тканью. — Не хочешь, так? — повторил он.

— Нет, — робко ответила Дени.

Брат улыбнулся:

— Хорошо. — Он прикоснулся к ее волосам едва ли не с симпатией. — Тогда тот, кто напишет историю моего правления, милая сестрица, отметит, что оно началось сегодня ночью.

Когда он ушел, Дени направилась к окну и завистливым взглядом поглядела на воды залива. Заходящее солнце вычерчивало черные силуэты квадратных кирпичных башен Пентоса. Дени могла слышать пение красных жрецов, разжигавших ночные очаги, и крики

оборванных детей, носившихся по улицам. На мгновение ей захотелось оказаться среди них — босой, запыхавшейся, в лохмотьях, без прошлого и будущего... только бы не присутствовать на пиру в доме кхала Дрого.

Где-то там, за закатом, за Узким морем, жила земля зеленых холмов, цветущих равнин и громадных бегущих рек; башни из темного камня вырастали между величественных голубых гор, рыцари в панцирях выезжали на битву под знаменами своих лордов. Дотракийцы звали эту землю Рейхс Андал — землей андалов. В Вольных Городах ее именовали Вестеросом и Закатными королевствами. Брат называл этот край проще.

— Наша земля, — говорил он. Слова эти он носил с собой словно молитву, которую надо повторять почаще, чтобы боги наверняка услышали ее. — Земля принадлежит нам по праву рождения, она отнята у нас предательством, но она наша, наша навсегда. Кто сумеет обокрасть дракона? О нет, дракон не забудет.

Быть может, дракон и помнил, но Дени забыла. Она никогда не видела земли, которую брат называл своей, — страну, оставшуюся за Узким морем. Он рассказывал ей про Бобровый утес, иначе Кастерли Рок, Орлиное Гнездо, Хайгарден — Вышесад, Долину Аррен, Дорн, остров Ликов, но имена эти оставались для нее пустыми словами. Визерису было восемь, когда они бежали из Королевской Гавани, спасаясь от наступающей армии узурпатора, но Дейенерис тогда еще лежала в материнском чреве.

И все же иногда Дени представляла себе, как все было, — так часто брат рассказывал ей эту повесть. Они бежали ночью, чтобы пробраться к Драконьему Камню, черные паруса корабля блестели под луной. Она видела своего брата Рейегара бьющимся с узурпатором в кровавых водах Трезубца и погибшего ради любимой женщины. Видела и захват Королевской Гавани теми, кого Визерис называл псами узурпатора, — лордами Ланнистером и Старком. Видела принцессу Элию Дорнскую, еще молившую о милосердии, когда наследника оторвали от ее груди и убили перед глазами матери. Видела полированные черепа последних драконов, слепыми глазницами глядевшие со стен тронного зала на царевубийцу, золотым мечом перерубившего горло отца.

Дейенерис родилась на Драконьем Камне через девять месяцев после бегства, в жуткую летнюю бурю, едва не уничтожившую островок. Говорили, что шторм был ужасен. Стоявший на якоре флот Таргариенов разбился о скалы. Волны выворотили из парпетов огромные каменные блоки и выкинули их в бурные волны Узкого моря. Мать умерла, рожая ее. Этого брат так и не простил Дейенерис.

Она не помнила и Драконьего Камня. Потом они снова бежали, как раз перед тем, как брат узурпатора поставил паруса на своем заново отстроенном флоте. К тому времени лишь Драконий Камень, древнее гнездо дома Таргариенов, остался от Семи Королевств, что прежде принадлежали роду. Долго это положение не могло сохраниться. Гарнизон уже был готов продать детей узурпатору, но однажды ночью сир Уиллем Дарри с четверкой верных ему людей ворвался в детскую, выкрал их обоих вместе с няней и под покровом темноты направился под парусом к безопасному браавосианскому берегу.

Она смутно помнила сира Уиллема, казавшегося ей огромным серым медведем, полуслепым, громкоголосого, выкрикивающего приказы с ложа. Слуги до ужаса боялись его, но с Дени он всегда был ласков. Он называл ее крохотной принцессой, иногда своей госпожой, и его ладони были мягкими, как старая кожа. Впрочем, он никогда не покидал постели, запах хвори не оставлял его день и ночь — жаркий, влажный, болезненно сладкий. Так было, пока они жили в Браавосе, в большом доме с красной дверью. У Дени там была

собственная комната с лимонным деревом под окном. После того как сир Уиллем умер, слуги украли те небольшие деньги, которые оставались у них, и детей скоро выставили из большого дома. Дени плакала, когда красная дверь навсегда закрылась за ними. После этого они скитались — из Браавоса в Мир, из Мира в Тирош, а потом в Квохор, Валантис и Лисс, не задерживаясь подолгу на одном месте. Брат твердил, что их преследуют нанятые узурпатором наемные убийцы, хотя Дени так и не видела ни одного из них. Поначалу магистры, архонты и старейшины купцов с удовольствием принимали последних Таргариенов в свои дома и к столам, но годы шли, узурпатор невозмутимо восседал на железном троне, и двери закрылись, заставив их жить скромнее. Им пришлось продать последние оставшиеся драгоценности, а теперь ушла и монета, которую они взяли из короны матери. В переулках и питейных заведениях Пентоса ее брата звали королем-попрошайкой. Дени не хотелось бы узнать, как они звали ее.

— Мы все вернем, милая сестрица, — обещал ей Визерис. Иногда в эти моменты его руки начинали трястись. — Драгоценности и шелка, Драконий Камень и Королевскую Гавань, Железный трон и Семь Королевств, все, что они отняли у нас, мы вернем обратно.

Визерис жил только ради этого дня, а Дейенерис хотела одного: вернуться в большой дом с красной дверью, чтобы возле окна росло дерево, усыпанное лимонами, чтобы вернулось детство, которого она никогда не знала.

В дверь негромко постучали.

— Войдите, — сказала Дени, отворачиваясь от окна. Вошли слуги Иллирио, поклонились и приступили к делу. Это были рабы, подаренные одним из многочисленных друзей магистра среди дотракийцев. В свободном городе Пентосе рабства не существовало, но тем не менее... Старуха, невысокая и серая, как мышь, не проронила ни слова, зато девушка старалась за обеих. Темноволосая, синеглазая, лет шестнадцати, она была фавориткой Иллирио и трещала не умолкая.

Они наполнили ванну горячей водой, доставленной из кухни, и надушили благоуханными маслами. Девушка стянула грубую льняную рубаху через голову Дени и помогла ей забраться в ванну. Вода обожгла, но Дейенерис не дернулась и не вскрикнула: она любила тепло, дававшее ей ощущение чистоты. К тому же брат часто говорил ей: «Таргариенам не бывает жарко. Мы принадлежим к дому Дракона. Огонь растворен в нашей крови».

Сохраняя молчание, старуха вымыла ее длинные серебристые волосы и аккуратной, ласковой рукой расчесала их. Тем временем девушка терла спину и ноги Дейенерис и говорила, как ей повезло:

— Дрого такой богатый, что даже его рабы носят золотые ошейники. В кхаласаре его ездит сотня тысяч мужчин, а дворец в Вейес Дотрак располагает двумя сотнями комнат — в которые ведут двери из литого серебра. Но самое важное — это какой он видный мужчина. Высокий, свирепый, бесстрашный в битве и не знающий промаха; наездник, лучший его, еще не садился на спину коня.

Дейенерис молчала. Она всегда предполагала, что выйдет замуж за Визериса, когда достигнет возраста. Век за веком Таргариены выдавали сестру за брата — начиная с Эйгона-завоевателя, бравшего в жены собственных сестер. Следует хранить чистоту крови. Визерис тысячу раз говорил ей, что в их жилах течет кровь королей, золотая кровь древней Валирии, кровь Дракона. Драконы ведь не соединялись с полевыми зверями, так и Таргариены не мешали своей крови с кровью простонародья. Но Визерис решил продать

сестру варвару.

Когда она всласть помылась, рабыни помогли ей вылезти из воды и вытерли досуха. Девушка расчесывала ей волосы до тех пор, пока они не засияли, как расплавленное серебро, а старуха надушила ее тело цветочными ароматами дотракийских равнин: по капле на каждое запястье, позади ушей, на кончики груди и, наконец, последнее холодное прикосновение — к губам, что между ее ног.

Они надели на Дейенерис вуаль, которую прислал магистр Иллирио, а потом облачили в платье; сливовый шелк подчеркивал фиалковый цвет ее глаз. Девушка надела на ноги Дени золоченые сандалии, а старуха закрепила в волосах тиару и застегнула на руках золотые браслеты, украшенные аметистами. Последним было наплечье — тяжелая золотая гривна, украшенная старинными валирийскими иероглифами.

— Настоящая принцесса, — выдохнула девушка, когда они закончили. Дени поглядела на свое отражение в зеркале, которое Иллирио предусмотрительно ей прислал. Принцесса, подумала она, но вспомнила слова девушки о том, что кхал Дрого настолько богат, что даже рабы его носят золотые ошейники. Она ощутила внезапный холод, озноб, и гусиная кожа выступила на ее обнаженных руках.

Брат ожидал ее в прохладе прихожей. Сидя на краю бассейна, он водил пальцами по воде. Визерис поднялся, заметив сестру, и критически оглядел ее.

— Стань здесь, — сказал он. — Повернись. Да, хорошо. Ты выглядишь...

— Царственной, — проговорил магистр Иллирио, появившийся под аркой входа. Он двигался с удивительной легкостью для столь массивного человека. Свободное одеяние из огненного шелка укрывало слои трясущегося жира. На каждом пальце поблескивали драгоценные камни, и он умастил свою раздвоенную желтую бороду, доведя ее до золотого блеска.

— Пусть Повелитель Света осыплет тебя благословениями в самый удачный день твоей жизни, принцесса Дейенерис, — проговорил магистр, взяв ее за руку. Он поклонился, на миг показав желтые зубы в золоте бороды. — Она просто видение, светлейший, просто видение, — сказал он брату. — Дрого будет покорен.

— Слишком уж худа, — отозвался Визерис. Волосы того же серебристого цвета, что и у сестры, у него были туго зачесаны назад и скреплены брошью из драконьей кости. Прическа подчеркивала жесткое и сухое лицо принца. Он опустил руку на рукоять меча, который Иллирио одолжил ему, и спросил:

— А вы уверены, что кхал Дрого любит именно таких молодых женщин?

— Важно ее происхождение. Ваша сестра созрела для кхала, — повторил ему Иллирио уже не в первый раз. — Поглядите на нее. Серебристо-золотые волосы, фиалковые глаза... в ней видна кровь старой Валирии, вне сомнения, вне сомнения... И знатность — дочь старого короля и сестра нового, она не может не увлечь нашего друга. — Когда брат выпустил ее руку, Дейенерис поняла, что дрожит.

— Может быть, — с сомнением отвечал Визерис. — У дикарей странные вкусы. Мальчики, лошади, овцы...

— Лучше не говорить об этом при кхале Дрого, — проговорил Иллирио.

Гнев блеснул в сиреневых глазах ее брата.

— Вы принимаете меня за дурака?

Магистр чуть поклонился.

— Я принимаю вас за короля. А владыкам несвойственна природная осторожность

обычного человека. Прошу простить, если обидел вас. — Иллирио отвернулся и хлопнул в ладоши, призывая носильщиков.

На улицы Пентоса пала темная, как смоль, ночь, когда они выехали в паланкине Иллирио, украшенном тонкой резьбой. Двое слуг впереди освещали дорогу причудливыми масляными фонарями из бледного стекла, дюжина сильных мужчин несла шести на плечах. Было тепло, занавески лишь усиливали духоту. За крепким запахом духов Дени ощущала вонь пухлой плоти Иллирио.

Брат, распростершийся на подушках возле нее, ничего не замечал. Ум его был далеко, в стране за Узким морем.

— Нам не потребуется весь кхаласар, — сказал Визерис. Пальцы его играли рукоятью чужого клинка, хотя Дени знала, что он никогда еще не использовал меч по назначению. — Десяти тысяч будет довольно. Я покорю Семь Королевств с десятью тысячами крикунов-дотракийцев. Страна поднимется на защиту своего законного короля. Тирелл, Редвин, Грейджой любят узурпатора не больше, чем я. Дорнцы рвутся отомстить за Элию и ее детей. Простонародье поддерживает нас. Они всегда за короля. — Он озабоченно посмотрел на Иллирио. — Так, я не ошибаюсь?

— Это ваш народ, и они любят вас, — дружелюбно отвечал магистр Иллирио. — В твердынях по всему государству люди втайне поднимают тосты за ваше здоровье, женщины же вышивают на знаменах драконов и прячут их до того дня, когда вы возвратитесь из-за моря. — Он пожал плечами. — Так утверждают мои агенты.

У Дени не было агентов, и она не могла узнать, что думают или делают за Узким морем, однако принцесса не верила ласковым словам Иллирио, как и не верила купцу вообще. Брат же ретиво кивал.

— Я сам убью узурпатора, — обещал он, юноша, еще не проливший ни капли крови, — как убил он моего брата Рейегара. И Ланнистера-цареубийцу за то, что он сделал с моим отцом.

— Достойный поступок, — проговорил магистр Иллирио, и Дени заметила тень улыбки, скривившей его губы, но брат не видел ничего. Кивнув, Визерис отодвинул занавеску и принялся смотреть в ночь. Дени поняла, что в мечтах он вновь сражается при Трезубце.

Девятибашенный дом кхала Дрого расположился возле залива, высокие кирпичные стены его заросли плющом. Как объяснил им Иллирио, дворец представили кхалу магистры Пентоса. Свободные города всегда соблюдали вежливость в обращении с владыками кочевников.

— Не то чтобы мы боялись этих варваров, — повествовал Иллирио с улыбкой. — Повелитель Света защитит наш город от миллиона дотракийцев, так обещают красные жрецы... Но зачем рисковать, когда дружба обходится столь дешево?

Паланкин остановился у ворот, один из телохранителей без всякой учтивости отодвинул занавески. Дотракиец этот, меднокожий, темноглазый и безбородый, в рогатом бронзовом шлеме Безукоризненных, обдал их холодным взглядом. Магистр Иллирио буркнул ему что-то на грубом дотракийском языке, страж ответил подобными словами и пропустил их через ворота. Дени заметила, как рука ее брата стиснула рукоятку одолженного меча. Он был тоже испуган, как и она.

— Надменный евнух, — пробормотал Визерис, пока паланкин, дергаясь, поднимался к дворцу.

Магистр Иллирио отвечал медовыми речами:

— Сегодня на пиру будет много важных людей. У таких людей есть враги. Кхал должен защитить своих гостей, и главные среди них вы с сестрой, светлейший. Вне сомнения, узурпатор готов хорошо заплатить за вашу голову.

— О да, — жестко ответил Визерис. — Он уже пытался это сделать, Иллирио. Не сомневайтесь в этом. Его наемные убийцы повсюду преследуют нас. Я — последний дракон, и он не может заснуть спокойно, пока не отнимет у меня жизнь.

Паланкин замедлил ход и остановился. Занавеси отодвинули, и раб предложил руку, чтобы помочь Дейенерис выйти. Она отметила, что наплечье его сделано из обычной бронзы. Брат последовал за ней, не отнимая руки от рукояти меча. Потребовались усилия двух сильных людей, чтобы Иллирио приподнялся на ноги.

Внутри замка воздух насквозь пропах благовониями, огненной понюшкой, сладким лимоном и киннамоном. Гости провели по прихожей, где мозаика из цветного стекла изображала гибель Валирии. В черных железных фонарях, развешанных на стене, горело масло. Под аркой из переплетенных каменных листьев евнух воспевал их приход.

— Визерис из дома Таргариенов, третий носитель своего имени, — провозгласил он тонким и сладким голосом, — король андалов, ройнаров и Первых Людей, владыка Семи Королевств и Хранитель Областей. Его сестра, Дейенерис Бурерожденная, принцесса Драконьего Камня. Его достопочтенный хозяин Иллирио Мопатес, магистр свободного города Пентос.

Миновав евнуха, они вошли во двор, окруженный заросшей плющом колоннадой. Лунный свет разрисовывал листья оттенками кости и серебра, вокруг расхаживали гости. Среди них было много дотракийских конных владык, рослых мужей с красно-коричневой кожей; вислые усы перехвачены металлическими кольцами, черные волосы намаслены, расчесаны и увешаны колокольчиками. Были тут и наемники из Пентоса, Мира и Тироша; красный жрец, толщиной превышавший Иллирио; косматые жители Порт-Иббена и князья с Летних островов, кожа которых показалась ей темнее эбенового дерева. Дейенерис оглядела собравшихся с удивлением и с внезапным ужасом поняла, что, кроме нее, женщин здесь нет.

Иллирио шепнул им:

— Вот эти трое — кровные всадники Дрого. Возле столба стоит кхал Моро с сыном Рхогоро. Тот зеленобородый — брат архонта Тироша, а позади него — сир Джорах Мормонт.

Последнее имя заинтересовало Дейенерис:

— Это рыцарь?

— Никак не менее. — Иллирио улыбнулся сквозь бороду. — Помазанный семью елеями самим верховным септоном.

— А что он делает здесь? — выпалила она.

— Узурпатор искал его головы, — объяснил Иллирио. — Из-за какой-то пустячной ссоры. Сир Джорах продал каких-то бродяг тирошийскому работорговцу, вместо того чтобы передать их Ночному Дозору. Абсурдный закон. Человек должен иметь право поступить с такими людьми, как ему угодно.

— Мне бы хотелось переговорить с сиром Джорахом Мормонтом, прежде чем ночь закончится, — проговорил ее брат. Дени обнаружила, что и сама смотрит с любопытством на рыцаря. Человек пожилой, лысеющий и уже миновавший сорокалетие, он сохранил силу и крепость. Вместо шелка и хлопка на нем были кожа и шерсть. Темно-зеленую тунику украшало изображение черного медведя, стоящего на задних лапах.

Дейенерис все еще глядела на этого странного человека, родившегося в ее отечестве,

когда магистр Иллирио положил влажную ладонь на ее плечо.

— Нам туда. А вон там, милая принцесса, — прошептал он, — там находится кхал собственной персоной. — Дени хотелось спрятаться и убежать, но брат глядел на нее, и, не угодив ему, она, конечно, разбудила бы дракона. С тревогой она обернулась и поглядела на человека, который, как надеялся Визерис, попросит ее руки, прежде чем закончится ночь.

Рабыня не слишком уж ошибалась, подумала она. Кхал Дрого был на целую голову выше самого высокого из мужчин в этом зале, но вместе с тем двигался легко и изящно, словно пантера в зверинце Иллирио. Кхал оказался моложе, чем она думала, и еще не достиг тридцати лет. Кожа Дрого отливала полированной бронзой, густые усы украшали золотые кольца.

— Я должен приблизиться и принести кхалу собственное приветствие, — проговорил магистр Иллирио. — Подождите здесь, я приведу его.

Когда Иллирио, переваливаясь, направился к кхалу, брат взял Дени за руку, болезненно сжимая ее ладонь пальцами.

— Видишь его косу, милая сестрица?

Коса Дрого, черная как ночь и тяжелая от ароматных масел, была увешана крошечными колокольчиками, позвякивавшими, когда он двигался. Коса эта опускалась ниже пояса, ниже ягодиц кхала, доставая концом бедер.

— Видишь, какая длинная? — спросил Визерис. — Когда дотракиец терпит поражение в поединке, он отрезает свою косу в знак унижения, чтобы мир знал о его позоре. Кхал Дрого никогда не проигрывал поединка. Он вновь рожденный Эйегон, Повелитель Драконов, и ты будешь его королевой.

Дени поглядела на кхала Дрого. Лицо его показалось ей жестоким и жестким, глаза холодными и темными, словно оникс. Брат иногда причинял ей боль, когда она будила дракона, но Визерис никогда не пугал ее так, как этот человек.

— Я не хочу быть его королевой, — проговорила она тоненьким голоском. — Прошу тебя, прошу тебя, Визерис, пойдем домой.

— Домой? — отвечал он негромко, но так, чтобы она могла слышать ярость в его тоне. — И как же мы попадем домой, милая сестрица? Родной дом у нас отобрали. — Визерис увлек сестру в тень подальше от посторонних глаз, и пальцы впились в ее кожу. — И как же мы вернемся домой? — повторил он, имея в виду Королевскую Гавань, Драконий Камень и ту страну, которую они потеряли.

Дени, конечно, имела в виду лишь их комнату у Иллирио, а не истинный дом, но брат не хотел и слушать об этом. У него здесь не было дома. И тот большой дом с красной дверью не являлся ему родным. Пальцы Визериса впились в ее руку, он ждал ответа.

— Не знаю, — наконец дрожащим голосом проговорила она. Слезы закипали в глазах Дени.

— А я знаю, — отвечал он резко. — Мы направимся домой во главе войска, милая сестрица. Во главе войска кхала Дрого, вот так мы вернемся домой. И если для этого тебе нужно выйти за него замуж и лечь с ним в постель, значит, ты сделаешь это. — Он улыбнулся. — Я бы позволил всему его кхаласару отодрать тебя, моя милая сестрица, всем сорока тысячам мужчин и их жеребцам, если бы таким образом смог получить для себя войско. Радуйся, что тебя ждет только Дрого. Со временем он, может быть, тебе даже понравится. А теперь просуши глаза. Иллирио ведет его сюда, и кхал не должен видеть твоих слез.

Дени повернулась и увидела, что магистр Иллирио, сладко улыбаясь, с поклонами уже подводит кхала Дрого к месту, где они стояли. Она смахнула неупавшие слезы тыльной стороной ладони.

— Улыбнись, — нервно шепнул Визерис, положив руку на рукоять меча. — И стой прямо. Пусть он увидит, что у тебя есть грудь. Боги знают, что она и так невелика.

Дейенерис улыбнулась и стала прямо.

Гости хлынули в ворота замка рекой золота, серебра и полированной стали; отряд в три сотни мечей, горделивые знаменосцы и рыцари, присягнувшие наемники и вольные всадники. Над их головами северный ветер теребил дюжину золотых знамен, расшитых венценосным оленем Баратеонов.

Нед знал многих. Вот сир Джейме Ланнистер, с волосами светлыми, как кованое золото, а вот промелькнуло жуткое обгорелое лицо Сандора Клигана. Высокий юноша возле него мог быть только кронпринцем, а тот коротышка позади них, безусловно, Бес, Тирион Ланнистер.

Но рослый мужчина, возглавлявший отряд, которого сопровождали по бокам два рыцаря в снежно-белых плащах королевской гвардии, показался Неду почти неузнаваемым... пока не соскочил со спины боевого коня со знакомым ревом и не приступил к сокрушающим кости объятиям.

— Нед! Ах, как я рад снова видеть твою ледяную физиономию! — Король оглядел его сверху донизу и расхохотался. — А ты вовсе не переменялся.

Неду хотелось бы сказать то же самое. Миновало пятнадцать лет с той поры, как они выехали, чтобы отвоевать престол, и тогда владыка Штормового Предела был чисто выбрит, светлоглаз и мускулист, как девичья мечта. Шести с половиной футов ростом, он и так возвышался над окружающими, но, надевая броню и великий рогатый шлем своего дома, становился истинным гигантом. И сила у него была под стать обличью: Роберт в сражениях предпочитал шипастый боевой молот, который Нед едва мог поднять. В те дни запах крови и кожи пропитывал его, словно духи. Ну а теперь к нему прилип запах настоящих духов, и пузо выросло под стать росту. Нед в последний раз видел короля девять лет назад, во время битвы Беелона Грейджоя, когда олень и лютоволк объединились, чтобы покончить с претензиями владыки Железных Островов, провозгласившего себя королем. С той ночи, когда они стояли бок о бок в павшей твердыне Грейджоя, где Роберт принял капитуляцию восставшего лорда, а Нед взял в заложники и воспитанники его сына Теона, король набрал не менее восьми стоунов.^[4] Борода, грубая и черная, словно железная проволока, покрывала его щеки, пряча двойной подбородок, но ничто не могло спрятать его брюхо и черные круги под глазами.

И все же Роберт был теперь королем Неда, а не просто другом, поэтому он отвечал согласно этикету:

— Светлейший государь, Винтерфелл к вашим услугам.

К этому времени начали спешиваться, и все остальные, конюхи двинулись, чтобы увести коней. Королева Роберта Серсея Ланнистер вошла в ворота пешком вместе со своими младшими детьми. Кибитка, в которой они ехали, точнее, огромная двухэтажная повозка из умощенного маслом дерева и позолоченного металла, влекомая сорока тяжеловозами, была слишком велика, чтобы пройти в ворота замка. Нед встал на колени в снег, чтобы поцеловать кольцо королевы, а тем временем Роберт обнял Кейтилин, словно давно потерянную сестру. Потом позвали детей, их представили, и обе стороны одобрили молодежь.

Когда официальное приветствие и все формальности были совершены, король сказал хозяину:

— Отведи меня в свою крипту, Эддард, я должен отдать дань памяти.

Неду понравилось, что король не позабыл его сестру. А ведь прошло столько лет! Он

крикнул, чтобы принесли фонарь. Других слов было не нужно. Королева немедленно начала протестовать. Они ехали с самого рассвета, все устали и замерзли и, конечно, в первую очередь должны привести себя в порядок. Мертвые могут и подождать. Лишь только она начала ворчать, Роберт поглядел на нее, а брат-близнец Джейме сжал королеве руку. Ей пришлось замолчать.

Потом они вместе отправились в крипту: Нед и король, которого он едва узнал. Вились крутые каменные ступеньки. Нед шел первым с фонарем в руках.

— А я уже думал, что мы никогда не доберемся до Винтерфелла, — пожаловался Роберт спускаясь. — Когда на юге мне говорят о моих Семи Королевствах, то обычно забывают, что твоя часть больше всех шести остальных.

— Полагаю, путешествие было приятным, светлейший?

Роберт фыркнул:

— Болота, леса и поля, изредка попадались приличные постоялые дворы, но к северу от Перешейка их почти нет. Я никогда не видел подобных диких просторов. А где же твой народ?

— Должно быть, перепугались и спрятались, — пошутил Нед. Он ощущал поднимающийся по лестнице холод земных глубин. — Короли редко показываются на севере.

Роберт усмехнулся:

— Скорее всего зарылись в снег. В снег, Нед! — Король оперся рукой о стену, чтобы не упасть.

— Поздним летом снег у нас выпадает нередко, — проговорил Нед. — Надеюсь, эта пороша не смутила тебя. Снега выпало немного.

— Это Иным, может быть, немного. — Роберт выругался. — На что же похож Винтерфелл зимой? Боюсь и подумать.

— Зимы здесь суровы, — согласился Нед. — Но Старки живут. Нам зимовать не впервой.

— Тебе нужно съездить на юг, — сказал Роберт, — хотя бы посмотреть, каким бывает лето, прежде чем оно закончится. Заглянуть в Вышесад, там золотые розы покрывают целые поля, уходящие вдаль так далеко, как может видеть глаз. Плоды становятся такими спелыми, что просто лопаются во рту, — дыни, тыквы, огненные сливы, ты никогда не пробовал подобной сладости. Но я кое-что привез. Даже в Штормовом Пределе, когда добрый ветер дует с залива, дни настолько жарки, что не хочется шевелиться. Посмотрел бы ты сейчас на наши города, Нед! Цветы повсюду, рынки полны еды, летние вина так дешевы и добры, что пьянеешь от одного запаха. Вокруг одни только подгулявшие богатые толстяки. — Король расхохотался и шлепнул себя по объемистому животу.

— Ну а девицы, Нед! — воскликнул Роберт, и глаза его заиграли. — Уверяю тебя, жара заставила женщин забыть о всякой скромности. Они купаются голыми в реке как раз возле замка, на улицах слишком парит, чтобы носить шерсть или мех, поэтому они ходят в коротких платьях, в шелке — если у них есть монеты, — но даже если это простая материя, пот заставляет платья липнуть к телу, и они кажутся голыми. — Король блаженно расхохотался.

Роберт Баратеон всегда обладал неумным аппетитом и умел брать от жизни все удовольствия. Никто не мог бы обвинить в этом Эддарда Старка. И все же Нед с сожалением заметил, сколь тягостный отпечаток оставили плотские радости на внешности короля. К

тому времени, когда они достигли подножия лестницы, Роберт успел запыхаться, лицо его побагровело.

— Светлейший, она в дальнем конце, вместе с отцом и Брандоном, — почтительно сказал Нед, описывая фонарем широкий полукруг. Тени двигались и шевелились. Мерцающий свет прикасался к камням под ногой, вырисовывал длинную процессию гранитных столбов, попарно маршировавших вперед во тьму. Между столбами на каменных тронах возле стены сидели изваяния усопших, припав спиной к склепам, хранившим их смертные останки.

Нед отправился вперед, и Роберт молча последовал за ним, поеживаясь от подземного холода. Тут всегда было зябко. Звук шагов по камню отдавался над головой; они словно бы шли мимо строя мертвецов дома Старков. Покойные лорды Винтерфелла следили за шагами пришельцев. Длинными рядами сидели подобия здешних хозяев на камнях, запечатавших гробницы, их слепые глаза разглядывали вечную тьму, а огромные каменные лютоволки лежали, свернувшись, возле каменных ног. Казалось, что тени заставляют каменные фигуры шевелиться, пропуская мимо себя живых. По древнему обычаю, на колени каждому, кто был лордом Винтерфелла, клали длинный железный меч, чтобы дух доблести оставался в своей гробнице. Меч родоначальника давно рассыпался в прах, оставив лишь несколько красных пятен там, где металл соприкасался с камнем. Нед подумал, что теперь самые древние призраки могут бродить по замку. Оставалось надеяться, что это не так. Первые лорды Винтерфелла были людьми жесткими, как и та земля, которой они правили. В те столетия, что предшествовали появлению повелителей драконов из-за моря, Старки никому не приносили присяги, собственной волей именуя себя Королями Севера.

Нед остановился возле последней гробницы и поднял масляный фонарь. Здесь оканчивались запечатанные гробницы, но крипта тянулась и дальше, зияющие черные дыры ожидали постояльцев: и его самого, и детей. Неду не хотелось даже думать об этом.

— Здесь, — сказал он королю.

Роберт безмолвно кивнул, преклонил колени и нагнул голову.

В этом месте бок о бок располагались три гробницы. Вот длинное суровое лицо короля лорда Рикарда Старка, отца Неда. Камнетес хорошо знал своего господина. Он глядел вперед со спокойным достоинством, каменные пальцы сжимали меч, лежащий на его коленях. Но при жизни все мечи подвели его. В двух меньших гробницах по обе стороны от него лежали его дети.

Брандону было двадцать, когда он был удушен по приказу Безумного короля Эйериса Таргариена за несколько дней до свадьбы с Кейтилин Талли из Риверрана. Отца заставили видеть смерть сына. Брандон был истинным наследником земель — первенцем, рожденным, чтобы править.

Лианне было всего лишь шестнадцать, еще ребенком она обещала стать женщиной невероятного очарования. Нед любил ее всем сердцем. Роберт еще сильнее. Она была его невестой.

— Ее красоту невозможно передать в камне, — сказал король, помолчав. Глаза его задержались на лице Лианны, словно он все еще надеялся вернуть ее к жизни. Наконец грузный король неловко поднялся на ноги. — Ах, проклятие мне. Неужели ты не мог ее похоронить в другом месте? — Голос его был полон горя. — Она заслуживала света, а не тьмы...

— Она родом из Старков, господ Винтерфелла, — отвечал Нед спокойно. — Нам

положено лежать здесь.

— Лианну можно было положить на вершине холма под плодовое дерево, чтобы она видела солнце и облака, а дождь омывал ее.

— Я был возле сестры, когда она умерла, — напомнил Нед королю. — Она решила вернуться домой, чтобы лечь на покой возле Брандона и отца. — Он, казалось, все еще слышал ее голос. «Обещай мне это, — попросила она его в комнате, пропахшей кровью и розами. — Обещай мне это, Нед».

Лихорадка украла силы, и голос ее был тих, но едва он дал свое слово, страх оставил глаза сестры. Нед вспомнил, как она улыбнулась, как стиснули руку ее пальцы, когда она перестала бороться за жизнь и выпустила из ладони мертвые розовые лепестки. Больше он ничего не помнил. Онемевшего от горя, его нашли возле тела сестры. Хоуленд Рид — тот, что из поселка на озере, — разнял их руки.

— Я ношу ей цветы, когда удается, — сказал Нед. — Лианна... любила цветы.

Король прикоснулся к изваянию, пальцы скользнули по грубому камню столь же мягко, как по живой плоти.

— Я поклялся убить Рейегара за то, что он сделал с ней.

— Ты и убил его, — напомнил ему Нед.

— Но только однажды, — с горечью отвечал Роберт.

Это было так давно. Возле Трезубца они сошлись вместе, вокруг бушевала битва. Роберт при своем боевом молоте, в огромном рогатом шлеме напал на облаченного в черный панцирь таргариенского принца. На нагрудной пластине того был вычеканен знак дома — трехголовый дракон, осыпанный рубинами, сверкавшими подобно пламени. Багряные воды Трезубца омывали копыта их боевых коней, они сходились снова и снова, и наконец последний сокрушительный удар молота Роберта разбил и дракона, и грудь под ним. Когда Нед наконец явился к месту событий, Рейегар уже лежал мертвым в потоке, а воины обеих армий копошились в грязи, разыскивая вылетевшие из панциря рубины.

— Мне снится, что я убиваю его, каждую ночь, — признался Роберт. — Но и тысячи смертей ему мало, он заслуживает большего.

На это Неду нечего было ответить. Помолчав, он сказал:

— Пора бы возвратиться, светлейший государь, ваша жена ждет.

— Чтоб Иные побрали мою жену, — кисло пробормотал Роберт, но направился назад, тяжело топая в темноте. — И если я еще раз услышу «светлейший», то велю насадить твою голову на пику. Мы слишком близки друг другу, чтобы пользоваться подобным титулом.

— Я этого не забыл, — проговорил тихо Нед. Молчание затянулось, и он попросил: — Расскажи мне о Джоне...

Роберт покачал головой:

— Я никогда не видел, чтобы человек заболел так внезапно. Мы устраивали турнир в честь именин моего сына. Если бы ты видел в этот день Джона, то поклялся бы, что ему суждена вечная жизнь. Две недели спустя он был уже мертв. Болезнь опалила его нутро. Она прожгла его насквозь. — Король остановился у колонны возле гробницы одного из давно усопших Старков. — Мне нравился этот старик.

— Мне тоже. — Нед помедлил мгновение. — Кейтилин боится за свою сестру. Как Лиза справляется с горем?

Рот Роберта горько скривился.

— Не слишком-то хорошо, если честно, — признался он. — По-моему, смерть Джона

заставила ее свихнуться. Она увезла мальчишку в Орлиное Гнездо. Против моего желания. Я надеялся воспитать его у Тайвина Ланнистера на Бобровом утесе. У Джона нет братьев и сыновей. Неужели я могу допустить, чтобы его сына воспитывали женщины?

Нед скорее доверил бы дитя подколотной змеюге, чем лорду Тайвину, однако он оставил свое мнение невысказанным. Иногда старые раны не исцеляются до конца и вновь кровоточат при первом упоминании.

— Жена потеряла мужа, — тщательно выбирая слова, проговорил он. — Быть может, мать страшится потерять сына. Мальчик еще очень юн.

— Ему шесть, он хвор и к тому же лорд Орлиного Гнезда, да смилятся над ним боги. — Король помолчал немного и выругался. — Лорд Тайвин никогда не брал себе воспитанников. Лиза должна была чувствовать себя польщенной. Ланнистеры — весьма благородный дом, но она и слушать меня не стала, уехала среди ночи, даже не спросив разрешения. Серсея была в гневе. — Он глубоко вздохнул. — Мы с мальчиком тезки, или ты не знал этого? Его имя Роберт Аррен. Я поклялся защищать его. А как я могу сделать это, после того как собственная мать похитила Роберта?

— Я могу взять мальчика на воспитание, если ты хочешь, — сказал Нед. — Лиза согласится на это. Они с Кейтилин были в детстве близки, в Винтерфелле будут рады и ей.

— Благородное предложение, друг мой, — сказал король, — но, увы, запоздалое. Лорд Тайвин уже дал согласие. Он оскорбится, если я передам мальчика на воспитание в другое место.

— Меня более заботит благоденствие моего племянника, чем гордость Ланнистеров.

— Это ты говоришь потому, что тебе не приходилось спать с представительницей их рода, — расхохотался Роберт, звук захохотал между гробниц и несколько раз отразился от сводчатого потолка. Вспыхнула улыбка: в чашобе огромной черной бороды блеснули белые зубы. — Ах, Нед, — сказал король. — Ты по-прежнему слишком серьезен. — Он обнял тяжелой рукой плечи Неда. — Я намеревался поговорить с тобой через несколько дней, но теперь в этом нет нужды. Пойдем!

Они шли между колонн. Слепые каменные глаза, казалось, провожали их. Король не снимал свою руку с плеч Неда.

— Ты, конечно, не догадываешься о причине моего визита в Винтерфелл после столь долгого перерыва?

У Неда были некоторые подозрения на сей счет, однако он не стал говорить о них.

— Чтобы порадоваться моему обществу, — ответил он непринужденно. — Кроме того, нельзя забывать о Стене. Тебе надо бы посмотреть на нее, светлейший, пройтись поверху, поговорить с теми, кто защищает ее. Ночной Дозор стал тенью прежнего своего величия. Бенджен утверждает...

— Вне сомнения, я услышу слова твоего брата из его собственных уст и достаточно скоро, — проговорил Роберт. — Сколько ж простояла Стена... восемь тысячелетий? Продержится еще несколько дней. У меня есть более насущные дела. Наступают трудные времена, мне нужны надежные люди. Люди, подобные Джону Аррену. Он служил мне как лорд Орлиного Гнезда, как Хранитель Востока, как десница короля. Джона трудно заменить.

— Но его сын... — начал Нед.

— Его сын унаследует Орлиное Гнездо со всеми доходами, — отвечал Роберт отрывисто, — и не более.

Ответ застал Неда врасплох. Он удивился, вздрогнул и начал поворачиваться к своему

королю. Слова вылетели сами собой:

— Аррены всегда были Хранителями Востока, титул этот передается вместе с владением.

— Когда Роберт повзрослеет, честь эту можно будет вернуть его роду, — сказал король. — Я могу подумать об этом и сейчас, и в следующем году. Однако шестилетний мальчишка не способен возглавить войско.

— В мирные времена титул этот является просто почетным. Пусть мальчик унаследует его хотя бы в честь отца, если не ради него самого. Ты ведь в долгу перед Джоном за его службу.

Король был недоволен ответом. Он снял руку с плеча Неда.

— Джон был обязан служить своему сюзерену. Не считай меня неблагодарным, Нед. Тебе лучше всех известно, что это не так. Но сын — это далеко не отец, мальчику не удержать Восток. — Тут голос его смягчился. — Ну, довольно об этом. У меня есть и более важное дело, и я не стану спорить с тобой. — Роберт взял Неда за локоть. — Ты мне нужен.

— Я всегда к твоим услугам, светлейший. Всегда. — Нед чувствовал, что должен был сказать эти слова, и он произносил их, еще не зная, что услышит сейчас.

Роберт как будто бы не слышал его.

— Эти годы, которые мы провели в Орлином Гнезде... боги, это были хорошие годы. Я хочу, чтобы ты вновь находился возле меня, Нед. Ты мне нужен в Королевской Гавани, а не здесь, на краю мира, где ты ничего не можешь сделать. — Роберт поглядел во тьму, на мгновение сделавшись столь же меланхоличным, как и Старк. — Клянусь тебе, усидеть на троне в тысячу раз труднее, чем завоевать его. Законы — скучное дело, считать медяки еще хуже, но, кроме того, есть еще люди... и им нет конца. Я сижу на этом проклятом кресле, выслушиваю жалобы, пока ум мой не онемеет, а задница не разболится. Всем что-то нужно: деньги, земля или правосудие. Ну а враки, которые они рассказывают... Впрочем, мои лорды и леди ничем не лучше. Меня окружают льстецы и дураки. Нед, это может довести человека до безумия. Одна половина из них не смеет открыть мне истину, другая половина не способна найти ее. Бывают такие ночи, когда я жалею о том, что мы победили возле Трезубца. Ну не совсем, конечно, но...

— Понимаю, — негромко проговорил Нед.

Роберт поглядел на него.

— Может быть, и в самом деле понимаешь. Но если так, то лишь ты один, мой старый друг. — Он улыбнулся. — Лорд Эддард Старк, я собираюсь назвать тебя десницей короля.

Нед опустил на одно колено. Предложение не удивило его: по какой еще причине мог Роберт заехать в такую даль? Сан десницы в Семи Королевствах предоставлял вторую власть после самого короля. Он позволял говорить от лица короля, командовать королевским войском, добиваться исполнения королевских законов. Десница мог даже сесть на Железный трон, чтобы совершить правосудие, если король был болен, отсутствовал или же не хотел заниматься делами. Роберт предлагал ему ответственность величиной во все королевство.

Самая непривлекательная перспектива.

— Светлейший государь, — отвечал он, — я не достоин этой чести.

Роберт застонал с добродушным нетерпением.

— Если бы я хотел оказать тебе честь, то отправил бы тебя в отставку. А я хочу, чтобы ты правил королевствами, воевал, позволив обжорству, пьянкам и распутству загнать меня в раннюю могилу. — Похлопав по своему чреву, король ухмыльнулся. — А знаешь, как говорят

о короле и его деснице?

Пословицу Нед знал.

— Пока король спит, — отозвался он, — рука строит.

— Рыбачка, с которой я спал однажды, рассказала мне, как выражает эту мысль простонародье. Король ест, сказала она, а десница подтирает задницу. — Закинув назад голову, Роберт громогласно расхохотался. Эхо со звоном пронзило тьму, окружающие их покойники Винтерфелла, казалось, обратили к ним холодные неодобрительные взгляды. Наконец смех иссяк.

Нед все еще оставался на одном колене, подняв глаза к королю.

— Проклятие, Нед, — пожаловался король. — Мог хотя бы порадовать меня улыбкой.

— Говорят, что здесь зимой бывает так холодно, что смех застывает в горле и душит человека насмерть, — невозмутимым голосом отвечал Нед. — Быть может, поэтому Старки не отличаются весельем.

— Отправляйся на юг вместе со мной, и я научу тебя смеяться, — пообещал король. — Ты помог мне завоевать этот проклятый трон, теперь помоги удержать. Мы должны были править вместе. Если бы Лианна не умерла, мы стали бы братьями, связанными любовью и кровью. Но и теперь еще не поздно. У меня есть сын. У тебя дочь. Мой Джофф и твоя Санса соединят наши дома, как хотели сделать это мы с Лианной.

А вот это предложение и в самом деле удивило Неда.

— Но ведь Сансе всего лишь одиннадцать.

Роберт нетерпеливо махнул рукой.

— Достаточно, чтобы просватать их. Ну а с браком можно подождать несколько лет. — Король улыбнулся. — А теперь вставай, проклятый, и говори — да.

— Ничто не доставит мне большего удовольствия, светлейший, — отвечал Нед, помедлив. — Но все эти почести настолько неожиданны... Можно ли мне подумать какое-то время? Мне надо рассказать жене...

— Да-да, конечно, разумеется. Расскажи Кейтилин. Выспись, если тебе нужно. — Король схватил Неда за руку и потянул с колен. — Только не заставляй меня ждать слишком долго. Я не самый терпеливый среди людей.

На миг Эддарда Старка переполнило жуткое предчувствие. Здесь было его место, здесь, на Севере. Он поглядел на каменные фигуры, окружавшие его, глубоко вздохнул. В холодном безмолвии крипты он чувствовал на себе взгляды мертвецов. Они все понимали, он знал это. И зима приближалась.

Не слишком часто, но случалось, что Джон Сноу радовался тому, что родился бастардом. Вновь наполняя свой кубок из шедшей по кругу енды, он подумал, что такое мгновение наступило.

Джон занял свое место на скамье между молодыми сквайрами и выпил. Сладкое летнее вино наполнило его рот вкусом плодов и вернуло улыбку на губы.

Под сводами просторного чертога Винтерфелла плавала дымка, пахло жареным мясом и свежесдобленным хлебом. Серые каменные стены были увешаны знаменами: белыми, золотыми, алыми. Лютоволк Старков соседствовал с коронованным оленем Баратеонов и львом Ланнистеров. Аккомпанируя себе на звонкой арфе, певец выпевал слова баллады, но в этом конце зала его голос был едва слышен за ревом огня, стуком оловянных тарелок и чаш, громким говором сотен подвыпивших глоток.

Шел четвертый час приветственного пира в честь короля. Братья и сестры Джона сидели возле королевских детей рядом с помостом, на котором лорд и леди Старк принимали короля и королеву. Ради подобной оказии лорд-отец, безусловно, разрешит каждому своему отпрыску выпить по бокалу вина, но не более. Здесь же, на скамье, никто не мог помешать Джону выпить столько, сколько требовала его жажда.

Джон обнаружил умение пить по-мужски, чем пробудил завистливое восхищение юнцов, поощрявших его всякий раз, когда он опустошал очередной кубок. Общество собралось приятное, и Джон наслаждался их рассказами о битвах, любви и охоте. Он не сомневался в том, что в этой компании было веселее, чем с королевскими отпрысками. Джон уже удовлетворил свое любопытство в отношении гостей, когда они выходили в зал. Процессия двигалась в каком-то фуге от места, определенного ему на скамье, и Джон успел досыта наглядеться.

Его лорд-отец шествовал первым, сопровождая королеву. Мужчины называли ее красавицей. Украшенная драгоценными камнями тиара сверкала на длинных золотых волосах, рубины подчеркивали зелень глаз. Отец помог ей подняться на ступени, подвел к сиденью, но королева даже не поглядела на него. В свои четырнадцать лет Джон уже смог разобраться в том, что прячет ее улыбка.

Следующим шел король Роберт собственной персоной, об руку с леди Старк. Король весьма разочаровал Джона. Отец часто рассказывал о безупречном Роберте Баратеоне, демоне Трезубца, свирепейшем воине края, гиганте среди князей. Джон же увидел лишь толстяка, краснолицего, заросшего бородой, взмокшего под всеми шелками. Двигался он весьма неуклюже.

За ним шли дети. Первым — маленький Рикон, с тем достоинством, которое только может изобразить трехлетка. Джону пришлось поторопить его, когда братец остановился рядом. Позади малыша шел Робб в сером шерстяном облачении с белыми полосами по краю. Это были цвета Старков. Он провожал принцессу Мирцеллу, воздушное создание, еще не достигшее восьми лет. Золотые кудри ее весьма эффектно ниспадали из-под украшенной камнями сетчатой шапочки. Джон заметил, как застенчиво она поглядывает на Робба, проходя между столов, как смущенно улыбается брату. И решил, что она чересчур проста. А Робб даже не замечал, насколько она глупа. Он все время ухмылялся, как сельский дурень.

Сводные сестры Джона сопровождали кронпринцев. Арья выступала возле пухлого

юного Томмена, светлые волосы принца оказались длиннее, чем у нее. Санса, что была старше сестры на два года, шла возле кронпринца Джоффри Баратеона. Двенадцатилетний, он был младше Джона или Робба, но, к огромному разочарованию Джона, оба брата уступали в росте принцу. У Джоффри были такие же волосы, как и у сестры, и зеленые глаза матери. Густые светлые кудри ниспадали на золотой бант, закрывая стоячий бархатный воротник. Санса светилась, шествуя возле него, однако Джону не понравились надменные губы Джоффри и тот скучный разочарованный взгляд, которым он рассматривал великий чертог Винтерфелла.

Но более его интересовала пара, шествовавшая следом: братья королевы, Ланнистеры с Бобрового утеса. Лев и Бес, перепутать их было невозможно. Сир Джейме Ланнистер, близнец королевы Серсеи, высокий, золотой, с искрящимися зелеными глазами и улыбкой, резавшей, словно нож. Облаченный в алые шелка, черные высокие сапоги и черный атласный плащ. С груди его туники разевал пасть вышитый золотой нитью герб его дома. Джейме называли в лицо Львом Ланнистера, а за спиной шептали — Царевубийца.

Джон с трудом отвернулся от него. Вот таким и должен быть король, подумал он, провожая идущего красавца взглядом.

Потом он углядел второго брата, почти незаметного в тени. Тирион Ланнистер, самый младший из отпрысков лорда Тайвина и, бесспорно, самый уродливый. Тириону не досталось ничего из того, что боги уделили Серсее и Джейме. Карлик, едва ли не по пояс своему брату, он с трудом поспевал за ним на коротких ногах. Голова его была слишком велика для тела, под выпуклым лбом открывалось расплывшееся лицо уродца. Из-под прямых волос, светлых настолько, что они казались белыми, глядел зеленый глаз, рядом с ним поблескивал черный. Джон заворуженно посмотрел на Беса.

Замыкая череду высоких лордов, вошли его дядя Бенджен Старк из Ночного Дозора и воспитанник отца, молодой Теон Грейджой. Проходя мимо, Бенджен одарил Джона теплой улыбкой. Теон же как бы не заметил его, но в этом не было ничего необыкновенного. Наконец все уселись, провозгласили тосты, ответили благодарностями и снова поблагодарили, и пир начался.

Тогда Джон начал пить и с тех пор не останавливался.

Что-то потерлось о его ногу под столом. Джон заметил обращенные к нему красные глаза.

— Опять проголодался? — спросил он. На середине стола еще оставалась половинка цыпленка под медом, Джон потянулся, чтобы оторвать ножку, но придумал кое-что получше. И целиком подцепив птицу, между своих ног спустил тушку на пол. В дикарском молчании Призрак вцепился в мясо. Братьям и сестрам не разрешили взять своих волков на банкет, но псов набежало больше, чем Джон мог сосчитать. В дальней стороне зала никто не сказал ни одного укоризненного слова о его щенке. Джон попытался уверить себя в том, что ему снова повезло. Глаза его щипало. Джон яростно потер их, ругая дым. Выпив еще глоток вина, он посмотрел, как его лютоволк расправляется с цыпленком.

Следуя за служанками, между столами сновали псы. Одна из собак, черная дворовая сучонка с продолговатыми желтыми глазами, унюхала запах цыпленка. Она остановилась и полезла под скамью, чтобы получить свою долю. Джона это заинтересовало. Сука негромко заворчала и подвинулась ближе. Призрак безмолвно посмотрел на собаку красными глазами. Сука гневно зарычала. Она была в два раза больше волчонка, но тот не шевельнулся. Стоя над своей добычей, он ощерился, обнажил клыки. Сука напряглась, вызывая тьякнула, потом

передумала, повернулась и исчезла между столов, еще раз твякнув на прощание, чтобы сохранить достоинство. Призрак принялся за еду.

Джон ухмыльнулся, потянулся под стол, чтобы погладить косматый белый мех. Лютоволк поглядел на него, по-приятельски цапнул за руку и возвратился к еде.

— И это один из лютоволков, о которых я так много слышал? — проговорил рядом знакомый голос.

Джон радостно поглядел на своего дядю Бена, положившего руку на его голову и взъерошившего волосы, как только что Джон ерошил шерсть волка.

— Да, — отвечал он. — Зовут его Призрак.

Один из сквайров прервал свою непристойную историю, чтобы расчистить место у стола для брата их лорда. Бенджен Старк перешагнул через скамью длинными ногами и взял чашу с вином из руки Джона.

— Летнее вино, — сказал он, попробовав. — Какое сладкое. И сколько же чаш тебе уже досталось, Джон?

Тот только улыбнулся.

Бен Старк расхохотался.

— Этого я и опасался. Помнится, я был младше тебя, когда впервые искренне и честно напился. — Он подхватил с ближайшего блюда зажаренную луковицу, источавшую бурый сок, и с хрустом впился в нее зубами.

Лицо дяди напоминало острый горный утес, но в серо-голубых глазах всегда проглядывал смех. Бенджен Старк был одет в черное, как и подобает тому, кто служит в Ночном Дозоре. Сегодня он предпочел богатый черный бархат, высокие кожаные сапоги и широкий пояс с серебряной пряжкой. Тяжелая серебряная цепь лежала на его шее. Доедая луковицу, Бенджен с удивлением посмотрел на Призрака.

— Очень спокойный волк, — заметил он.

— Этот не такой, как остальные, — сказал Джон. — Он всегда молчит, поэтому я и назвал его Призраком. Но еще и потому, что он белый. Все остальные темные: серые или черные.

— Ну, за Стеной лютоволков еще хватает. Мы слышим их вой во время вылазок. — Бенджен пристально поглядел на Джона. — Разве ты обычно ешь не вместе со своими братьями?

— Обычно да, — отвечал Джон ровным голосом, — но сегодня леди Старк решила, что королевская семья посчитает оскорблением общество бастарда.

— Понимаю. — Взгляд дяди обратился за спину Джона к возвышению в конце зала. — Что-то на лице моего брата сегодня не видно праздничного настроения.

Джон тоже разглядел это. Бастарду приходится все замечать, учиться читать истину, которую люди прячут за своими глазами. Отец держался учтиво, однако в нем чувствовалась напряженность, которой обычно не было. Лорд Старк ел немного и оглядывал зал полуприкрытыми глазами, словно ничего не видя. Король же, сидевший через два места от него, пил и ел вовсю. Широкое лицо его побагровело под черной бородой. Король уже провозгласил достаточное количество тостов, громко смеялся всем шуткам и атаковал каждое блюдо, словно изголодавшийся. Но королева казалась рядом с ним холодной, как ледяная статуэтка.

— Королева тоже сердита, — негромко проговорил Джон своему дяде. — Отец вчера вечером водил короля вниз. Королева не хотела этого.

Бенджен посмотрел на Джона долгим взвешивающим взглядом.

— Итак, Джон, ты многое замечаешь? Такому человеку найдется место на Стене.

Джон раздулся от гордости.

— Робб лучше владеет копьем, но я лучше фехтую, а Халлен говорит, что лучше меня в нашем замке никто не сидит на коне.

— Заметные достижения.

— Возьми меня с собой, когда будешь возвращаться на Стену, — вдруг выпалил Джон. — Отец разрешит мне, если ты попросишь, я знаю это.

Дядя Бен внимательно оглядел его лицо.

— Мальчикам на Стене не место, Джон.

— Но я почти уже вырос, — запротестовал Джон. — В следующие именины мне исполнится пятнадцать, а мейстер Лювин говорит, что бастарды растут быстрее, чем обычные дети.

— Наверное, — чуть скривился Бенджен. Он взял со стола чашу Джона, наполнил ее из ближайшего кувшина и выпил единым долгим глотком.

— Дейерену Таргариену было только четырнадцать, когда он покорила Дорн, — напомнил Джон. Юный Дракон был одним из его героев.

— На покорение ушло целое лето, — напомнил ему дядя. — Твой мальчишка-король потерял десять тысяч людей, чтобы захватить королевство, и еще пятьдесят тысяч, пытаясь удержать его. Кто-то должен был объяснить ему, что война — это не игра. — Он выпил еще вина. — Кстати, — проговорил он, вытирая рот, — Дейерену Таргариену было всего лишь восемнадцать, когда он погиб. Или ты забыл об этом?

— Я ничего не забываю, — похвастал Джон. Вино наделило его отвагой. Он попытался выпрямиться на скамье, чтобы показаться выше. — Я хочу служить в Ночном Дозоре, дядя.

Он давно и упорно думал об этом по ночам, когда братья уже засыпали. Когда-нибудь Робб унаследует Винтерфелл и как Хранитель Севера возглавит великое войско. Бран и Рикон будут знаменосцами Робба, им суждено править крепостями от лица брата. Сестры Арья и Санса выйдут замуж за наследников других великих домов и отправятся на юг хозяйничать в собственных замках. Но какое место может достаться бастарду?

— Ты не знаешь, чего просишь, Джон. Ночной Дозор — это братство, которому присягают. У нас нет семей. Никто из нас не может родить сына. Долг — вот наша жена. А любовница — честь.

— Честь есть и у бастарда, — проговорил Джон. — Я уже готов принести вашу клятву.

— Ты мальчик, тебе еще четырнадцать, — проговорил Бенджен. — Ты еще не мужчина. Пока ты не познаешь женщину, не поймешь, от чего отказываешься.

— Я не хочу даже думать об этом! — с пылом проговорил Джон.

— Захочешь, когда узнаешь, что это такое, — сказал Бенджен. — Если бы ты знал, чего стоит плата, то, возможно, не стал бы торопиться с клятвой, сынок.

Джон ощутил, как в нем вспыхнул гнев.

— Я тебе не сынок!

Бенджен Старк поднялся.

— Вот это и жалко. — Он положил ладонь на плечо Джона. — Обратишься ко мне, когда заведешь собственных бастардов, посмотрим, как ты тогда запоешь.

Джон задрожал.

— Я никогда не буду отцом бастарда. Никогда! — подчеркнул он, словно выплеснул яд.

И вдруг понял, что все за столом умолкли и глядят на него. Джон почувствовал, как слезы начинают наполнять глаза. Он поднялся на ноги.

— Прости, — сказал он, собрав остатки достоинства, и, резко повернувшись, бросился прочь, чтобы вокруг не заметили его слез. Наверное, он выпил больше вина, чем полагал: ноги подвели Джона, он столкнулся со служанкой, опрокинул кувшин вина на пол. Вокруг загремел смех, и Джон ощутил на щеках жаркие слезы. Кто-то попытался поддержать его. Он вырвался из услужливых рук и, полуслепой, бросился к двери.

Призрак последовал за ним в ночь.

Во дворе было тихо и пусто. Одиноким часовым застыл высоко на внутренней стене, плотно кутаясь в плащ, закрывавший его от ветра. Скучный и несчастный, он горбился там в одиночестве, но Джон охотно поменялся бы с ним местами. Но в остальном замок казался темным и брошенным. Джону уже приходилось видеть заброшенную крепость, скучные стены, среди которых шевелился лишь ветер. Камни молчали о людях, которые жили там. Ныне Винтерфелл напоминал ту твердыню. Звуки музыки и песни сквозь открытые окна тянулись за ним. Но Джону не хотелось веселья. Он стер слезы рукавом рубашки, жалея о том, что пролил их, и собрался уйти.

— Мальчик, — позвал его голос. Джон обернулся. Тирион Ланнистер сидел на карнизе над дверью великого чертога, напоминая горгулью. Карлик ухмыльнулся. — Это животное называется волком?

— Лютоволком, — отвечал Джон. — Его зовут Призрак. — Он поглядел на невысокого человека, разом забыв свое разочарование. — А что ты делаешь наверху? Почему ты не присутствуешь на пиру?

— Там слишком жарко, слишком шумно, и я уже выпил слишком много вина, — поведал карлик. — Я уже давно понял, что блевать на собственного брата неучтиво. Скажи, а можно посмотреть поближе на твоего волка?

Поколебавшись, Джон кивнул:

— Ты сумеешь спуститься или мне принести лестницу?

— О, к чертям лестницы, — отвечал человек, отрываясь от карниза. Джон охнул, а потом с уважением проследил, как Тирион Ланнистер свернулся в тугий комок, легко приземлился на руки, потом сделал сальто и встал на ноги. Призрак в нерешительности отскочил в сторону.

Отряхнувшись, карлик рассмеялся:

— По-моему, я испугал твоего волчонка. Прошу прощения.

— Он не испуган, — отвечал Джон и, согнувшись, позвал: — Призрак, иди сюда. Иди сюда. Вот так.

Волчонок подошел ближе, ткнулся носом в лицо Джона, приглядывая осторожным глазом за Тирионом Ланнистером, но когда карлик протянул руку, чтобы погладить его, отодвинулся и с безмолвной угрозой обнажил клыки.

— Боится, правда? — заметил Ланнистер.

— Сидеть, Призрак! — скомандовал Джон. — Вот так. Сиди смирно. — Он поглядел на карлика. — Теперь ты можешь прикоснуться к волку, он не пошевелится, пока я не прикажу ему. Я учу его.

— Понимаю, — проговорил Ланнистер. Погладив белую шерсть между ушами Призрака, он сказал: — Хороший волк.

— Если бы меня не было рядом, он разорвал бы тебе глотку, — сказал Джон. Пока дело

обстояло не совсем так, но все еще впереди...

— В таком случае лучше держись поближе, — проговорил карлик. Он нагнул свою слишком крупную голову набок и поглядел на Джона разными глазами. — Я — Тирион Ланнистер.

— Я знаю это, — проговорил Джон распрямляясь. Ростом он был выше карлика... странное ощущение.

— А ты — бастард Неда Старка, так?

Джон ощутил, как холод пробежал по нему. Стиснув зубы, он ничего не ответил.

— Я обидел тебя? — спросил Ланнистер. — Прости, карликам не обязательно соблюдать такт. Поколения шутов и дураков дают мне право скверно одеваться и высказывать все, что приходит в голову. — Он ухмыльнулся. — Но ты и есть бастард.

— Лорд Эддард Старк — мой отец, — жестко признался Джон.

Ланнистер поглядел ему в лицо.

— Да, — сказал он, — это видно. В тебе больше севера, чем в твоих братьях.

— Сводных братьях, — поправил Джон. Слова карлика были приятны ему, но он попытался не показать этого.

— Позволь мне дать тебе кое-какой совет, бастард, — сказал Ланнистер. — Никогда не забывай, кто ты такой, ведь мир, конечно, этого не забудет. Сделай происхождение своей силой. Не допускай, чтобы оно превратилось в слабость. Облачись в это, словно в броню, и тогда никто не сможет ранить тебя.

Джону было не до советов.

— Ну что ты знаешь о том, как чувствуют себя бастарды?

— Любой карлик — бастард в глазах собственного отца.

— Но ты законный сын своей матери, истинный Ланнистер.

— Неужели? — с иронией отвечал карлик. — Скажи это моему лорду-отцу. Моя мать умерла, рожая меня, и он никогда не испытывал уверенности в этом.

— А я даже не знаю своей матери, — проговорил Джон.

— Вне сомнения, она была женщиной. Как и все они. — Он одарил Джона скорбной улыбкой. — Запомни это, мальчик. Всякого карлика можно считать бастардом, но бастарду не обязательно быть карликом! — Тут он повернулся и направился в замок на пир, насвистывая расхожую мелодию. Когда Тирион открыл дверь, свет бросил длинную тень на двор, и какое-то мгновение Бес Ланнистер казался высоким, словно король.

Палаты Кейтилин были жарче всех помещений великого замка Винтерфелл. Ей редко приходилось зажигать здесь очаг. Замок был возведен на естественных горячих источниках, и обжигающая вода бежала внутри стен его покоев, словно кровь в человеческом теле, прогоняя холод из каменных залов, наполняя стеклянные сады влажным теплом, храня землю от замерзания. В дюжине небольших дворишков день и ночь курились открытые пруды. Для лета — немного, для зимы же — грань между жизнью и смертью.

Ванна Кейтилин всегда парила, и ладонь ее прикасалась к теплой стене; тепло напоминало ей о Риверране, о днях, проведенных под солнцем с Лизой и Эдмаром. Но Нед не переносил жары. Старки созданы для холода, говаривал он ей; на это она обычно со смехом отвечала, что в таком случае они, безусловно, построили свой замок не на том месте.

Нед поцеловал жену и выбрался из постели, как делал уже тысячу раз. Он пересек комнату, отодвинул тяжелые занавеси и по одному открыл высокие узкие окна, впуская в палату ночной воздух. Ветер кружил вокруг него, обратившегося лицом во тьму, — обнаженного и с пустыми руками. Натянув меха до подбородка, Кейтилин следила за ним. Нед казался ей почему-то каким-то ранимым и невысоким — похожим на того юношу, с которым она обвенчалась в септе Риверрана пятнадцать долгих лет назад. Тело ее все еще ныло после его ретивой любви. Добрая боль. Она ощущала в себе его семя. И помолилась, чтобы оно прижилось. Прошло уже три года после рождения Рикона, а она еще не слишком стара и может родить мужу еще одного сына.

— Я откажу ему, — проговорил Нед, поворачиваясь. В глазах его была тоска, в голосе сомнение.

Кейтилин села на постели.

— Ты не можешь этого сделать и не должен.

— Мои обязанности здесь, на Севере. Я не хочу быть десницей Роберта.

— Он этого не поймет. Теперь он король, а короли не похожи на простых людей. Если ты откажешься служить ему, он станет интересоваться причинами и рано или поздно решит, что ты втайне замышляешь какой-нибудь заговор. Неужели ты не видишь опасности, в которой мы тогда окажемся?

Не желая верить, Нед покачал головой:

— Роберт никогда не станет вредить мне или моей семье. Мы с ним ближе чем братья. Он любит меня. Если я откажу ему, он будет реветь, ругаться, но через неделю мы вместе посмеемся над ссорой. Я знаю этого человека!

— Ты знал человека, — проговорила она. — А король тебе не знаком. — Кейтилин вспомнила мертвую лютоволчицу в снегу, сломанный рог, глубоко застрявший в ее горле. Следует доказать мужу свою правоту. — Гордость — главное для короля, милорд. Роберт проделал весь этот долгий путь, чтобы оказать тебе великую честь, и ты не можешь отказать ему.

— Честь? — с горечью рассмеялся Нед.

— В его глазах — да, — отвечала она.

— А в твоих?

— И в моих! — вспыхнула она. И как это он не понимает? — Король предлагает женить своего сына на нашей дочери, как иначе назвать это предложение? Когда-нибудь Санса

сможет стать королевой. И ее сыновья будут править от Стены и до Дорнских гор. Что здесь плохого?

— Боже, Кейтилин, Сансе всего лишь одиннадцать, — проговорил Нед. — Джоффи... Джоффи просто...

Она договорила за него:

— ...кронпринц и наследник престола. А мне было всего двенадцать, когда отец обещал меня твоему брату Брандону.

Рот Неда с горечью изогнулся.

— Брандон. Да. Брандон знал, как поступить. Он всегда знал, что делать. Все это было предназначено для Брандона. И ты, и Винтерфелл, и все на свете. Он-то и был рожден, чтобы стать десницей короля и отцом королевы. Я никогда не просил, чтобы эта чаша досталась мне.

— Возможно, — проговорила Кейтилин, — но Брандон мертв, и чаша в твоих руках. Ты должен испытать ее, хочешь этого или нет.

Нед отвернулся от нее и уставился в окно. Он поглядел во тьму, на луну и на звезды, даже на часовых на стене. Кейтилин успокоилась, она понимала его боль. Как требовал обычай, Эддарт Старк женился на ней вместо брата. Но тень мертвого брата по-прежнему разделяла их, как и другая тень, — женщины, имени которой она не знала, женщины, которая родила ему незаконнорожденного сына.

Кейтилин уже собиралась направиться к мужу, когда в дверь постучали, громко и неожиданно. Нед повернулся и нахмурился.

— Что там еще?

За дверью послышался голос Десмонда:

— Милорд, здесь мейстер Лювин, он просит срочной аудиенции.

— Ты сказал ему, что я велел не тревожить меня?

— Да, милорд. Он настаивает.

— Хорошо. Пусть войдет.

Нед направился к гардеробу и надел тяжелый халат. Кейтилин вдруг поняла, насколько холодно стало вокруг. Она села в постели и натянула меха до подбородка.

— Не закрыть ли окна? — предложила она.

Нед рассеянно кивнул. В дверях показался мейстер Лювин.

Невысокий мейстер воплощал собой геральдический цвет Старков — серый: глаза его были серыми и быстрыми и многое замечали, тот остаток волос, который оставили ему годы, сделался серым от седины. И конечно же, отороченное белым мехом одеяние его было сшито из серой шерсти. В огромных просторных рукавах были устроены карманы. Лювин всегда все заталкивал в эти рукава, а извлекал из них что-нибудь другое: послания, странные вещи, игрушки для детей. Зная об этих запасах, Кейтилин всегда удивлялась, как мейстер вообще мог поднимать руки.

Лювин дождался, пока дверь закрылась за ним, и только тогда заговорил:

— Милорд, прошу прощения за то, что потревожил вас, но мне передали послание.

Нед отвечал не без раздражения:

— Передали послание? Кто? Разве приехал гонец? Мне ничего не сказали.

— Гонца не было, милорд, но пока я спал, на столе в моей обсерватории кто-то оставил резную деревянную шкатулку. Мои слуги никого не заметили, но вещицу, должно быть, принес кто-то из королевской дружины. У нас нет никаких других гостей с юга.

— Деревянная шкатулка, ты говоришь? — переспросила Кейтилин.

— Внутри оказалось несколько новых линз для обсерватории, сделанных, судя по всему, в Мире. Тамошние оптики не имеют себе равных.

Нед нахмурился. Кейтилин знала, что на подобные вещи у него не хватало терпения.

— Линзы, — проговорил он. — Какое отношение они имеют ко мне?

— Я задал себе тот же вопрос, — проговорил мейстер Лювин. — И решил, что в этом ларце скрыто нечто большее.

Кейтилин поежилась под тяжестью мехов.

— Линза — это предмет, помогающий нам видеть.

— Воистину это так. — Мейстер теребил пальцами наплечье, подобающее его ордену. Тяжелую цепь он носил под одеждой на шее, каждое колечко ее было выковано из другого металла.

Кейтилин вновь ощутила, как ужас зашевелился внутри ее.

— Так что же мы должны видеть более ясно?

— Об этом я спросил себя самого. — Мейстер Лювин извлек из рукава туго скатанную бумажку. — Истинное послание обнаружилось под дном, когда я разобрал шкатулку, в которой прибыли линзы, но оно предназначено не для моих глаз.

Нед протянул руку:

— Тогда дай письмо мне.

Лювин не пошевелился.

— Прощу прощения, милорд. Письмо направлено не мне и не вам. Оно адресовано леди Кейтилин, и только ей одной. Можно ли мне приблизиться?

Кейтилин кивнула, не заставив себя заговорить. Мейстер положил бумажку на стол возле постели. Она была запечатана небольшой нашлапкой из синего воска. Лювин поклонился и начал отступать.

— Останься, — приказал Нед суровым голосом. Он поглядел на Кейтилин. — Что это такое? Миледи, ты дрожишь.

— Я боюсь, — призналась Кейтилин. Протянув руку, она нащупала письмо. Меха упали, но женщина и не вспомнила о своей наготе. На синем воске была оттиснута печать дома Арренов — луна и сокол.

— Это от Лизы. — Кейтилин поглядела на мужа. — Письмо не принесет нам радости. Я чувствую в нем горе, Нед. Я ощущаю это.

Нед нахмурился, лицо его потемнело.

— Распечатывай.

Кейтилин сломала печать.

Глаза ее пробежали несколько строк. Буквы не складывались в осмысленные слова. А потом она вспомнила:

— Лиза не рисковала. Девочками мы придумали свой собственный язык.

— А ты можешь прочитать?

— Да, — согласилась Кейтилин.

— Тогда говори.

— Быть может, мне лучше уйти? — сказал мейстер Лювин.

— Нет, — отвечала Кейтилин. — Нам потребуется твой совет. — Откинув меха, она выбралась из постели. Ночной воздух холодным могильным прикосновением натянул ее кожу, пока она перебежала по комнате. Мейстер Лювин отвернулся. Даже Неда покорило.

— Что ты делаешь? — возмутился он.

— Зажигаю огонь, — ответила ему Кейтилин. Она отыскала халат и, надев его, склонилась над холодным очагом.

— Но здесь мейстер Лювин... — начал Нед.

— Мейстер Лювин принимал все мои роды, — сказала Кейтилин. — Сейчас не время для ложной скромности. — Она положила бумажку в очаг и придавила сверху поленьями. Нед подошел к ней и поднял на ноги. Лицо его оказалось буквально в дюйме от ее лица.

— Миледи, скажи мне, что здесь написано?

Кейтилин напряглась.

— Предупреждение, — негромко ответила она, — для тех, у кого хватает ума прислушаться.

Глаза Неда обратились к ее лицу.

— Продолжай.

— Лиза сообщает, что Джона Аррена убили.

Пальцы мужа напряглись на ее руке.

— Кто?

— Ланнистеры, — сказала Кейтилин. — Королева.

Нед выпустил ее руку. На коже остались темные отметины.

— Боги, — пробормотал он хриплым голосом, — твоя сестра обезумела от горя. Она не знает, что говорит.

— Она знает, — проговорила Кейтилин. — Лиза порывиста, но это послание было тщательно спланировано и умно спрятано. Она знала, что бумажка эта грозит ей смертью, если письмо попадет не в те руки. Чтобы так рисковать, она должна располагать более чем подозрениями. Теперь у нас действительно нет выхода. Ты должен стать десницей Роберта. Тебе придется отправиться на юг и узнать истину.

Кейтилин поглядела на мужа и сразу же поняла, что Нед пришел к противоположному выводу.

— Единственная известная мне правда находится здесь. А Юг — это гадючье гнездо, от которого лучше держаться подальше.

Лювин поправил цепь, прищемившую кожу на горле, и поклонился:

— Десница короля обладает великой властью, милорд. Лорд-десница способен узнать правду о смерти лорда Аррена и предать убийцу королевскому правосудию, способен защитить леди Аррен и ее сына, если верным окажется худшее.

Нед беспомощно оглядел опочивальню. Сердце Кейтилин рвалось к нему, но она понимала, что рано еще обнимать мужа. Сперва нужно добиться победы — ради ее детей.

— Ты говоришь, что любишь Роберта как брата. Неужели ты можешь оставить своего брата в окружении Ланнистеров?

— Чтобы Иные побрали вас обоих, — мрачно буркнул Нед. Он отвернулся от них и подошел к окну. Кейтилин выжидала, молчал и мейстер. А Эддард Старк молча прощался с любимым домом. Он отвернулся от окна, лицо разом сделалось усталым и угрюмым, в уголках глаз поблескивала влага. — Отец мой однажды отправился на юг, отвечая на призыв короля. Но так и не вернулся домой.

— Другие времена, — ответил мейстер Лювин, — другой король.

— Да, — мрачно отозвался Нед, опускаясь в кресло возле очага. — Кейтилин, тебе придется остаться в Винтерфелле.

Слова эти холодным ветром пронзили ее сердце.

— Нет, — сказала Кейтилин с внезапным испугом. Неужели таким будет ее наказание? Никогда не увидеть его лица, не ощутить прикосновения к телу его рук.

— Да, — отвечал Нед голосом, не допускающим возражений. — Ты будешь править Севером вместо меня, пока я исполняю поручения Роберта. В Винтерфелле всегда должен сидеть Старк. Роббу только четырнадцать. Скоро он вырастет, а меня не окажется рядом. Пусть он участвует в твоих советах. Робб должен быть хорошо подготовлен к правлению, когда придет его время.

— Да будет воля богов, чтобы это случилось не слишком скоро, — проговорил мейстер Лювин.

— Мейстер Лювин, я доверяю вам как родичу. Помогайте моей жене советом во всех делах, великих и малых. Научите моего сына тому, что он должен знать. Зима близко.

Мейстер Лювин серьезно кивнул. Потом наступило молчание, наконец Кейтилин, набравшись отваги, задала вопрос, которого боялась более всего:

— А что будет с остальными детьми?

Нед поднялся и обнял ее, коснувшись щекой щеки.

— Рикон очень мал, — ответил он мягко, — и он останется здесь вместе с тобой и Роббом. Остальных я возьму с собой.

— Я не перенесу разлуки, — сказала Кейтилин дрожа.

— Придется перенести, — отвечал он. — Санса должна выйти за Джоффри. Теперь это ясно; мы не можем предоставить королю повод для сомнений в нашей преданности. К тому же пора и Арье познакомиться с обычаями южного двора, через несколько лет она тоже войдет в брачный возраст.

Санса будет блистать на Юге, подумала про себя Кейтилин, и видят боги, что Арья нуждается в воспитании. Неохотно она отпустила их в своем сердце. Но не Брана. Только не Брана.

— Да, — сказала она, — но пожалуйста, ради нашей любви, пусть Бран останется в Винтерфелле, ему только семь.

— Мне было семь, когда мой отец послал меня приемышем в Орлиное Гнездо, — сказал Нед. — Сир Родрик говорит, что Робб и принц Джоффри не ладят. Это плохо. Бран может помочь сгладить сложности... Он обаятельный мальчишка, смешливый, легко влюбляющийся. Пусть вырастет вместе с молодыми принцами, подружится с ними, как я с Робертом. Это выгодно нашему дому.

Нед прав, Кейтилин это знала. Но боль от этого не становилась меньше. Она потеряет сразу четверых: Неда, обеих дочерей и милого, любящего Брана; только Робб и маленький Рикон останутся с ней. Ей вдруг сделалось одиноко в таком огромном замке.

— Тогда держи его подальше от стен, — отважно промолвила она. — Знаешь, как Бран любит лазать.

Нед поцелуями снял слезы с ее глаз, прежде чем они успели упасть.

— Спасибо тебе, миледи, — отвечал он. — Я знаю, что тебе тяжело решиться на это.

— А как насчет Джона Сноу, милорд? — спросил мейстер Лювин.

Кейтилин напряглась, услышав это имя. Нед ощутил в ней гнев и отодвинулся.

Бастарды рождались у многих. Кейтилин уже успела привыкнуть к этому. В первые годы их брака она без удивления узнала, что у Неда есть сын от какой-то девушки, случайно встреченной в военном походе. В конце концов он — мужчина, а они проводили тот год в

разлуке. Нед воевал на юге, она оставалась в безопасном замке своего отца в Риверране. Тогда она думала больше о Роббе, младенце возле ее груди, чем о муже, которого едва успела узнать. Нед имел право на любую утеху, которую мог отыскать среди битв. А раз семья его укоренилось, она полагала, что он должен приглядеть за ребенком.

Но он сделал большее: Старки не были похожи на обычных людей. Нед взял своего бастарда домой и звал его сыном на глазах всего Севера. И когда война наконец окончилась и Кейтилин переехала в Винтерфелл, Джон вместе с его няней уже находился там.

Она восприняла это болезненно. Нед не говорил о матери ребенка ни слова, а в замке не было секретов, и Кейтилин слышала, как служанки повторяют рассказы солдат. Они шептали о сире Эртуре Дейне, Мече Зари, самом искусном воине из семи рыцарей королевской стражи Эйериса, и о том, как их молодой лорд сразил его в поединке. Они рассказывали, как потом Нед повез меч сира Эртура к прекрасной и юной сестре сраженного рыцаря, леди Эшаре Дейн, высокой и светловолосой, с очаровательными фиолетовыми глазами, ожидавшей своей судьбы в замке, именуемом Звездопадом, что стоит на берегах Летнего моря.

Потребовалось две недели, чтобы она набралась храбрости, но наконец однажды ночью Кейтилин спросила своего мужа о ней, спросила прямо в лицо.

В тот единственный раз за все прошедшие годы Нед испугал ее.

— Никогда не спрашивай меня о матери Джона, — отвечал он голосом холодным как лед. — Джон от моей крови, и большего тебе знать не нужно. А теперь я хочу выяснить, где моя госпожа узнала это имя.

Ей пришлось повиноваться, она все рассказала, и с этого дня все сплетни прекратились, а имя Эшары Дейн никогда более не упоминалось в Винтерфелле.

Кем бы ни была мать Джона, Нед, наверное, пылко любил ее, потому что никакие уговоры Кейтилин не могли заставить его отослать мальчика. Лишь этого она не могла простить ему. Кейтилин научилась любить мужа всем сердцем, но так и не сумела заставить себя полюбить Джона. Ради любви к Неду она стерпела бы и дюжину бастардов, если бы только их не было на глазах, но Джон никогда не отлучался из замка, и вырастая, он становился похожим на Неда больше, чем любой из его законных сыновей, что лишь ухудшало положение дел.

— Джон должен уехать, — сказала она.

— Они с Роббом дружат, — проговорил Нед. — Я надеялся...

— Он не может оставаться в Винтерфелле, — обрезала его Кейтилин. — Он твой сын, а не мой. Я не потерплю его здесь. — Жестоко, она понимала это, но ничего изменить не могла. Нед не обрадует парня, оставив его в Винтерфелле.

Муж отвечал ей раненым взором.

— Ты знаешь, я не могу взять его на юг. Для него нет места при дворе. Мальчишка — бастард... ты знаешь, что будут о нем говорить. Его заключают.

Кейтилин решила не уступать мужу, несмотря на его просящий взгляд.

— Говорят, что твой приятель Роберт сам является отцом дюжины бастардов.

— И никого из них не видели при дворе! — вспыхнул Нед. — Ланнистерша позаботилась об этом. Как ты можешь быть настолько жестокой, Кейтилин? Это всего лишь мальчишка. И он...

Ярость накатила на него. Он сказал бы и худшее, но вмешался мейстер Лювин.

— Возможно другое решение, — проговорил он спокойным голосом. — Несколько дней

назад ваш брат Бенджен явился ко мне с разговором о Джоне. Похоже, мальчика тянет к Черным Братьям.

Нед казался потрясенным.

— Он захотел вступить в Ночной Дозор?!

Кейтилин отошла к окну. Пусть Нед все обдумает, сейчас ей лучше промолчать. И все же она охотно бы расцеловала мастера за идеальное решение. Бенджен Старк принес братскую присягу. Джон будет сыном ему, ребенком, которого у него иначе никогда бы не было. Со временем мальчик и сам даст обет. У него не будет сыновей, которые когда-нибудь смогут оспорить право внуков Кейтилин на Винтерфелл.

Мейстер Лювин сказал:

— Служить на Стене — великая честь, милорд.

— И даже бастард может высоко подняться в Ночном Дозоре, — заметил Нед. И все же в голосе его слышалась тревога. — Но Джон так молод. Если бы он попросил об этом в более зрелом возрасте, это было бы другое дело, но в четырнадцать лет...

— Суровая жертва, — согласился мейстер Лювин. — Но жестоки и времена, милорд. Его дорога не будет горше пути, что ждет вас и госпожу.

Кейтилин подумала о тех детях, которых ей предстоит потерять. Смолчать было нелегко.

Нед отвернулся от окна, и лицо его помрачнело. Пройдя несколько шагов, он повернул назад.

— Очень хорошо, — обратился он к мейстеру Лювину. — Наверное, так будет лучше. Я переговорю с Беном.

— А когда мы скажем Джону? — спросил мейстер.

— Когда это потребует. Пока нужно сделать приготовления. Возможно, пройдет пара недель, прежде чем мы сумеем подготовиться к дороге. Пусть Джон порадует этим последним дням. Лето скоро закончится, а с ним и его детство. Когда придет зима, я сам скажу ему.

Стежки под рукой Арьи вновь вышли кривыми. Бросив на них хмурый и недовольный взгляд, она поглядела на сестру, окруженную девушками. Санса великолепно владела иглой. Так говорили все.

— Шитье Сансы столь же красиво, как и она сама, — сказала однажды септа Мордейн их леди-матери. — У нее такие деликатные руки. — А когда леди Кейтилин спросила об Арье, септа фыркнула: — А у Арьи руки кузнеца.

Арья повела взглядом по комнате, опасаясь, что септа Мордейн прочтет ее мысли, но септа не уделяла ей сегодня внимания. Она сидела возле принцессы Мирцеллы, выражая улыбкой восторг. Септам нечасто удается поучить женскому делу принцесс королевской крови, сказала она, когда королева привела к ним Мирцеллу. На взгляд Арьи, стежки принцессы тоже казались чуть-чуть кривоватыми, но по воркованию септы Мордейн этого никак нельзя было определить. Арья вновь оглядела собственную работу, пытаясь найти способ исправить ее, а потом вздохнула, опустила иглу и мрачно уставилась на сестру. Санса весело трещала за работой. Бет Кассель, младшая дочь сира Родрика, сидела возле ее ног, прислушиваясь к каждому слову, Джейни Пуль, склонившись, что-то шептала ей на ухо.

— О чем вы говорите? — вдруг спросила Арья.

Джейни удивленно поглядела на нее и хихикнула. Санса смутилась. Бет покраснела. Никто не ответил.

— Скажите же, — проговорила Арья.

Джейни оглянулась, чтобы убедиться в том, что септа Мордейн не слушает. Мирцелла как раз что-то кончила рассказывать, и септа рассмеялась вместе со всеми остальными дамами.

— Мы говорили о принце, — ответила Санса голосом мягким, как поцелуй.

Арья знала, о каком из принцев шла речь: конечно же, о Джоффри, высоком и красивом. Санса сидела рядом с ним на пиру. Ей же, Арье, пришлось сидеть с пухлым малышом. Вполне естественно.

— Твоя сестра понравилась Джоффри, — прошептала Джейни с гордостью, словно от нее что-то зависело. Она была дочерью стюарда Винтерфелла и самой близкой подругой Сансы. — Он сказал ей, что она прекрасна.

— Он собирается жениться на ней, — сонным голосом объявила кроха Бет, обхватив себя руками. — Тогда Санса сделается королевой.

Санса изящно покраснела. Краснела она всегда удивительно мило. Она все делает мило, с тупой укоризной подумала Арья.

— Бет, тебе не следует сочинять такие сказки, — поправила Санса младшую, ласково погладив ее по голове, чтобы лишить резкости собственные слова. Она поглядела на Арию. — А что ты думаешь о принце Джоффри, сестра? Он очень галантен, тебе не кажется?

— Джон говорит, что он очень похож на девочку, — сказала Арья.

Санса вздохнула, не прекращая шитья.

— Бедный Джон, — сказала она. — Он ревнует потому, что он бастард.

— Он наш брат, — сказала Арья слишком уж громко. Голос ее прорезал полдневный покой горницы наверху башни.

Септа Мордейн подняла глаза. Костлявое лицо, острые глаза и тонкие губы как будто

специально были созданы для того, чтобы укоротить. Рот ее уже кривился.

— И о чем же вы разговариваете, девочки?

— О нашем сводном брате, — поправилась Санса, мягко и точно. Она улыбнулась септе: — Мы с Арьей как раз говорили, что нам приятно шить сегодня в обществе принцессы.

Септа Мордейн кивнула:

— Действительно. Это великая честь для всех нас. — Принцесса Мирцелла неуверенно улыбнулась комплименту. — Арья, почему ты не шьешь? — зашелестев накрахмаленными юбками, спросила септа и, встав на ноги, направилась через всю комнату. — Покажи-ка мне свою работу?

Арье хотелось заплакать. Ну зачем это Санса, как всегда, привлекла внимание септы?

— Вот, — сказала она, подавая свое шитье. Септа посмотрела на ткань.

— Арья, Арья, Арья, — покачала она головой. — Это не дело. Это совсем не дело!

Все вокруг глядели на нее. Это уж слишком. Санса была слишком хорошо воспитана, чтобы улыбнуться несчастью сестры, но Джейни блаженствовала. Даже принцессе Мирцелле было жаль ее. Арья почувствовала, как слезы наполняют ее глаза. Выскочив из кресла, она бросилась к двери.

Септа Мордейн позвала ее:

— Арья, вернись! Ты не сделаешь ни одного шага. Твоя леди-мать услышит об этом. Ты позоришь семью перед лицом нашей царственной гостьи.

Арья остановилась в дверях и повернула назад, закусив губу. Слезы теперь бежали по ее щекам. Она умудрилась отпустить короткий нервный поклон Мирцелле:

— Прошу вашего разрешения, моя госпожа.

Мирцелла моргнула и поглядела на своих дам, ожидая наставлений. Однако в отличие от принцессы септа Мордейн не испытывала неуверенности.

— И куда же ты направлялась, Арья? — потребовала ответа септа.

Бросив на нее яростный взор, Арья ответила самым любезным тоном:

— Коней ковать, — и, недолго насладившись потрясением, проступившим на лице септы, бросилась вон, сбежав по ступеням так быстро, как могли нести ее ноги.

Это было нечестно. Сансе досталось все. Санса была на два года старше, и к тому времени, когда родилась Арья, ей ничего уже не осталось. Так она считала. Санса умела шить, танцевать и петь. Она писала стихи. Она со вкусом одевалась. Она играла на высокой арфе и колокольчиках. Хуже того, она была прекрасна. Санса унаследовала высокие, тонкие скулы матери и густые, осеннего цвета волосы Талли. Арья пошла в своего лорда-отца. Каштановые волосы ее не блестели, лицо казалось длинным и скорбным. Джейни обычно дразнила ее лошадью и ржала, когда Арья проходила мимо. Лучше сестры она умела лишь ездить на коне. Ну, кроме этого, еще хорошо управлялась по дому. Санса никогда не разбиралась в цифрах. Если она выйдет за принца Джоффри, тому придется обзаводиться надежным управителем.

Нимерия ожидала ее в караулке у подножия лестницы и вскочила на ноги, едва завидев Арию. Девочка ухмыльнулась. Уж этот волчонок любит ее, как бы ни относились к ней все остальные. Они повсюду ходили вместе, Нимерия и спала в комнате Арьи — возле постели. Если бы мать этого не запрещала, Арья охотно брала бы волчонка с собой на шитье. Вот пусть тогда септа Мордейн попробует осудить ее стежки. Арья отвязала Нимерию, та лизнула ее руку. Желтые глаза волчонка, отражая солнечный свет, блеснули двумя золотыми

монетами. Арья назвала ее в честь воинственной королевы ройнов, которая некогда провела свой народ через Узкое море. Это имя тут же послужило причиной для большого скандала. Санса, конечно же, назвала своего щенка Леди. Сделав гримасу, Арья обняла волчонка. Нимерия лизнула ее в ухо, и девочка хихикнула.

Септа Мордейн, безусловно, успела все сообщить ее леди-матери. Если она отправится к себе, ее сразу найдут. Арья не хотела этого. Она придумала кое-что получше. Мальчики как раз занимались во дворе. И ей хотелось увидеть, как Робб уложит галантного принца Джоффа на спину.

— Пойдем, — шепнула она Нимерии. Вскочив, Арья побежала, волчонок следовал за ней по пятам.

В стене крытого перехода между арсеналом и Великим Замком находилось окошко, из которого был виден весь двор. Туда они и направились.

Запыхавшаяся и покрасневшая Арья обнаружила там Джона, сидевшего на подоконнике, поджав колени к подбородку. Он следил за происходящим, углубившись настолько, что даже не заметил ее приближения, лишь его белый волк отправился им навстречу. Нимерия приближалась с опаской. Призрак был крупнее, чем его собратья; он обнюхал сестру, лизнул в ухо и опустил на пол.

Джон, любопытствуя, повернулся.

— Разве тебе не положено сейчас работать над шитьем, маленькая сестрица?

Арья отвечала гримасой:

— Я хочу посмотреть, как они дерутся.

Он улыбнулся:

— Тогда подойди сюда.

Арья взобралась на окно и села возле него, прислушиваясь к стуку и говору во дворе. К ее разочарованию, учили младших ребят. Бран был укутан так, что показался ей завернутым в перину, а уж Томмен, при всей своей толщине, похож был на колобок. Они пытели, сопели и разили друг друга обмотанными тканью деревянными мечами под внимательным взглядом сира Родрика Касселя, мастера над оружием, рослого и объемистого, словно бочонок, с великолепными белыми бакенбардами во всю щеку. Дюжина зрителей, мужчины и мальчики, подбадривали сражающихся. Голос Робба был самым громким. Возле старшего брата она заметила Теона Грейджоя, черный дублет воспитанника украшал золотой кракен^[5] его дома, на лице проступало выражение превосходства. Оба сражавшихся уже спотыкались. Арья решила, что бой длится достаточно давно.

— Более утомительное занятие, чем шитье?

— Более веселое занятие, чем шитье, — отвечала ему Арья. Джон с ухмылкой протянул руку и взъерошил ее волосы. Арья покраснела. Они всегда были близки. Джон напоминал ей отца, и она ему тоже. Они были единственными: Робб, Санса и даже маленький Рикон пошли в Талли — улыбочивые, с пламенной шевелюрой. По малолетству Арья когда-то боялась, что из-за этого ее тоже сочтут бастардом. С опасениями своими она отправилась именно к Джону, и именно он переубедил ее.

— А ты почему не во дворе? — спросила его Арья.

Он отвечал ей полуулыбкой.

— Бастардам не позволено сражаться с юными принцами. Все синяки, которые они получают во время упражнений, должны быть нанесены руками законных сыновей.

— О!.. — Арья смутилась. Ей следовало бы понять это самостоятельно. Второй раз за

сегодняшний день Арья решила, что жизнь не так уж и хороша. Она посмотрела, как ее младший брат рубанул Томмена. — А я могу управляться с мечом не хуже Брана. Ему только семь, а мне уже девять.

Джон посмотрел на нее с высоты всей своей четырнадцатилетней мудрости.

— Ты слишком худа, — объявил он и взял сестру за руку, чтобы пощупать мускулы, а потом вздохнул и покачал головой. — Едва ли ты сможешь просто поднять длинный меч, маленькая сестрица, не говоря уже о том, чтобы размахнуться им.

Арья вырвалась и яростно поглядела на него. Джон снова взлохматил ее волосы. Бран и Томмен все еще кружили друг против друга.

— А ты видишь принца Джоффри? — спросил Джон.

Она заметила его не с первого взгляда, лишь приглядевшись, — сзади, в тени высокой каменной стены. Принца окружали мужчины, которых Арья не знала, незнакомые ей молодые сквайры в ливреях Ланнистеров и Баратеонов. Среди них были мужчины постарше. Она решила, что это рыцари.

— Погляди-ка на герб на его плаще, — прошептал Джон.

Арья посмотрела. На подбитом плаще принца был вышит причудливый щит. Тут уж, вне сомнения, шитье было великолепным. Герб разделялся на две половины: по одной стороне мчался венценосный олень королевского дома, на другой рычал лев Ланнистеров.

— Ланнистеры горды, — заметил Джон. — Джоффри было бы достаточно и королевского герба, но нет, он решил воздать дому своей матери такие же почести.

— С женщиной тоже надо считаться! — возразила Арья.

Джон усмехнулся:

— Неужели и ты сделала бы то же самое, маленькая сестрица? Объединила Талли со Старками в своем гербе?

— Волк с рыбой в зубах! — Она расхохоталась. — Это было бы глупо. К тому же, если девочка не может сражаться, зачем нужен ей герб?

Джон пожал плечами:

— У девушек есть гербы, но нет мечей. Бастард получает меч, а не герб. Не я учреждаю правила, моя маленькая сестрица.

Внизу во дворе послышался крик. Принц Томмен катался в грязи, безуспешно пытаясь встать. Подушки делали из него некое подобие черепахи. Бран стоял над ним с поднятым мечом, готовый рубануть, если поверженный противник снова поднимется на ноги. Мужчины расхохотались.

— Довольно! — проговорил сир Родрик. Он подал принцу руку и поднял его на ноги. — Хорошая схватка. Лью, Доннис, помогите им снять броню. — Он огляделся. — Принц Джоффри, Робб, дело за вами, объявляю новый поединок.

Робб, уже покрывшийся потом в предыдущей схватке, бодро шагнул вперед:

— Охотно!

Отвечая на вызов Родрика, Джоффри вышел на солнечный свет. Волосы его блеснули золотой нитью.

— Это же игра для детей, сир Родрик, — проговорил он со скукой.

Пеон Грейджой разразился хохотом.

— Вы и есть дети, — сказал он.

— Робб, возможно, и ребенок, — сказал Джоффри, — но я принц. И мне надоело рубить Старков игрушечным мечом.

— Ты получил больше ударов, чем нанес, Джофф, — возразил ему Робб. — Или ты боишься?

Принц Джофффри поглядел на него и процедил сквозь зубы:

— Просто в ужасе перед таким грозным воином. — Кое-кто из Ланнистеров расхохотался.

Джон, хмурясь, глядел на эту сцену.

— А Джофффри-то хоть еще и не вырос, но уже дерьмо, — сообщил он Арье.

Сир Родрик задумчиво потянул за белый ус.

— Что вы предлагаете? — спросил он у принца. — Настоящую сталь?

— По рукам, — отвечал Робб, — сам же и пожалеешь.

Оружейных дел мастер положил руку на плечо Робба, чтобы успокоить его.

— Настоящая сталь слишком опасна. Я разрешаю вам взять турнирные мечи с затупленными краями.

Джофффри не ответил, но незнакомый Арье высокий рыцарь с черными волосами и оставленными ожогами шрамами на лице пробился вперед и стал перед принцем.

— Это твой принц, и кто ты таков, сир, чтобы указывать ему, может он или нет брать в руки острый меч.

— Я Кассель, мастер над оружием в Винтерфелле, и советую тебе не забывать об этом.

— Неужели здесь учат женщин? — захотел узнать рыцарь со шрамами. Его мышцы вздувались, как у быка.

— Я воспитываю рыцарей, — подчеркнул сир Родрик. — Они получают сталь, когда будут готовы к ней... Когда достигнут нужного возраста.

Рыцарь поглядел на Робба.

— Сколько тебе лет, мальчик?

— Четырнадцать, — отвечал Робб.

— Я убил мужчину в двенадцать лет. И не сомневайся — не тупым мечом.

Арья заметила, как Робб ошетинился, гордость его была задета. Он обернулся к сир Родрику:

— Позволь мне сделать это. Я смогу победить его.

— Тогда бери турнирный меч, — ответил сир Родрик.

Джофффри пожал плечами:

— Встретимся, когда подрастешь, Старк. Но только не в глубокой старости. — Люди Ланнистеров расхохотались.

Ругательства Робба раздались во дворе. Потрясенная Арья прикрыла рот. Теон Грейджой схватил Робба за руку, чтобы увести его подальше от принца. Сир Родрик недовольно потянул себя за усы.

Джофффри изобразил зевок и повернулся к младшему брату.

— Пошли, Томмен, — сказал он. — Время игр закончено. Пусть дети развлекаются.

Ланнистеры снова разразились смехом, Робб опять отвечал бранью. Лицо сира Родрика под белыми бакенбардами уже побурело, как свекла. Теон удерживал Робба железной хваткой, пока принцы и их отряд не отошли подальше.

Джон проводил их взглядом. Арья заметила, что лицо Джона сделалось столь же спокойным, как пруд в середине богороци. Наконец он слез с окна.

— Развлечение закончено, — проговорил он, нагибаясь, чтобы почесать Призрака за ушами. Волк поднялся и потерся о хозяина боком. — Лучше бы тебе отправиться к себе в

комнату, маленькая сестрица. Септа Мордейн уже притаилась там, и чем дольше ты будешь прятаться, тем суровее окажется наказание. Тебе придется шить всю зиму. А когда настанет оттепель, твое тело обнаружат с иголкой, застывшей между замерзшими пальцами.

Арья не видела в подобной перспективе ничего забавного.

— Ненавижу шитье! — проговорила она с пылом. — Это нечестно!

— Все нечестно, — ответил Джон, вновь взъерошил ее волосы и отправился прочь. Призрак безмолвно последовал за хозяином. Нимерия тоже было увязалась за ними, но остановилась и вернулась назад, заметив, что Арья остается на месте. Девочка неуверенно, без особой охоты повернула в обратную сторону. Но там ее ожидала худшая участь, чем предполагал Джон: в комнате сидела не одна септа Мордейн, там была и ее мать.

Охотники выехали на рассвете. Король хотел затравить дикого вепря для вечернего пира. Принц Джоффри сопровождал отца, поэтому и Роббу позволили присоединиться к охотникам. Дядя Бенджен, Джори, Теон Грейджой, сир Родрик и даже забавный младший брат королевы — все выехали в лес. В конце концов это была последняя охота. Утром они отправятся на юг. Брана оставили позади с Джоном, девочками и Риконом. Рикон был еще младенцем, девочки всегда оставались только девочками, ну а Джона с его волком нигде не было видно. Впрочем, Бран и не разыскивал его слишком усердно. Он решил, что Джон сердится на него, ведь в эти дни Джон, похоже, сердился на каждого. Бран не знал причины. Ему казалось, что если Джон уезжает вместе с дядей Беном на Стену, чтобы вступить в Ночной Дозор, то это ничуть не хуже, чем ехать на юг вместе с королем. Дома оставался один только Робб. Бран никак не мог дожждаться отъезда. Ему предстояло ехать по Королевскому тракту на собственном коне — не на пони, на настоящем коне! Потом его отец в Королевской Гавани делается десницей короля, и они будут жить в том самом Красном замке, который построили владыки Драконов. Старая Нэн говорила, что там обитают призраки, есть и темница, где творятся жуткие вещи, а на стенах повсюду развешаны драконьи головы. Подумав об этом, Бран поежился, но не от страха. Чего бояться? С ним будет отец и еще король со всеми своими рыцарями и рубаками, присягнувшими на верность.

Бран намеревался когда-нибудь сделаться рыцарем и вступить в Королевскую гвардию. Старая Нэн говорила, что лучших мечей не сыщешь по всей стране. Их было всего семеро, они носили белую броню, не имели жен и детей и служили одному только королю. Бран знал все рассказы о них. Одни их имена звучали песней. Сервин Зеркальный щит, сир Пойен Редвин, принц Эймон Рыцарь Дракона, близнецы сир Эррик и сир Аррик, погибшие от мечей друг друга сотни лет назад, когда брат воевал с сестрой в войне, которую певцы называли Пляской Драконов. Белый Бык, Герольд Хайтауэр, сир Эртур Дейн, Меч Зари, Барристан Отважный.

Двое гвардейцев сопровождали короля Роберта в поездке на север. Бран смотрел на них как заколдованный и не смел заговорить. Сир Борос был лыс, и щеки его тряслись, глаза сира Меррина прятались в нише между нависшим лбом и ржавой бородой. Более похожий на рыцарей из сказаний сир Джейме Ланнистер прежде принадлежал к Королевской гвардии, но Робб говорил, что Джейме убил старого безумного короля и посему был исключен из нее. Самым великим среди живых рыцарей считался сир Барристан Селми — Барристан Отважный, лорд-начальник Королевской гвардии. Отец обещал познакомить Брана с сиром Барристаном, когда они приедут в Королевскую Гавань, и Бран отмечал на стене оставшиеся до отъезда дни, мечтая повидать мир, о котором он мог только мечтать, и наконец начать жизнь, которой он даже не представлял себе.

И все же, когда наступил последний день, Бран вдруг почувствовал себя потерянным. Он не знал иного дома, кроме Винтерфелла. Отец велел ему сегодня попрощаться со всеми, и Бран попытался это сделать. Когда уехали охотники, он отправился по замку со своим волком, намереваясь посетить тех, кто останется дома: старую Нэн, повара Гейджа, Миккена-кузнеца, Ходора-конюха, который все время улыбался, заботился о его пони и никогда не говорил другого слова, кроме своего имени Ходор, а еще человека из стеклянного

сада, который угощал его ежевикой, когда он являлся с визитом...

Но ничего хорошего не получилось. Первым делом Бран посетил конюшню, попросился со своим пони. Он ведь больше не принадлежал ему, Бран получил настоящего коня, и с пони нужно было расставаться. И вдруг Бран захотел просто сесть где-нибудь и расплакаться. Он повернулся и побежал, прежде чем Ходор и остальные конюхи смогли заметить слезы на его глазах. Тем и закончилось его прощание. Вместо этого Бран провел утро в богороще, пытаясь обучить волка приносить палку, но успеха не достиг. Волчонок был смысленнее любой собаки в своре отца. Бран присягнул бы, что зверь понимал каждое сказанное ему слово, но интереса к палкам при этом не обнаруживал.

Бран все еще обдумывал имя. Робб звал своего волка Серым Ветром, потому что тот быстро бегал, Санса дала своей волчице имя Леди, а Арья выбрала для своей имя королевы-ведьмы, воспетой в старинных песнях. Маленький Рикон называл волка Лохматым Песиком, с точки зрения Брана — довольно глупое имя для лютоволка. Белый волк Джона носил кличку Призрак. Бран пожалел, что не придумал эту кличку первым, хотя его волк и не мог похвастаться белой шкурой. За последние дни недели мальчик опробовал сотню имен, но ни одно из них не казалось подходящим.

Наконец Бран устал от игры с палкой и решил полазять. Он уже несколько недель не поднимался на разрушенную башню, а учитывая все обстоятельства, иного шанса могло и не представиться.

Он побежал через богорощу окольным путем, чтобы не проходить мимо водоема, возле которого росло сердце-дерево. Оно всегда пугало Брана, полагавшего, что у деревьев не должно быть глаз и рук. Волк следовал за ним.

— Ты останешься здесь, — сказал Бран у подножия страж-дерева, росшего возле стены арсенала. — Ложись, вот так, и жди меня.

Волк поступил как приказано. Бран поскреб его за ушами, обернулся, подпрыгнул, уцепился за невысокий сук и подтянулся. Он уже поднялся до середины дерева, легко перебираясь с ветки на ветку, когда волк вскочил на ноги и завыл.

Бран поглядел вниз. Волк умолк, глядя на него лиловыми узкими глазами. Странный холодок пронзил Брана, но он полез дальше. Волк снова взвыл.

— Тихо, — сказал Бран. — Садись. Ты хуже, чем мать. — Волчий вой сопровождал его, пока он лез выше, — до тех пор, пока Бран наконец не перескочил на крышу арсенала и волк не смог более видеть его.

Крыша Винтерфелла была для Брана родным домом. Мать нередко говорила, что он научился лазать прежде, чем ходить. Сам Бран не помнил, когда научился ходить, но не мог вспомнить и когда начал лазать. Возможно, мать действительно была права. Для мальчика Винтерфелл представлял серый каменный лабиринт: стены, башни, дворы и переходы, разбегавшиеся во все стороны. Покои в старой части замка успели накрениться в разные стороны, так что нельзя было даже сказать, на каком этаже ты находишься. Замок вырос за века, подобно какому-то чудовищному дереву, и ветви его сделались корявыми и толстыми, а корни углубились в землю, как верно заметил однажды мейстер Лювин.

Поднявшись к небу, Бран мог охватить глазом сразу весь Винтерфелл. Ему нравился замок, распростертый под ним. Пока птицы кружили над его головой, а внизу жила своей жизнью крепость, Бран мог целые часы проводить между источенными дождями горгулий, в задумчивости приглядывавших за Первой Твердыней: правильно ли люди обрабатывают дерево и сталь во дворах, следят ли садовники за овощами в стеклянном саду, снуют ли без

отдыха псы взад и вперед, молчалива ли по-прежнему богороща и не изменились ли сплетни девиц, обменивающихся ими во время стирки возле колодца? Отсюда он казался себе лордом всего замка. Роббу никогда не понять этого.

Здесь Бран узнал и некоторые секреты Винтерфелла. Оказалось, что строители даже не выровняли землю. За стенами Винтерфелла были свои холмы и равнины. И мостик шел с четвертого этажа колокольной башни на второй этаж грачевни. Бран знал об этом. Еще он знал, что сумеет попасть на внутреннюю стену через южные ворота, подняться на три этажа и обежать весь Винтерфелл по узкому каменному туннелю, а потом выйти на уровне земли через северные ворота под сотнею футов стены, высящейся над головой. Мейстер Лювин этого не знал, Бран был в этом уверен.

Мать все боялась, что однажды Бран сорвется со стены и убьется. Он уверял ее, что этого не случится, но она не верила ему. Однажды она заставила его обещать, что он всегда будет оставаться на земле. Бран сумел выдержать обещание почти две недели, день ото дня ощущая себя все более несчастным, и наконец удрал прямо из окна детской, пока братья крепко спали.

В порыве раскаяния он исповедовался в преступлении на следующий день. Лорд Эддарт отправил его в богорощу, чтобы очиститься. И расставил стражу, которая должна была приглядеть, чтобы сын его провел в лесу целую ночь, обдумывая свое неповиновение. Наутро Брана нашли не сразу; наконец он обнаружился спящим в ветвях самого высокого дерева рощи.

При всем гневе отцу оставалось только расхохотаться.

— Ты не мой сын, — сказал он Брану, когда его доставили вниз, — ты какая-то белка. Лазай, если не можешь не лазать. Только пусть мать этого не видит.

Бран старался, хотя знал, что ее трудно провести. Поскольку отец более не запрещал этого, мать нашла другие способы. Старая Нэн рассказала ему сказку о скверном маленьком мальчике, который забрался слишком высоко и был поражен молнией, а потом вороны выклевали ему глаза. Бран пропустил это мимо ушей. Он видел много вороньих гнезд на вершине разрушенной башни, куда, кроме него, не поднимался никто, а иногда наполнял свои карманы зерном, так что вороны клевали у него прямо из рук. И никто из них ни разу не обнаружил никакого желания выклевать у него хотя бы один глаз.

Потом мейстер Лювин вылепил из глины фигурку мальчика, одел куклу в одежду Брана и сбросил со стены во двор, чтобы показать, что останется от Брана, если он упадет. Зрелище было забавным, но Бран только посмотрел на мейстера и сказал:

— Но я не сделан из глины и к тому же никогда не упаду.

Некоторое время, заметив его на крыше, стража гонялась за ним, пытаясь поймать. Это была самая веселая пора. Все равно что играть с братьями, но здесь Бран побеждал всегда. Никто из стражников не умел лазать, как Бран, даже Джори. А в основном его вообще не замечали. Люди никогда не смотрят вверх. Он любил крыши еще и по этой причине. Там, наверху, он становился как бы невидимым.

Ему нравилось и просто перебираться с камня на камень, впиваясь пальцами рук и ног в узкие щели. Он всегда снимал ботинки и лез вверх босым. И тогда ему казалось, что у него четыре руки вместо двух. Бран любил глубокую сладкую боль, которая потом ощущалась в мышцах. Он любил сам воздух наверху — плотный и сладкий, как зимняя груша. Любил птиц: ворон в разбитой башне, крохотных воробьев, гнездившихся в трещинах между камнями, древнюю сову, которая спала в пыльной расщелине на вершине старого арсенала.

Бран знал их всех.

Но больше всего он любил посещать места, где никто не мог бывать, и смотреть сверху на серый Винтерфелл. Таким его не видел никто. Так целый замок сделался секретным уголком Брана.

Любимым местом своим он считал разбитую башню. Некогда она была сторожевой, самой высокой в Винтерфелле. Давным-давно, за сотню лет до рождения отца, удар молнии воспламенил ее. Вершина третьего этажа рухнула вниз, башню забросили и никогда не перестраивали. Иногда отец посылал крысоловов к основанию башни, чтобы убрать гнезда, которые всегда обнаруживались среди обуглившихся и сгнивших брусьев и битых камней. Но кроме Брана и ворон, никто не поднимался к зубчатой вершине сооружения. Он знал два способа забраться туда. Можно было лезть по стене башни, но камни в ней вихлялись, потому что связка, некогда удерживавшая их, давно рассыпалась песком. Бран не любил наступать на них. Более удобный путь вел от богорощи: надо было подняться по высокому страж-дереву и перебраться через арсенал и зал караульной башни, перепрыгивая с крыши на крышу босыми ногами, так, чтобы стражники не слышали. Тогда он оказывался со слепой стороны Первой Твердыни, стариннейшей части замка, круглой крепости, более высокой, чем она казалась. Лишь крысы да пауки жили там, но по старым камням было удобно лезть. Дальше можно было подняться наверх, к слепо глядящим в пустоту горгульям, перебраться от фигуры к фигуре на северную сторону, а оттуда, если как следует потянуться, можно было перелезть на разбитую башню. Последнюю часть пути к вершине, к гнездам, к площадке не более десяти футов шириной приходилось подниматься по почерневшим камням. Тут-то к нему и прилетали вороны посмотреть, не принес ли он зерна.

Бран передвигался от горгульи к горгулье с легкостью, достигнутой долгими тренировками, когда услышал голоса. Он испугался настолько, что едва не сорвался: в Первой Твердыне никогда не обнаруживалось признаков жизни.

— Мне это не нравится, — проговорила женщина. Под Браном был рядок окон, голос доносился из последнего. — Десницей бы следовало стать тебе.

— Боги запрещают, — отвечал ленивый мужской голос. — Этой чести я не добиваюсь. Она требует слишком больших усилий.

Бран застыл, прислушиваясь, с внезапным испугом. Если он попытается двинуться, они могут заметить его ноги.

— Разве ты не видишь грозящей нам опасности? — сказала женщина. — Роберт любит Старка как собственного брата.

— Роберт с трудом переваривает общество собственных братьев. Я не виню его. Одного Станниса довольно, чтобы вызвать несварение желудка.

— Не валяй дурака! Одно дело — Станнис и Ренли, другое дело — Эддард Старк. Роберт прислушивается к Старку. Черт бы побрал их обоих! Мне следовало настоять, чтобы он выбрал тебя, но я не сомневалась в том, что Старк откажется.

— Следует считать, что нам повезло, — проговорил мужчина, — король вполне мог назначить одного из своих братьев или даже Мизинца, спаси нас боги. Лучше иметь врагов честных, чем честолюбивых, и сегодня ночью я усну спокойно.

Они говорят об отце, понял Бран. И захотел услышать больше. Еще несколько футов... но что, если они заметят его перед окном?

— Нам придется приглядывать за ним повнимательнее, — проговорила женщина.

— Я лучше понаблюдаю за тобой, — отвечал мужчина со скукой. — Иди-ка сюда.

— Лорд Эддард никогда не обнаруживал никакого интереса к тому, что творится к югу от Перешейка, — сказала женщина. — Нет, говорю тебе, он захочет предпринять меры против нас. Зачем же ему тогда занимать седалище власти?

— По сотне причин... по обязанности или по долгу чести. Может быть, он стремится вписать свое имя крупными буквами в книгу истории, может быть, хочет оставить свою жену или сделать и то и другое. Быть может, решил просто погреться — впервые в своей жизни.

— Он женат на сестре леди Аррен. Просто чудо, что Лизы нет здесь и она не встретила нас своими обвинениями.

Бран поглядел вниз. Под окном был узкий карниз, лишь несколько дюймов шириной. Он попытался стать на него. Слишком далеко. Ему не дотянуться.

— Ты слишком ворчлива. Лиза Аррен просто перепуганная корова.

— Эта перепуганная корова делила постель с Джоном Арреном.

— Если бы она что-то знала наверняка, то бросилась бы к Роберту, а не бежала из Королевской Гавани.

— Когда он уже согласился отдать ее слабака воспитанником на Бобровый утес? Не думаю. Она понимала, что жизнь мальчишки послужит залогом ее молчания. Лиза может и осмелеть, когда окажется в безопасном Орлином Гнезде.

— Ох, эти матери! — Слово это в устах мужчины прозвучало ругательством. — По моему, роды что-то делают с женским рассудком. Вы все безумны. — Он с горечью расхохотался. — Пусть леди Аррен набирается отваги. Что бы ей ни казалось, доказательств у нее нет. — Он помедлил мгновение. — Но так ли на самом деле?

— Ты думаешь, что король потребует доказательств? — спросила женщина. — Говорю тебе, он не любит меня.

— И кто же виноват в этом, милая сестрица?

Бран посмотрел на карниз. Можно соскочить вниз. Было слишком узко, чтобы приземлиться, но пролетая, он сумеет ухватиться за камни и подтянуться, однако при этом поднимется шум и они подойдут к окну. Не понимая услышанного, он знал, что разговор не предназначен для его ушей.

— Ты слеп, словно Роберт, — сказала женщина.

— Если ты хочешь сказать, что вижу то же самое, тогда согласен, — ответил мужчина. — Я вижу мужа, который скорее умрет, чем предаст своего короля.

— Он уже предал одного, или ты забыл? — отвечала женщина. — Только вот что-то еще будет, когда Роберт умрет и Джофф займет престол. А ведь чем скорее это случится, тем в большей безопасности мы окажемся. Мой муж с каждым днем становится все беспокойнее, а когда Старк окажется возле него, он сделается только хуже. Подумать только, он все еще любит его покойную сестрицу. Того и гляди бросит меня ради какой-нибудь новой Лианны.

Бран внезапно перепугался. Теперь он хотел одного — вернуться домой и отыскать своих братьев. Но только что сказать им? Нет, надо приблизиться, решил Бран. Посмотреть, кто говорит.

Снова раздался мужской голос:

— Надо меньше думать о будущих неприятностях и побольше о будущих удовольствиях.

— Ах, прекрати! — проговорила женщина. Бран услышал внезапный шлепок по голому телу, потом мужчина расхохотался. Бран подтянулся, перебрался через горгулью и вылез на крышу. Это было нетрудно. Он пролез по крыше к следующей горгулье, располагавшейся как раз над окном той комнаты, откуда слышались голоса.

— Этот разговор уже надоедает мне, сестрица, — проговорил мужчина. — Иди сюда и успокойся.

Бран сел верхом на горгулью, обхватил ее ногами и перегнулся вниз. Он повис на ногах, медленно опуская голову к окну. Мир казался перевернутым, перед глазами проплыл двор в головокружительном повороте, камни его увлажнял талый снег. Бран заглянул в окно. Внутри комнаты боролись мужчина и женщина, оба они были нагими. Бран не различал, кто это. Мужчина находился спиной к нему, и тело его закрывало женщину, которую он прижимал к стене. Раздались мягкие влажные звуки. Бран понял, что они целуются. Он смотрел круглыми глазами, в испуге дыхание застыло в его горле. Мужчина запустил руку между ног женщины и, должно быть, сделал ей больно, потому что женщина застонала низким горловым голосом.

— Прекрати это, — сказала она, — прекрати, ну пожалуйста... — Но голос ее был низок и слаб, и она не отталкивала его. Руки ее утопали в его волосах, в золотой включенной гриве, припавшей к ее груди. Тут Бран увидел лицо... закрытые глаза, раскрывшийся рот. Золотые волосы метались с боку на бок, голова раскачивалась взад и вперед, но он узнал королеву.

Должно быть, он издал какой-то звук; глаза вдруг открылись, женщина поглядела прямо на него и закричала.

Тогда все и случилось. Женщина с криком оттолкнула мужчину и показала рукой на окно. Бран попытался подтянуться, перегибаясь к горгулье, но чересчур поспешил. Рука его беспомощно коснулась гладкого камня, в панике ноги соскользнули, и он вдруг почувствовал, что летит. Мгновенное головокружение, тошнота, когда мимо промелькнуло окно... Бран протянул руку, ухватился за карниз, потерял его, ухватил другой рукой, тяжело ударившись о камень. Столкновение выбило из него дух. Тяжело дыша, Бран качался на одной руке. Вверху над ним появились лица. Королева. Теперь Бран узнал и мужчину; они казались отражениями в зеркале.

— Он видел нас, — пронзительным голосом сказала женщина.

— Видел, — подтвердил мужчина.

Пальцы Брана начали разгибаться. Он ухватился за карниз другой рукой. Пальцы впивались в неподатливый камень. Мужчина перегнулся вниз и сказал:

— Держи мою руку, а то упадешь!

Бран уцепился за руку со всей своей силой. Мужчина легко поднял его на карниз.

— Что ты делаешь? — спросила женщина. Мужчина не обратил внимания на ее слова. Поставив Брана на подоконник, он спросил:

— Сколько тебе лет, мальчик?

— Семь, — проговорил Бран, трясаясь от пережитого. Пальцы его впились в руку мужчины. Осознав это, он выпустил ее. Мужчина поглядел на женщину.

— На что только не пойдешь ради любви, — сказал он с ненавистью и толкнул. Бран с криком вылетел из окна в пустой воздух. Уцепиться было не за что. Мощный двор ринулся навстречу. Где-то вдали взвыл волк. Вороны кружили над разбитой башней, ожидая зерна.

Где-то в каменных лабиринтах Винтерфелла завыл волк. Звук повис над замком траурным флагом. Тирион Ланнистер оторвался от книг и поежился, хотя в библиотеке было тепло и уютно. Что-то в вое этого волка заставило его забыть уютное настоящее и почувствовать себя спасающимся от стаи обнаженным беглецом.

Когда лютоволк взвыл снова, Тирион захлопнул тяжелую, переплетенную в кожу обложку столетней давности повествования о смене времен года, написанного давно почившим мастером, и прикрыл зевок тыльной стороной ладони. Лампа мерцала, масла в ней почти не осталось, и рассвет уже сочился сквозь высокие окна. Он просидел здесь всю ночь, но ничего нового не обнаружил. Тирион Ланнистер был не из тех, кто любил поспать.

Онемевшие ноги заныли, когда он поднялся со скамьи. Растерев, Тирион вернул в них какую-то жизнь и тяжело прохромал к столу, где негромко похрапывал септон, опустивший голову на открытую книгу. Тирион поглядел на заглавие: «Жизнь великого мастера Эйетельмура». Пространное сочинение...

— Хейли, — сказал он негромко. Смущенный молодой человек, моргая, поднял голову, хрустальный знак его ордена раскачивался на цепочке. — Я намереваюсь прервать свой поиск. Пригляди, чтобы книги вернулись на полки. И будь аккуратен с валирийскими свитками, пергамент очень хрупок. «Военные машины» Армидиона — очень редкая вещь, а ваш экземпляр единственный, который мне приходилось когда-нибудь видеть. — Хейли глядел на него в полусне, Тирион терпеливо повторил наставления, а потом хлопнул септона по плечу и оставил его выполнять поручение.

Оказавшись снаружи, Тирион вдохнул полной грудью холодный утренний воздух и начал старательно спускаться по крутым каменным ступенькам, винтом огибавшим снаружи Библиотечную башню. Предприятие вышло долгим; узкие ступени были слишком высоки для его коротких и кривых ног. Встающее солнце еще не озарило стены Винтерфелла, но люди уже были заняты во дворе внизу. До ушей Тириона донесся скрипучий голос Сандора Клигана:

— Мальчик давно умирает. Лучше, чтобы он поторопился.

Тирион поглядел вниз и увидел Пса, стоявшего возле окруженного сквайрами молодого Джоффри.

— Во всяком случае, он умирает тихо, — отвечал принц. — Воет лишь волк. Я едва мог спать прошлой ночью.

Тень Клигана далеко протянулась по утопанной земле, сквайр надвинул черный шлем на голову.

— Могу заткнуть пасть твари, если это порадует тебя, — сказал он сквозь открытое забрало. Паж подал ему длинный меч. Клиган взвесил его, рубанул холодный утренний воздух. Позади него двор отозвался звоном стали о сталь.

Предложение как будто бы восхитило принца.

— Послать Пса убить пса! Винтерфелл просто кишит волками! Старки не хватятся, если одного из них не станет.

Тирион спрыгнул с последней ступени во двор.

— Если ты не против, хочу сделать одно уточнение, племянник, — проговорил он. — Старки умеют считать и после шести в отличие от некоторых принцев, не будем их здесь

называть...

У Джоффри хватило совести покраснеть.

— Голос из ниоткуда, — сказал Сандор и огляделся сквозь прорезь забрала. — Дух воздуха!

Принц расхохотался, как бывало всегда, когда его телохранитель разыгрывал очередной фарс. Тирион привык к этому.

— Ну-ка, посмотри сюда.

Сандор поглядел на землю и сделал вид, что заметил его.

— Маленький лорд Тирион, — проговорил он. — Прошу прощения, я и не заметил, как вы появились здесь.

— Сегодня у меня нет настроения терпеть твою наглость. — Тирион повернулся к племяннику. — Джоффри, ты давно должен был зайти к лорду Эддарду и леди Кейтилин, чтобы предложить им свои утешения.

Джоффри возмущился, как может сделать только мальчишка.

— Еще не хватало! Зачем им нужны мои утешения?

— Им не нужны слова, — отвечал Тирион, — но от тебя ждут соболезнований. Твое отсутствие замечено.

— Мальчишка Старков мне безразличен, — проговорил Джоффри. — А я не могу терпеть женских слез.

Тирион Ланнистер привстал на носки и сильной рукой ударил племянника по лицу. Щека мальчика покраснела.

— Одно только слово, — проговорил Тирион, — и я ударю тебя еще раз.

— Я все скажу матери! — воскликнул Джоффри.

Тирион ударил снова, теперь покраснели обе щеки.

— Рассказывай своей матери, — велел ему Тирион. — Но сперва ты сходишь к лорду и леди Старк, упадешь перед ними на колени и скажешь, насколько тебе жаль мальчика, скажешь, что готов предложить любые услуги, если можно помочь им даже какой-нибудь мелочью в этот жуткий час. И что ты непрестанно молишься за них. Ну, теперь понял? Все понял?

Лицо мальчишки скривилось, словно бы он намеревался заплакать. Ответив легким кивком, Джоффри повернулся и бросился вон со двора, держась за щеку. Тирион поглядел ему вслед.

Тень упала на лицо Тириона. Он повернулся и обнаружил, что Клиган нависает над ним подобно утесу. Черная как пепел броня, казалось, погасила солнце. Клиган опустил забрало, шлем его изображал морду ощерившегося и страшного черного пса, хотя Тирион всегда находил в нем приятные отличия от изуродованного ожогом лица Клигана.

— Принц запомнит оскорбления, маленький лорд, — предостерег его Пес. Шлем превратил его хохоток в гулкий рокот.

— Не сомневаюсь, — отвечал Тирион Ланнистер. — А если забудет, будь доброй собакой, напомни ему. — Он оглядел двор. — А не знаешь ли ты, где я могу отыскать своего брата?

— Он изволит завтракать с королевой.

— Ага, — отвечал Тирион. И, пренебрежительно кивнув Сандору Клигану, направился прочь со всей быстротой, на которую были способны его короткие ноги, насвистывая на ходу. Жаль только рыцаря, который первым обратится сегодня к Псу. У этого типа скверный

характер.

Холодную неприветливую трапезу подали в утренней комнате гостевого дома. Джейме сидел за столом вместе с Серсеей и детьми, они разговаривали приглушенными голосами.

— Роберт все еще спит? — спросил Тирион, без приглашения усаживаясь за стол.

Сестра поглядела на него с тем же самым выражением легкого презрения, с которым смотрела на него со дня рождения.

— Король не спал вообще, — сказала она ему. — Он рядом с лордом Эддардом. Король принял скорбь друга к самому сердцу.

— У нашего Роберта большое сердце, — проговорил Джейме с ленивой улыбкой. Он достаивал серьезного отношения весьма немного. Тирион знал за своим братом эту особенность и прощал ее. Во все жуткие и такие долгие годы его детства лишь Джейме иногда выказывал уродцу-брату некоторую симпатию и уважение, и за это Тирион готов был простить ему едва ли не любой поступок.

Приблизился слуга.

— Хлеба, — сказал ему Тирион, — две маленькие рыбки и кружку доброго темного пива, чтобы утопить их. И немного бекона, поджарь его на углях. — Слуга поклонился и направился прочь. Тирион повернулся к своим родственникам. Разнополые близнецы сегодня казались особенно похожими. Оба предпочли глубокую зелень одежды, подчеркивающую цвет глаз. Длинные светлые кудри были завиты самым модным образом, на обоих золотые украшения — на запястьях, пальцах и шее.

Тирион попробовал представить себе, как живет на свете близнецам, и решил, что никогда не поймет этого. Тошно, должно быть, все время видеть себя, как в зеркале. Собственное подобие он не мог даже представить.

Принц Томмен спросил:

— Дядя, а что слышно о Бране?

— Я проходил вчера вечером мимо его комнаты, — ответил Тирион, — но перемен не было. Мейстер видит в этом хороший знак.

— Я не хочу, чтобы Бран умер, — проговорил Томмен. Это был ласковый мальчик, непохожий на брата, но ведь и Джейме с Тирионом нельзя считать фасолинами из одного стручка.

— У лорда Эддарда был брат по имени Брандон, — заметил Джейме. — Один из заложников, убитых Таргариеном. Несчастливое имя.

— По-моему, не столь несчастливое, как тебе кажется, — возразил Тирион. Слуга принес ему блюдо, Тирион откусил от ломтя черного хлеба. Серсея тревожно посмотрела на него.

— Тирион, что ты хочешь сказать?

Карлик криво улыбнулся ей и приложился к пиву.

— Лишь то, что желание Томмена может исполниться. Мейстер надеется, что мальчик выживет.

Мирцелла радостно охнула, Томмен нервно улыбнулся, но Тирион следил не за детьми. Джейме и Серсея обменялись коротким, не более чем в секунду взглядом, но карлик не пропустил его. Королева посмотрела на стол.

— Где милосердие? Здешние северные боги слишком жестоки, раз позволяют ребенку терпеть такие муки. А что именно говорит мейстер?

Обжаренный бекон захрустел под зубами Тириона. Задумчиво пожевав, он ответил:

— Мейстер полагает, что, если бы мальчику суждено было умереть, жизнь уже оставила бы его. Однако прошло четыре дня, и никаких перемен нет.

— А Бран поправится, дядя? — спросила маленькая Мирцелла, унаследовавшая от матери всю ее красоту, но не вздорный нрав.

— Малышка, он сломал спину, — сказал Тирион, — и ноги. Жизнь в нем поддерживают медом и водой, иначе он умер бы от истощения. Если он очнется, то, наверное, сумеет есть настоящую пищу, но никогда снова не научится ходить.

— Если он очнется... — повторила Серсея. — А это возможно?

— Правду знают только боги, — ответил Тирион. — Сам мейстер всего лишь надеется. — Он снова откусил от ломтя хлеба. — Могу поклясться, что жизнь в мальчике поддерживает только его волк. Зверь день и ночь воет возле большого окна и всякий раз возвращается, когда его прогоняют. Мейстер сказал, что однажды он закрыл окно, чтобы стало потише, и Бран ослабел. А когда совсем открыл его, сердце мальчика забилося сильнее.

Королева поежилась и сказала:

— Есть что-то противоестественное в этих животных. Они опасны. И я не позволю ни одному из них направиться на юг вместе с нами.

Джейме возразил:

— Этого будет трудно добиться, сестра. Волки повсюду следуют за девчонками.

Тирион приступил к рыбе.

— Значит, вы скоро уезжаете?

— Не так уж скоро, — опять вступила в разговор Серсея. И нахмурилась. — Что значит — мы? А как насчет тебя? Только ради Бога не говори мне, что намереваешься остаться в Винтерфелле.

Карлик пожал плечами:

— Бенджен Старк возвращается в Ночной Дозор с бастардом своего брата. Я хочу поехать вместе с ними и увидеть Стену, о которой мы так много слышали.

Джейме улыбнулся:

— Надеюсь, ты не собрался облачиться в черное, милый брат?

Тирион расхохотался:

— Разве я выдержу целибат? Тогда разорятся все шлюхи от Дорна до Бобрового утеса. Нет, я только хочу постоять на вершине Стены и пустить струю с края мира.

Серсея резко поднялась.

— Детям незачем выслушивать всякую грязь. Томмен, Мирцелла, идемте! — Резкими шагами королева вышла из комнаты, свита и дети потянулись за ней.

Джейме Ланнистер задумчиво поглядел на брата холодными зелеными глазами.

— Старк никогда не согласится оставить Винтерфелл, пока сын его пребывает в смертной тени.

— Если прикажет Роберт, он сделает это, — сказал Тирион. — А Роберт прикажет. В любом случае лорд Эддард ничем не сможет помочь своему сыну.

— Старк может прекратить его мучения, — сказал Джейме. — Случись это с моим сыном, я поступил бы именно так. И считал бы, что совершил благодеяние.

— Не советую обращаться с подобным предложением к лорду Эддарду, милый брат, — усмехнулся Тирион. — Он воспримет его без должной доброты.

— Даже если мальчишка выживет, он будет калекой. Хуже чем калекой — уродом. Я

предпочитаю добрую чистую смерть.

Тирион пожал плечами, что только подчеркнуло их кривизну.

— Кстати об уродах, — напомнил он. — Разреши уточнить. Смерть окончательна и подводит жуткий итог, в то время как жизнь полна неисчислимых возможностей.

Джейме улыбнулся:

— А ты развратный чертенок, вот что!

— Конечно, — согласился Тирион. — Надеюсь, что мальчик очнется. Я бы хотел услышать, что он тогда расскажет.

Улыбка Джейме свернулась кислым молоком.

— Тирион, мой милый братец, — заметил он мрачно, — иногда мне с трудом удается понять, на чьей ты, собственно, стороне.

Рот Тириона был полон рыбы и хлеба. Глотнув крепкого черного пива, чтобы протолкнуть съеденное в желудок, он ответил Джейме волчьей ухмылкой:

— Зачем же так! О, Джейме, мой милый братец, ты ранишь меня, прекрасно зная, как я люблю свое семейство...

Джон медленно поднимался по ступенькам, стараясь не думать о том, что, возможно, делает это в последний раз. Призрак безмолвно топал позади него. Снаружи, в воротах замка, кружил снег, во дворе стоял шум и хаос, но внутри толстых каменных стен было тепло и покойно. Слишком уж спокойно — на взгляд Джона.

Поднявшись, он испуганно замер на лестничной площадке. Призрак ткнул носом в его ладонь, подбадривая. Джон распрямился и вошел в комнату.

Леди Старк находилась возле постели Брана. Она сидела там день и ночь уже почти две недели, ни на мгновение не оставляя Брана. Сюда ей приносили еду, горшок тоже. Спала она на твердой небольшой постели; впрочем, говорили, что она вообще не спала. Кейтилин сама кормила сына медом, поила водой и травяным отваром, поддерживавшими его, ни на миг не оставляя комнату. Поэтому Джон сюда и не приходил, но теперь выхода не было.

Он на миг задержался в двери, боясь заговорить, боясь подойти ближе. Окно было открыто. Внизу завыл волк. Призрак услышал и поднял голову.

Леди Старк оглянулась. Мгновение она как будто не узнавала его, но наконец моргнула.

— Что ты делаешь здесь? — спросила она голосом странно бесстрастным и ровным.

— Я пришел повидать Брана, — отвечал Джон. — Попрощаться с ним.

Лицо мачехи не переменилось. Длинные, осеннего цвета волосы потускнели и спутались. Казалось, что она постарела на двадцать лет.

— Ты уже попрощался. А теперь уходи.

Часть души его мечтала только о бегстве, но Джон знал, что если поддастся слабости, то никогда впредь не увидит Брана. Он нервно шагнул в комнату и попросил:

— Пожалуйста!

Что-то холодное шевельнулось в ее глазах.

— Я велела тебе уходить. Ты здесь не нужен.

Некогда подобные слова заставили бы его бежать. Нечто они могли заставить его плакать. Но сейчас Джон лишь рассердился. Скоро он присягнет на верность Ночному Дозору, и тогда его ждут худшие опасности, чем общество Кейтилин Талли Старк.

— Он мой брат, — сказал Джон.

— Или мне позвать стражу?

— Зовите, — ответил Джон с возмущением. — Но вы не сможете запретить мне попрощаться с ним. — Он вошел в комнату, держась по другую сторону постели от леди Старк, и поглядел на Брана.

Она держала одну из его рук, теперь напоминавшую клешню. Это был не тот Бран, которого помнил Джон: плоть ушла от него. Кожа обтянула кости, подобные палкам. Ноги под одеялом изгибались под таким углом, что Джону сделалось худо. Глаза брата ввалились в черные ямы, они были открыты, но ничего не видели. Падение каким-то образом иссушило Брана. Он казался засохшим листком, и первый порыв ветра мог унести его в могилу. И все же под хрупкой грудной клеткой, под переломанными ребрами вздымалась грудь, опадая с каждым мелким выдохом.

— Бран, — позвал Джон. — Прости, что я не пришел к тебе раньше. Я боялся. — Он ощущал, как слезы катятся по его щекам, но ему теперь было безразлично. — Не умирай, Бран, прошу тебя. Мы все ждем, чтобы ты очнулся. Я, Робб и девочки, все кругом...

Леди Старк неотрывно следила за ним. Она не подняла крик, и Джон принял ее молчание за согласие. Снаружи, за окном, вновь взвыл лютоволк. Тот, которому Бран так и не успел дать имени.

— Сейчас мне надо ехать, — проговорил Джон. — Дядя Бенджен ждет, я поеду на север, к Стене. Мы отправимся сегодня, пока еще не пошел сильный снег.

Как ждал Бран предстоявшее ему путешествие! Джон не мог подумать, что придется оставить брата таким. Он смахнул слезы, нагнулся и легонько поцеловал брата в губы.

— Я хотела, чтобы он остался со мной, — сказала негромко леди Старк.

Джон с опаской повернулся в ее сторону, но Кейтилин даже не глядела на него. Она говорила, словно бы не замечая его.

— Я молилась об этом, — проговорила она тусклым голосом. — Бран был моим любимцем. Я отправилась в септу и семь раз помолилась семи именам бога, чтобы Нед изменил свои намерения и оставил его со мной. Иногда молитвы доходят.

Джон не знал, что сказать.

— Но в этом не было вашей вины, — выдавил он после неловкого молчания. Глаза ее обратились к нему. Взгляд леди Кейтилин был полон яда.

— Я не нуждаюсь в твоих утешениях, бастард.

Джон потупил глаза. Она не выпускала одну из ладоней Брана. Он прикоснулся к другой и пожал пальцы, ставшие похожими на птичьи кости.

— До свидания, — проговорил Джон. Он уже был у двери, когда Кейтилин остановила его.

— Джон, — сказала она. Он ушел бы, но леди Старк никогда не обращалась к нему по имени. Он обернулся и увидел, что она смотрела на него, словно бы впервые заметив.

— Да? — проговорил он.

— На его месте должен был лежать ты, — сказала она. А потом повернулась назад к Брану и зарыдала, сотрясаясь всем телом. Джон никогда еще не видел, чтобы она так плакала.

Долог был путь вниз во двор. Снаружи царили шум и смятение. Вовсю кричали люди, грузившие фургоны, запрягавшие и седлавшие коней и выводившие их из конюшен. Пошел легкий снег, и все торопились.

Посреди толпы находился Робб, выкрикивавший распоряжения; брат, казалось, сразу подрос, словно бы падение Брана и несчастье матери каким-то образом прибавили ему сил. Серый Ветер был возле него.

— Дядя Бенджен разыскивает тебя, — сказал Робб. — Он хотел уехать уже час назад.

— Знаю, — отмахнулся Джон. — Сейчас! — Он оглядел весь этот шум и смятение. — А расставаться труднее, чем я думал.

— По-моему, тоже, — проговорил Робб. Снежинки застревали в его волосах и таяли. — Видел его?

Джон кивнул, не имея силы ответить.

— Он не умрет, — сказал Робб. — Я знаю это.

— Вас, Старков, трудно убить, — согласился Джон голосом ровным и усталым. Визит этот отнял у него все силы.

Робб понял, что случилось нечто нехорошее.

— Моя мать... — начал он.

— Она была... очень добра со мной, — перебил его Джон.

Робб улыбнулся с облегчением:

— Хорошо. В следующий раз мы встретимся, когда ты будешь уже в черном.

Джон заставил себя ответить улыбкой:

— Я всегда любил этот цвет. А как ты думаешь, много ли времени пройдет до присяги?

— Не очень, — предположил Робб. Он прижал к себе Джона и крепко обнял его. — Ну а теперь — прощай!

Джон ответил объятием:

— И ты тоже, Старк. Заботься о Бране.

— Можешь не сомневаться! — Они отодвинулись и с неловкостью поглядели друг на друга. — Дядя Бенджен велел, как только я увижу тебя, передать, чтобы ты шел в конюшню, — наконец сказал Робб.

— Мне нужно попрощаться еще с одним человеком, — сообщил ему Джон.

— Тогда я тебя не видел, — ответил Робб.

Джон оставил брата стоящим в снегу, окруженным фургонами, волками и лошадьми. До арсенала было недалеко. Джон прихватил свой сверток и по крытому мостику направился в замок.

Арья находилась в своей комнате, она укладывала вещи в полированный сундук из железного дерева, такой большой, что она сама поместилась бы в нем. Нимерия помогала. Арье нужно было только показать, и волчица бросалась через всю комнату, брала зубами нужное шелковое одеяние и приносила его. Но уловив запах Призрака, она присела на задние лапы и твякнула на вошедших.

Арья обернулась, заметила Джона и вскочила на ноги. Она обняла его за шею своими тонкими руками.

— Я боялась, что ты уже уехал, — сказала она, дыхание ее перехватывало. — Меня не выпускают, чтобы попрощаться.

— А что ты сейчас делала? — Джон был удивлен.

Арья отодвинулась от него и скривилась.

— Ничего. Я просто собиралась. — Она кивнула на огромный сундук, наполненный не более чем наполовину, и вещи, разбросанные по комнате. — Но септа Мордейн сказала, что я сделала все не так и вещи мои сложены неправильно. Она считает, что настоящая южная леди не бросает свои вещи в сундук словно тряпки.

— Значит, ты так и поступила, маленькая сестрица?

— Но они же все равно перепутаются, — сказала Арья. — Какая разница, как они сложены?

— Кстати, о септе Мордейн, — заметил Джон. — Едва ли ей понравится, что Нимерия помогает тебе. — Волчица безмолвно поглядела на него темно-золотыми глазами. — Но ничего. У меня есть кое-что для тебя. Ты возьмешь это с собой и спрячешь подальше.

Лицо Арьи осветилось.

— Это подарок?

— Можешь называть и так. Закрой дверь.

С опаской взволнованная Арья выглянула в коридор.

— Нимерия, сюда! Охраняй. — Она посадила волчицу снаружи, чтобы та помешала нежеланному вторжению, и закрыла дверь. К этому времени Джон уже развернул все тряпки, которыми обмотал свой подарок.

— Вот.

Глаза Арьи расширились... Темные глаза, подобные его собственным.

— Меч, — сказала она негромко.

Ножны из мягкой серой кожи зашуршали вкрадчиво, словно грех. Джон медленно извлек клинок, так чтобы сестра увидела глубокую синеву стали.

— Это не игрушка, — сказал он. — Будь осторожна и не порежься. Лезвием можно даже бриться.

— Девочки не бреются, — заметила Арья.

— Иногда приходится. Ты когда-нибудь видела ноги септы?

Арья хихикнула:

— Она такая худая.

— Ты тоже, — сказал Джон. — Я велел Миккену сделать это для тебя. В Пентосе и Мире и в других свободных городах такими пользуются бандиты. Голову им не срубить, но дырок можно наделать изрядное количество — если поторопишься.

— Я умею двигаться быстро, — сказала Арья.

— Тебе придется тренироваться с мечом каждый день. — Джон вложил оружие в ее руки, показал, как держать, и отступил. — Ну, как ты себя чувствуешь? Он тебе по руке?

— По-моему, да, — отвечала Арья.

— Вот первый урок, — сказал Джон, — протыкай их насквозь. — Он указал на платья, висевшие на стене.

Арья шлепнула его плоской стороной меча по руке. Удар оказался болезненным, но Джон обнаружил, что ухмыляется как идиот.

— Я знаю, с какого конца им пользуются, — сказала Арья, но тут же сомнение пробежало по ее лицу. — Септа Мордейн отберет его у меня.

— Нет — если не будет знать о нем.

— А с кем мне практиковаться?

— Найдешь кого-нибудь, — пожал плечами Джон. — Королевская Гавань — настоящий город. Он в тысячу раз больше Винтерфелла. Ну а пока не найдешь партнера, наблюдай за тем, как фехтуют при дворе. Бегай, катайся верхом, укрепляй силы. И что бы ты ни делала...

Арья знала, что сейчас последует, и они договорили вместе:

— ...не... говори... Сансе!

Джон растрепал ее волосы.

— Мне будет не хватать тебя, маленькая сестричка.

Арья почувствовала, что собирается плакать.

— Жаль, что ты не едешь с нами.

— В один и тот же замок нередко ведет множество дорог. Кто знает? — Джон чувствовал себя теперь увереннее. Он не хотел допускать печаль в свое сердце. — Ну а теперь мне пора. Если я заставлю дядю Бена ждать, весь первый год на Стене мне суждено выносить ночные горшки.

Арья побежала к нему для последнего объятия.

— Сперва положи меч, — предостерег ее со смехом Джон.

Застенчивым движением отставив оружие, она покрыла лицо брата поцелуями.

Джон повернулся назад к двери, Арья взяла меч, взвешивая его в руке.

— Чуть не забыл, — сказал Джон. — У всех хороших мечей есть имена.

— Например, Лед. — Она поглядела на клинок в своих руках. — Неужели у него уже есть имя? Ну говори же.

— Разве ты не догадываешься? — поддразнил Джон. — Назови свою самую любимую вещь.

Арья сперва удивилась, а потом поняла. И они хором произнесли:

— Игла!

Воспоминание это долго потом согревало его в дороге на север.

Свадьбу Дейенерис Таргариен с кхалом Дрого, страшную и варварски великолепную, сыграли на поле возле стен Пентоса, потому что дотракийцы верили, что все важные события в мире и в жизни мужчины должны совершаться под открытым небом.

Дрого созвал свой кхаласар, и они пришли, сорок тысяч воинов-дотракийцев, вместе с несчетным количеством женщин, детей и рабов. Они остановились вместе со своими стадами у городских стен, воздвигли жилища из спряденной травы и съели все, что можно было найти вблизи. Добрый народ Пентоса с каждым днем проявлял все большее беспокойство.

— Мои друзья-магистры удвоили численность городской стражи, — говорил Иллирио, сидя ночью за блюдом с уткой в меду и оранжевым хрустящим перцем во дворце, что принадлежал Дрого. Кхал отправился к своему кхаласару, предоставив дом в распоряжение Дейенерис и ее брата до дня свадьбы.

— Только лучше выдать принцессу Дейенерис скорее, чем они скормят добро Пентоса наемникам, — пошутил сир Джорах Мормонт. Беглец предложил ее брату свой меч в ту самую ночь, когда Дени продали кхалу Дрого, и Визерис охотно принял его. С той поры Мормонт сделался их постоянным спутником.

Магистр Иллирио непринужденно расхохотался, поглаживая раздвоенную бороду, а Визерис даже не улыбнулся.

— Он может получить ее хоть завтра, если захочет, — сказал брат, поглядев на Дени. Она опустила глаза. — Пусть только выплатит цену.

Иллирио махнул мягкой рукой в воздухе, кольца блеснули на толстых пальцах.

— Я сказал вам, что все улажено. Доверьтесь мне. Кхал обещал вам корону, и вы ее получите.

— Да, но когда?

— Когда кхал решит, — ответил Иллирио. — Сначала он получит девицу, а после того, как они вступят в брак, ему нужно будет совершить путешествие по равнинам и представить ее подданным. После этого, быть может, все и решится. Если кхал получит хорошие предзнаменования.

Визерис кипел нетерпением:

— Клал я на дотракийские предзнаменования! Узурпатор сидит на троне моего отца. Долго ли мне ждать?

Иллирио пожал жирными плечами:

— Вы ждали всю свою жизнь, великий король. Что для вас еще несколько месяцев или даже несколько лет?

Сир Джорах, бывалый путешественник и знаток местных обычаев, согласно кивнул:

— Я советую вам проявить терпение, светлейший. Дотракийцы верны своему слову, но поступки они совершают, когда настает их время. Низменный человек может молить кхала о милости, но не вправе корить его.

Визерис ошетинился:

— Последите за своим языком, Мормонт, или я вырву его. Я не из простонародья; я — законный владыка Семи Королевств. Дракон не просит!

Сир Джорах с почтением потупил взгляд. Иллирио, загадочно улыбаясь, отодрал

крылышко от утки. Мед и жир стекали по его пальцам, капали на бороду, зубы впились в нежное мясо.

«Драконов больше не существует», — подумала Дени, глядя на своего брата, хотя и не осмелилась высказать свою мысль вслух.

Но той ночью ей приснился дракон. Визерис бил ее нагую, млевшую от страха, делая ей больно. Дени побежала от брата, но тело сделалось непослушным. Он вновь ударил ее, она споткнулась и упала.

— Ты разбудила дракона, — вскрикнул Визерис, ударяя ее. — Разбудила дракона, разбудила дракона. — Бедро ее увлажняла кровь. Она закрыла глаза и заскулила. И словно бы отвечая ей, слышался жуткий хруст, затрещал великий огонь. Когда она поглядела снова, Визерис исчез, вокруг поднялись великие столбы пламени, а посреди него оказался дракон. Он медленно поворачивал свою огромную голову. А когда огненная лава его глаз коснулась ее взгляда, она проснулась, сотрясаясь в холодном поту. Ей еще не случалось так пугаться...

...до дня, когда наконец свершился ее брак.

Обряд начался на рассвете, продолжался до сумерек; бесконечный день заполняли пьянство, обжорство и сражения. Посреди зеленых дворцов была возведена высокая земляная насыпь, откуда Дени наблюдала за происходящим, сидя возле кхала Дрого над морем дотракийцев. Ей еще не приводилось видеть столько людей вокруг себя, тем более из столь чуждого и страшного народа. Табунщики, посещая свободные города, наряжались в самые богатые одеяния и душились благовониями, но под открытым небом они сохраняли верность старым обычаям. И мужчины, и женщины надевали на голое тело разрисованные кожаные жилеты и сплетенные из конского волоса штаны в обтяжку, которые удерживались на теле поясами из бронзовых медальонов. Воины смазывали свои длинные косы жиром, взятым из салотопных ям. Они обжирались зажаренной на меду и с перцем кониной, напивались до беспамятства перебродившим конским молоком и тонкими винами Иллирио, обменивались грубыми шутками над кострами; голоса их звучали резко и казались Дени совсем чужими.

Облаченный в новую черную шерстяную тунуку с алым драконом на груди, Визерис сидел ниже ее. Иллирио и сир Джорах находились возле брата. Им предоставили весьма почетное место, как раз чуть ниже кровных всадников кхала. Однако Дени видела гнев, собирающийся в сиреневых глазах брата. Визерису не нравилось, что Дени сидит выше, и он кипел уже оттого, что рабы предлагали каждое блюдо сначала кхалу и его невесте, а ему подавали лишь то, от чего они отказывались. Тем не менее ему приходилось скрывать свое раздражение, и оттого Визерис впадал во все более мрачное настроение, усматривая все новые и новые оскорбления собственной персоне.

Дени никогда еще не было так одиноко, как посреди этой громадной толпы. Брат велел ей улыбаться, и она улыбалась, пока лицо ее не заболело и непрошенные слезы не подступили к глазам. Она постаралась сдержать их, понимая, насколько сердит будет Визерис, если заметит, что она плачет. Ей подносили еду: дымящиеся куски мяса, черные толстые сосиски, кровяные дотракийские пироги, а потом фрукты и отвары сладких трав, тонкие лакомства из кухонь Пентоса, но она отмахивалась от всего. В горле ее словно встал ком, и она понимала, что не сумеет ничего проглотить.

Поговорить было не с кем, кхал Дрого обменивался распоряжениями и шутками со своими кровными, смеялся их ответам, но даже не глядел на Дени, сидевшую возле него. У них не было общего языка. Дотракийского она не понимала, а сам кхал знал лишь несколько

слов того ломаного валирийского наречия, на котором разговаривали в Вольных Городах, и вовсе не слышал общего языка Семи Королевств. Дени была бы рада обществу Иллирио и брата, однако они находились слишком далеко внизу, чтобы слышать ее.

Так сидела она в своих брачных шелках, с чашей подслащенного медом вина, не в силах поесть, безмолвно уговаривая себя. «Я от крови дракона, — говорила она про себя. — Я Дейенерис Бурерожденная, принцесса Драконьего Камня, от крови и семени Эйгона-завоевателя...»

Солнце поднялось вверх по небу лишь на четверть пути, когда Дейенерис впервые в жизни увидела смерть человека. Били барабаны, женщины плясали перед кхалом. Дрого бесстрастно следил за ними, провожая взглядом движения и время от времени бросая вниз бронзовые медальоны, за которые женщины принимались бороться. Воины тоже наблюдали. Один из них вступил в круг, схватил плясунью за руку, кинул на землю и взгромоздился на нее, как жеребец на кобылу. Иллирио предупреждал ее о том, что подобное может случиться, ведь дотракийцы в своих стадах ведут себя подобно животным. В кхаласаре нет уединения, они не знают ни греха, ни позора в нашем понимании.

Осознав происходящее, Дени в испуге отвернулась от совокупающейся пары, но тут шагнул в круг второй воин, за ним третий, и скоро глаза некуда было прятать. Потом двое мужчин схватили одну женщину. Она услышала крик, увидела движение, и в одно мгновение они обнажили аракхи: длинные и острые как бритва клинки, смесь меча и косы. Смертельная пляска началась, воины сходились, рубились, прыгали друг вокруг друга, махали клинками над головой, выкрикивали оскорбления при каждом ударе. Никто не сделал даже попытки вмешаться.

Схватка завершилась так же быстро, как и началась. Руки замелькали быстрее, чем Дени могла уследить, один из мужчин споткнулся, клинок другого описал широкую плоскую дугу. Сталь впилась в плоть как раз над плечом дотракийца и развалила его тело от шеи до пупка, внутренности вывалились наружу. Когда побежденный умер, победитель схватил ближайшую женщину — даже не ту, из-за которой они поссорились, — и немедленно взял ее. Рабы унесли тело, пляска возобновилась.

Магистр Иллирио предупреждал Дени и об этом. Свадьбы хотя бы без трех смертей кажутся дотракийцам скучными, сказал он. Ее свадьба оказалась особо благословенной: прежде чем день окончился, погибла дюжина мужчин.

Шли часы, и ужас все сильнее овладевал Дени; наконец она едва могла сдерживать крик. Она боялась дотракийцев, чьи обычаи казались ей чудовищными и чуждыми, словно бы они были зверями в человеческом обличье. Она боялась своего брата, того, что он может натворить, если она подведет его. Но более всего она боялась наступления ночи, когда брат отдаст ее этому гиганту, который пил возле нее, храня на лице жестокий покой бронзовой маски.

«Я от крови дракона», — сказала она себе.

Когда наконец солнце опустилось к горизонту, кхал Дрого хлопнул в ладони, и все барабаны, пир и крик вдруг остановились. Дрого встал и поднял Дени на ноги. Наступило время свадебных подарков.

После подарков, когда опустится солнце, настанет время для первой езды и совершения брака. Дени попыталась отодвинуть эту мысль, но не смогла. Она обняла себя, чтобы не дрожать.

Братец Визерис подарил ей трех служанок. Дени знала, что подарок ничего не стоил

ему. Вне сомнения, девиц предоставил Иллирио. Меднокожих дотракиек с черными волосами и миндальными глазами звали Ирри и Чхику, светлокожую и синеглазую лисенийку — Дореа.

— Это не обычные служанки, милая сестрица, — сказал брат, когда девушек поставили перед ней. — Мы с Иллирио специально выбирали их для тебя. Ирри научит тебя верховой езде, Чхику — дотракийскому языку, а Дореа наставит в женственном искусстве любви. — Он тонко улыбнулся. — Она очень хороша в нем, мы с Иллирио оба можем это подтвердить.

Сир Джорах Мормонт извинился за свой подарок.

— Это пустяк, моя принцесса, но большего бедный изгнанник не может себе позволить, — проговорил он, положив перед ней небольшую стопку старинных книг. Это были истории и песни Семи Королевств, написанные на общем языке. Дени поблагодарила рыцаря от всего сердца.

Магистр Иллирио пробормотал приказ, и пятеро крепких рабов вышли вперед с огромным кедровым сундуком, окованным бронзой. Открыв его, она обнаружила груды тончайших бархатов и дамасков, которые умели делать в Вольных Городах; поверх мягкой ткани лежали три огромных яйца. Дени охнула. Она не видела ничего прекраснее, каждое отличалось от других и переливалось невероятно богатыми красками; сначала ей даже показалось, что они украшены драгоценностями. Яйца были такими большими, что их пришлось брать обеими руками. Дени поднимала их аккуратно, предполагая, что видит вещицы, изготовленные из тонкого фарфора, деликатной эмали или цветного стекла, но они оказались гораздо тяжелее, чем если бы были сделаны из камня. Поверхность яиц была покрыта крошечными чешуйками, и, повертев их, Дени заметила, что они отливают полированным металлом цвета заходящего солнца. Одно яйцо было глубокого зеленого цвета с золотистыми пятнышками, которые появлялись и исчезали в зависимости от того, как она его поворачивала. Другое оказалось бледно-желтым с красными полосками. Последнее же, черное, как полночное море, выглядело живым, по нему пробежали алые завитки и волны.

— Что это такое? — спросила она негромким, полным удивления голосом.

— Драконьи яйца, привезенные из Края Теней за Асшаем, — отвечал магистр Иллирио. — Эоны обратили их в камень, и все же они горят красотой.

— Я буду хранить это сокровище! — Дени слыхала рассказы о подобных яйцах, но никогда не видела ни одного и не думала, что увидит. Это был действительно великолепный дар. Впрочем, она знала, что Иллирио может позволить себе расточительность: он получил целое состояние лошадьми за посредничество в ее продаже кхалу Дрого.

Кровные всадники кхала поднесли ей, как требовал обычай, три вида оружия, надо сказать, великолепной работы. Хагго подарил ей огромный кожаный кнут с серебряной рукоятью. Кохолло — великолепный аракх, украшенный золотом, а Квото — громадный изогнутый лук из драконьей кости. Магистр Иллирио и сир Джорах научили ее подобающему отказу от подобных приношений. Ей следовало говорить, что сей дар достоин великого воина, что она всего лишь женщина и что только господин ее и муж достоин носить это оружие. Так и кхал Дрого получил свои брачные дары.

Дотракийцы подарили ей множество всяких вещей. Шлепанцы и драгоценные камни, серебряные кольца для волос и пояса для медальонов, раскрашенные жилеты и мягкие меха, песочный шелк, горшочки с притираниями, иголки, перья и крошечные бутылочки пурпурного стекла, наконец, мантию, сшитую из шкурок тысячи мышей.

— Великолепный дар, кхалиси, — оценил магистр Иллирио последний предмет,

объяснив ей магические свойства мантии: — Сулит счастье.

Дары складывали вокруг Дейенерис в огромные груды, их было больше, чем она могла представить себе, больше, чем ей было нужно, больше, чем она могла использовать.

Наконец, кхал Дрого преподнес ей собственный дар. Когда он оставил ее, молчание побежало от центра стана и постепенно охватило весь кхаласар. Когда Дрого вернулся, плотная толпа подносящих дары дотракийцев расступилась, и кхал подвел к ней коня. Это была молодая кобылица, нервная и великолепная. Дени достаточно разбиралась в конях, чтобы понять, насколько это необыкновенная лошадь. Было в ней нечто такое, от чего захватывало дыхание. Шкура напоминала зимнее море, а грива курилась серебряным дымом. Дени нерешительно прикоснулась к ней, погладила конскую шею, провела пальцами по серебристой гриве. Кхал Дрого сказал что-то по-дотракийски, и магистр Иллирио перевел:

— Серебро к серебру твоих волос, сказал тебе кхал.

— Она прекрасна, — пробормотала Дени.

— Она — гордость всего кхаласара, — сказал Иллирио. — Обычай требует, чтобы кхалиси ездил на коне, достойном ее места возле кхала.

Дрого шагнул вперед и взял ее за талию. Он поднял Дени так легко, словно бы она была ребенком, и усадил в тонкое дотракийское седло, много проще тех, к которым она привыкла. Дени застыла, растерявшись на миг: никто не предупредил ее об этом.

— Что мне делать? — спросила она Иллирио.

Ответил ей сир Джорах Мормонт:

— Берите поводья и поезжайте. Но недалеко.

Волнуясь, Дени подобрала узду и вставила ноги в короткие стремяна. Она ездила только на ярмарках и наездницей себя считать не могла; путешествовать ей приводилось на кораблях, фургонах, паланкинах, но не на конской спине. Помолвившись о том, чтобы не упасть и не опозорить себя, Дени легко, едва ли не застенчиво прикоснулась к лошади и коленями послала ее вперед.

И впервые за последнее время совсем забыла об испуге. А быть может, и вообще впервые в жизни.

Серебристо-серая кобыла взяла с места гладко и плавно, толпа расступилась, не отводя от Дени глаз; она обнаружила, что несется быстрее, чем хотела, но скорость лишь обрадовала ее, а не испугала. Лошадь перешла на рысь, Дени улыбнулась. Дотракийцы торопливо давали дорогу. Хватало легкого прикосновения ногами, напряжения удил. Она послала лошадь в галоп, и дотракийцы захохотали, с криками отпрыгивая с пути. Когда Дени повернула обратно, прямо перед ней возник костер. Их сжимали с обеих сторон так, что не было места объехать. С неведомой до сих пор отвагой Дейенерис послала кобылу вперед. Серебряная лошадь перелетела пламя словно бы на крыльях.

Когда она остановилась возле магистра Иллирио, Дени проговорила:

— Скажи кхалу Дрого, что он подарил мне ветер. — Жирный пентошиец гладил желтую бороду, переводя ее слова на дотракийский, и тут она впервые увидела улыбку своего мужа.

Последний осколок солнца исчез за высокими стенами Пентоса на западе, но Дени потеряла счет времени. Кхал Дрого велел кровным всадникам привести своего собственного коня, стройного рыжего жеребца. Пока кхал седлал его, Визерис скользнул поближе к серебряной кобыле, впился пальцами в ногу Дени и сказал:

— Порадуй его, милая сестрица, или клянись, ты увидишь такого дракона, какого еще не встречала.

С этими словами брата страх опять вернулся к ней. Дени вновь ощутила себя ребенком, тринадцатилетней одинокой девочкой, не готовой к тому, что ожидало ее.

Они оставили позади кхаласар и травяные жилища, они мчались, и звезды высыпали на небо. Кхал Дрого не говорил ей ни слова, но гнал своего жеребца крупной рысью в собирающейся тьме. Крошечные серебряные колокольчики в его длинной косе тихо позвякивали при езде.

— Я от крови дракона, — громко прошептала Дени, чтобы поддержать в себе отвагу. — Я от крови дракона. Я от крови дракона. Я от крови дракона. Дракон никогда не боится!

Потом она не могла вспомнить, сколько времени это длилось, но когда они остановились у заросшей травой низинки возле небольшого ручья, совсем стемнело. Дрого соскочил с коня и снял Дени с кобылы. В его руках она ощущала себя хрупкой как стекло, а руки и ноги сделались слабыми как вода. Беспомощная и жалкая, она дрожала в своих свадебных шелках, пока Дрого привязывал коней, а когда кхал обернулся к ней, заплакала. Кхал Дрого поглядел на ее слезы со странно бесстрастным лицом.

— Нет. — Он поднял руку и стер слезы с ее лица грубым мозолистым большим пальцем.

— Ты говоришь на общем языке? — с удивлением спросила Дени.

— Нет, — отвечал он опять.

Наверное, он знает одно это слово, подумала Дени, но она почему-то вдруг приободрилась. Дрого легким движением прикоснулся к ее волосам, пропустив серебристые пряди между пальцами, тихо бормоча что-то на дотракийском. Дени не понимала слов, но в голосе мужа слышались тепло и нежность, которых она не ожидала от этого человека.

Взяв за подбородок, он приподнял ее голову, и она заглянула в его глаза. Дрого возвышался над ней, как над всем вокруг.

Взяв Дени под руки, он посадил ее на круглый камень. Потом сел на землю перед ней, скрестив ноги. Их лица наконец оказались на одной высоте.

— Нет, — сказал он.

— Это единственное слово, которое ты знаешь? — спросила она.

Дрого не ответил. Тяжелая коса покрылась пылью. Он перебросил ее через правое плечо и начал по одному снимать колокольчики. Спустя мгновение Дени склонилась вперед, чтобы помочь. Когда они были сняты, Дрого кивнул. Она поняла. И медленно, осторожно начала расплетать косу. На это ушло много времени. Все это время он сидел, молчаливо следя за ней, и когда она закончила, мотнул головой и волосы рассыпались позади него темной рекой, намащенные и блестящие. Она никогда не видела таких длинных, черных и густых волос.

Теперь пришел его черед. Он начал раздевать ее. Пальцы Дрого оказались ловкими и странно нежными. Один за другим он снял с нее шелка. Недвижимая Дени лишь молча глядела ему в глаза. Когда он обнажил ее крохотные грудки, она не сумела справиться с собой, потупила глаза и прикрыла их руками.

— Нет, — сказал Дрого и отвел ее руки, мягко, но твердо, а потом опять поднял ее лицо, чтобы она глядела на него. — Нет, — повторил он.

— Нет, — отозвалась она словно эхо. Он поставил ее и придвинул к себе, чтобы снять последние одежды. Ночной воздух холодом прикоснулся к нагому телу. Дени поежилась, на ногах и руках выступила гусиная кожа. Она боялась того, что будет, но ничего страшного не случилось. Кхал Дрого сидел, скрестив ноги, впивая ее тело своими глазами. А потом начал прикасаться к ней, сперва почти незаметно, потом крепче. Дени ощущала свирепую силу в его руках, но ей не было больно. Он взял ее руку и по одному растер пальцы. Потом нежно

провел рукой по ноге. Погладил лицо, уши, ласково повел пальцем вокруг рта, запустил обе руки в волосы и расчесал их своими пальцами. Потом повернул ее, растер плечи, провел рукой по спине.

Наверное, прошли часы, прежде чем его руки добрались до груди.

Он гладил мягкую кожу под ними, пока по ним не побежали мурашки. Повея пальцами вокруг ее сосков, он зажал их между указательным и большим пальцами, а потом потянул на себя — сперва легко-легко, а потом настойчивее, так, что соски напряглись и заныли.

Тогда он остановился и посадил девушку к себе на колени. Дени горела, задыхалась, сердце колотилось в груди. Взяв ее лицо в свои огромные руки, он заглянул в ей глаза.

— Нет? — спросил он. И она поняла, что это за вопрос.

Она взяла его руку и опустила к влаге между своих бедер.

— Да, — прошептала она, вводя в себя его палец.

Его разбудили за час до рассвета, когда серый мир еще не начинал шевелиться. Элин грубо вытряхнул его из снов, и полусонный Нед, спотыкаясь, вывалился в предутренний холодок, обнаружив своего коня оседланным, а рядом короля — уже верхом. На Роберте были толстые коричневые рукавицы, тяжелый меховой плащ с капюшоном закрывал его уши, и выглядел он медведем, взгромоздившимся на лошадь.

— Просыпайся, Старк! — прогремел он. — Приходи в себя. Нужно обсудить государственные дела.

— Как угодно, — отвечал Нед. — Входи, светлейший. — Элин поднял полог шатра.

— Нет, нет и нет, — воскликнул Роберт, каждое слово его курилось дымком. — В лагере полно чужих ушей. К тому же я хочу проехаться, осмотреть твою страну. — Сир Борос и сир Меррин с дюжиной гвардейцев ожидали позади короля. Неду оставалось лишь протереть глаза, одеться и вскочить в седло.

Темп задал Роберт, подгонявший своего огромного черного жеребца так, что Неду едва удавалось не отставать. На ходу он выкрикнул вопрос, но ветер унес в сторону слова, и король его не услышал. Потом Нед ехал в молчании. Они вскоре оставили Королевский тракт и направились в сторону по просторной равнине, над которой плыл темный туман. К этому времени телохранители чуть отстали и, конечно, ничего не расслышали бы, но Роберт по-прежнему гнал вперед. Когда они поднялись на невысокий гребень, рассвело, и король остановился. К этому времени они отъехали на несколько миль к югу от ночной стоянки. Взволнованный, раскрасневшийся Роберт обратился к Неду, остановившему своего коня рядом с ним.

— Боги, — ругнулся он хохоча. — Как хорошо выбраться на волю и проехаться так, как положено ездить мужчине! Клянусь тебе, Нед, можно свихнуться от этой черепашьей езды. А еще проклятая кибитка, я не могу больше терпеть ее стоны и скрипы. Для нее любой пригорок — гора... Обещаю тебе, если у проклятой телеги сломается еще одна ось, я сожгу ее, и пусть Серсея идет пешком!

Нед расхохотался:

— Придется подстелить тебе соломки...

— Добрая душа! — Король хлопнул его по плечу. — Я наполовину решил оставить их позади и поехать вперед.

Улыбка легла на губы Неда.

— Ты действительно этого хочешь?

— А как же! — ответил король. — Что ты на это скажешь, Нед? Ты да я, двое странствующих рыцарей на Королевском тракте, мечи у поясов, лишь богам известно, что нас ожидает! И пусть фермерская дочка или девка из таверны согреет сегодня мою постель!

— Неплохо бы, — качнул головой Нед. — Но теперь у нас есть обязанности, мой господин... перед страной, перед детьми, у меня перед моей благородной женой, а у тебя перед королевой. Мы больше не юноши.

— Ты никогда не был молод, вот что, — буркнул Роберт. — Как жаль. И все же однажды это случилось... как же звали твою простушку? Бекка? Нет, это одна из моих, помню, помню, черные волосы и сладкие большие глаза, в них и утонуть можно. Твою звали... Алина? Нет, ты говорил мне однажды. Или это была Мерил? Да ты же знаешь, кого я имею в

виду, мать твоего бастарда!

— Звали ее Вилла, — отвечал с прохладной любезностью Нед, — и лучше не вспоминать о ней.

— Вилла, да. — Король ухмыльнулся. — Должно быть, редкостная девка, раз сумела заставить лорда Эддарда Старка забыть о собственной чести, пусть даже на час. Ты никогда не рассказывал мне, какова она была...

Рот Неда напрягся в гневе.

— И не скажу. Оставим этот разговор, Роберт, ради той любви, которую ты питаешь ко мне. Я обесчестил себя, обесчестил Кейтилин перед богами и перед людьми.

— Спаси тебя боги, тогда ты едва знал Кейтилин.

— Я уже взял ее в жены. Она носила моего ребенка.

— Как всегда, ты слишком строго относишься к себе, Нед. Ерунда. Ни одна женщина не пожелает заполучить святого Бейелора Благословенного в свою постель. — Он хлопнул ладонью по колену Неда. — Ну, не буду заставлять тебя, раз ты до сих пор испытываешь к ней такие крепкие чувства; временами ты делаешься таким колючим, что тебе, пожалуй, следовало бы сменить в гербе волка на ежа.

Встающее солнце своими лучами, словно пальцами, перебирало белые туманные занавеси. Перед ними расстилалась просторная равнина, бурую и голую гладь тут и там нарушали длинные невысокие насыпи. Нед указал на них королю:

— Курганы Первых Людей.

Роберт нахмурился:

— Неужели мы заехали на кладбище?

— На севере курганы повсюду, светлейший, — сказал Нед. — Это древний край.

— И холодный, — добавил ворчливо Роберт, поплотнее закутываясь в плащ. Телохранители остановили коней в стороне от них, у подножия гребня. — Ну что ж, мы приехали сюда не за тем, чтобы разговаривать о могилах или ссориться из-за твоего бастарда. Ночью приехал гонец от лорда Вариса из Королевской Гавани. Ну-ка взгляни!

Король извлек из-за пояса бумагу и вручил ее Неду. Евнух Варис был главой шептунов короля. Он служил теперь Роберту, как прежде Эйерису Таргариену. Памятуя про Лизу и ее жуткое обвинение, Нед развернул бумажный свиток с тревогой, но послание касалось вовсе не леди Аррен.

— А каков источник этой информации?

— Ты помнишь сира Джораха Мормонта?

— Лучше бы мне забыть его, — покачав головой, бросил Нед.

Мормонты с Медвежьего острова принадлежали к древним родам, гордым и достопочтенным. Но далекие их земли были холодны и бесплодны. Сир Джорах попытался пополнить фамильные сундуки, продав кое-кого из браконьеров тирошскому работорговцу. Мормонты были знаменосцами Старков, и его преступление обесчестило Север. Нед совершил долгое путешествие на запад до Медвежьего острова только для того, чтобы обнаружить там, что Джорах на корабле направился в пределы, недоступные королевскому правосудию. С тех пор минуло пять лет.

— Сир Джорах сейчас находится в Пентосе и стремится заработать королевское прощение, которое позволит ему вернуться из изгнания, — объяснил Роберт. — Лорд Варис умело пользуется им.

— Итак, наш работорговец сделался шпионом, — отвечал Нед с презрением, передавая

письмо назад. — Я бы предпочел, чтобы он превратился в труп.

— Варис утверждает, что шпионы много полезнее трупов, — усмехнулся Роберт. — Оставив в стороне Джораха, скажи, что ты думаешь о его сообщении?

— Дейенерис Таргариен вышла замуж за какого-то предводителя дотракийских табунщиков. Ну и что? Следовало бы послать ей подарок к свадьбе.

Король нахмурился:

— Не нож ли? Острый, и чтобы его вручил ей один из палачей...

Нед не стал изображать удивление. Ненависть Роберта к Таргариенам доводила того до безумия. Нед вспомнил гневные слова, которыми они обменялись, когда Тайвин Ланнистер представил Роберту трупы жены и детей Рейегара в качестве доказательства верности. Нед назвал поступок убийством, Роберт же объяснил все военным временем. Когда Нед заметил, что молодой принц и принцесса едва вышли из младенческого возраста, новоявленный король бросил в ответ:

— Я вижу не детей, а порождение дракона.

Даже Джон Аррен не сумел умиротворить эту бурю. В холодной ярости Эддарт Старк отправился на последнюю битву на юге. Потребовалась еще одна смерть, чтобы они примирились: смерть Лианны и общее горе.

На этот раз Нед решил сдержатъ темперамент.

— Светлейший, девица еще невинный ребенок. И ты не Тайвин Ланнистер, чтобы убивать невинных. — Он вспомнил рассказы о том, что, увидев перед собой мечи, маленькая дочка Рейегара заплакала, когда ее вытащили из-под кровати. Мальчик же еще не вырос из пеленок, но латники лорда Тайвина вырвали его из рук матери и разбили голову о стену.

— И как долго сей экземпляр останется невинным? — Рот Роберта напрягся. — Это дитя скоро расставит пошире ножки и начнет рожать новое драконье племя, чтобы досаждать мне.

— Тем не менее, — проговорил Нед, — детоубийство... это грех... невысказанный...

— Невысказанный? — прогрохотал король. — А что Эйерис сделал с твоим братом Брандоном? А мыслима ли смерть твоего лорда-отца? А Рейегар... Сколько раз, как ты думаешь, он изнасиловал твою сестру? Сколько сотен раз? — Голос короля сделался столь громким, что конь под ним яростно заржал. Король натянул узду, успокоил животное и гневно ткнул пальцем в Неда. — Я убью каждого Таргариена, до которого сумею добраться, чтобы все они умерли, как их драконы, и охотно помочусь на могилу каждого.

Нед понимал, что противоречить королю в таком гневе не стоит. Если уж годы не утихомирили мстительности в душе Роберта, слова помочь не могли.

— Однако, по-моему, до нее тебе не дотянуться, или не так? — негромко проговорил Нед.

Рот короля скривился в горькой гримасе.

— Нет, о проклятые боги! Какой-то изъеденный язвами пентошийский сыроторговец содержал сестру и брата в своем поместье под охраной евнухов в остроконечных шапочках, а теперь передал их дотракийцам. Я бы приказал убить обоих еще много лет назад, когда до них нетрудно было добраться, но Джон, как и ты, не стремился помочь мне. И я по своей глупости послушал его.

— Джон Аррен был умен и хорошо служил тебе.

Роберт фыркнул. Гнев оставил его так же внезапно, как и начался.

— Как утверждают, у этого кхала Дрого в орде сто тысяч человек. И что, по-твоему,

сказал бы на это Джон?

— Наверное, что даже миллионы дотракийцев не опасны для государства, пока они остаются на другой стороне Узкого моря, — невозмутимо проговорил Нед. — У варваров нет кораблей. Они ненавидят открытое море и страшатся его.

Король поежился.

— Но в Вольных Городах корабли найдутся. Говорю тебе, Нед, мне не нравится этот брак. В Семи Королевствах найдется достаточно народу, который считает меня узурпатором. Ты забыл, сколько родов приняло сторону Таргариенов в войне? Сейчас они выжидают, но если получат хотя бы половину шанса, то убьют меня прямо в постели и моих сыновей вместе со мной. Если король-попрошайка пересечет море с дотракийской ордой за спиной, предатели присоединятся к нему.

— Он не сделает этого! — воскликнул Нед. — Ну а если по какому-то несчастному случаю это все-таки случится, мы сбросим его в море. Как только ты назначишь нового Хранителя Востока...

Король простонал:

— В последний раз говорю тебе: я не стану называть Хранителем мальчишку Аррена. Я знаю, что он твой племянник, но когда таргариенка лезет в постель дотракийского кхала, только безумец может возложить одну четверть королевства на плечи больного ребенка.

У Неда был готов ответ:

— Но нам нужен Хранитель Востока. Если не подходит Роберт Аррен, пусть это будет кто-нибудь из твоих братьев. Станнис, например, он хорошо проявил себя при осаде Штормового Предела.

Имя на мгновение повисло в воздухе. Король нахмурился и молча, с неуверенностью огляделся.

— Значит, — негромко добавил Нед, выжидая, — ты уже обещал эту честь другому?

На мгновение Роберту хватило достоинства изобразить удивление. Но столь же быстро взгляд короля сделался тусклым.

— И что, если так?

— Значит, это Джейме Ланнистер?

Роберт послал коня вперед и по гребню направился к кургану. Нед держался возле него. Король ехал, глядя перед собой.

— Да, — сказал он наконец, закончив разговор одним жестким словом.

— Цареубийца, — проговорил Нед. Значит, слухи были верными. Теперь он знал, что въезжает на опасную почву. — Вне сомнения, отважный человек и способный, — сказал он осторожно. — Но его отец — Хранитель Запада. И со временем сир Джейме унаследует эту честь. Ни один человек не вправе владеть сразу Востоком и Западом. — Нед не стал высказывать истинные причины своей озабоченности: такое назначение отдало бы половину войска в руки Ланнистеров.

— Придет время — разберемся, — упрямо сказал король. — В настоящий момент лорд Тайвин кажется вечным, как Бобровый утес, и я сомневаюсь, чтобы Джейме мог вскоре рассчитывать на наследство. Не раздражай меня расспросами, Нед, камень уже установлен.

— Светлейший, могу ли я говорить откровенно?

— Похоже, я не в силах остановить тебя, — буркнул Роберт, направляя коня в заросли высокой бурой травы.

— Ты можешь доверять Джейме Ланнистеру?

— Он близнец моей жены, присягал на верность братству Королевской гвардии, его жизнь, состояние и честь связаны с моими.

— Так же, как они были связаны с Эйерисом Таргариеном, — заметил Нед.

— Почему я должен не доверять ему? Джейме выполнял все мои поручения. Меч его помог мне завоевать этот трон.

Меч его помог поколебать тот престол, на котором ты теперь сидишь, подумал Нед, не позволив себе произнести эти слова.

— Он поклялся отдать за своего короля собственную жизнь. А потом перерубил ему горло мечом.

— Седьмое пекло, кто-то ведь должен был убить Эйериса! — вскричал Роберт, резко останавливая коня возле древнего кургана. — Если бы на это не согласился Джейме, за меч пришлось бы взяться тебе или мне.

— Мы не были братьями Королевской гвардии, — проговорил Нед, разом решив, что настало время, когда Роберт должен узнать всю правду. — Ты помнишь Трезубец, светлейший?

— Возле него я добился короны. Как могу я забыть эту битву?

— Рейегар ранил тебя, — напомнил ему Нед. — Поэтому, когда войско Таргариенов сломалось и побежало, ты поручил мне преследовать его. Остатки армии Рейегара бежали к Королевской Гавани. Мы гнались за ними. Эйерис находился в Красном замке с несколькими тысячами верных ему воинов. Я ожидал найти ворота закрытыми.

Роберт нетерпеливо потрянул головой.

— Но обнаружил, что наши люди уже взяли город. Ну и что из того?

— Это были не наши люди, — терпеливо сказал Нед. — А Ланнистеры. Над башнями полоскался лев Ланнистеров, а не венценосный олень. И они захватили город предательством.

Война бушевала уже почти год. Лорды, великие и малые, собрались под знаменами Роберта, другие же оставались верными Таргариенам. Могущественные Ланнистеры с Бобрового утеса, Хранители Запада, держались в стороне от борьбы, не внимая призывам как восставших, так и сторонников короля. Наконец лорд Тайвин Ланнистер с двенадцатью тысячами войска пришел к воротам Красного замка и объявил о своей верности королю; Таргариен решил, конечно, что это боги ответили на его молитвы. И тогда Безумный король совершил свой последний безумный поступок: он открыл ворота львам, стоявшим у крепости.

— Предательство... эта монета хорошо известна Таргариенам, — проговорил Роберт. Гнев вновь овладел им. — Ланнистеры оплатили Эйерису его же монетой. Иного они не заслуживали, и я не буду из-за них тревожить свой сон.

— Тебя не было там, — проговорил Нед с горечью в голосе. Он знал, что такое тревожные сны. Свой поступок лорд Старк совершил четырнадцать лет назад, и все же память о нем до сих пор преследовала его по ночам. — В этой победе не было чести.

— Пусть Иные поберут твою честь, — выругался Роберт. — Что знали о чести эти Таргариены? Спустись к себе в крипту и спроси Лианну, что она думает о чести дракона!

— Ты отомстил за Лианну возле Трезубца, — ответил Нед, останавливаясь возле короля. — Обещай мне, Нед, прошептала она тогда.

— Мечь не вернула ее. — Роберт отвернулся, разглядывая серые дали. — Проклятые боги подарили мне пустую победу. Корону... а я просил у них девушку. Твою сестру, целую и

сохранную... Я спрашиваю тебя, Нед, что хорошего в этой короне? Боги смеются над молитвами и королей, и пастухов.

— Не знаю, как насчет богов, светлейший... но вот еще что я увидел, когда въехал в тот день в тронный зал, — проговорил Нед. — Эйерис лежал на полу, утонув в собственной крови, черепа драконов глядели вниз со стен. Люди Ланнистеров были повсюду. И Джейме в белом плаще Королевской гвардии поверх золоченой брони. Я до сих пор вижу его. Даже меч сверкал позолотой. Он сидел на Железном троне, высоко над рыцарями, в своем львином шлеме, и надувался от гордости.

— Это известно, — заметил король.

— Я все еще был на коне. И в безмолвии проехал через весь зал между долгими рядами драконьих черепов. Казалось, что они наблюдают за мной. Я остановился перед тронном и поглядел на Джейме. Обагранный кровью короля золотой меч лежал на его коленях. Мои люди наполняли зал позади меня, люди Ланнистера отступали. Я не проронил ни слова, только глядел на него, сидящего на престоле. И ждал. Наконец Джейме расхохотался и встал. А потом снял свой шлем и сказал мне: «Не бойся, Старк. Я просто грел кресло для нашего друга Роберта. Увы, не слишком-то удобное сиденье».

Король откинул назад голову и захохотал. Смех его вспугнул ворон из высокой бурой травы. Отчаянно захлопав крыльями, птицы взмыли в воздух.

— Ты полагаешь, что я должен не доверять Ланнистеру, потому что он провел несколько мгновений на моем троне? — Король вновь зашелся смехом. — Джейме было всего семнадцать, он едва вышел из мальчишеского возраста!

— Мальчишка или мужчина, но права садиться на престол он не имел.

— Быть может, он устал, — предположил Роберт. — Убивать королей — дело тяжелое. Боги знают, что в этом проклятом зале негде передохнуть. И он не солгал: это чудовищно неудобное кресло, причем во многих отношениях. — Король покачал головой. — Теперь я знаю самый черный грех Джейме, значит, обо всем можно забыть. Нед, меня с души воротит от этих тайн, слухов и государственных дел. Это так же скучно, как считать медяки. Проедемся еще, раньше ты любил ездить. Я снова хочу ощутить ветер в своих волосах. — Он послал коня вперед и поскакал по кургану.

Нед не сразу последовал за ним. Слова кончились, и его переполнила печаль и беспомощность. Он опять удивился тому, что делает здесь, зачем оказался в этом месте. Он не Джон Аррен и не способен укротить своенравного короля и научить его мудрости. Роберт будет поступать, как ему заблагорассудится, и все слова или поступки Неда этого не переменят. Сам же он принадлежит Винтерфеллу. Ему следует разделять горе Кейтилин и быть рядом с Браном.

Но мужчина не всегда вправе находиться там, где хочет. С решимостью Эддард Старк сжал сапогами бока коня и направился следом за королем.

Север тянулся бесконечно.

Тирион Ланнистер пользовался картами не хуже любого другого, однако двухнедельный путь по дикой дороге, ответвлению Королевского тракта, заставил его понять, что карты — одно, а земля — совершенно другое.

Они оставили Винтерфелл в тот же самый день, что и король, среди суматохи царственного отъезда, под крики мужчин и фыркание лошадей, под грохот фургонов и стон громадного дома на колесах. Кружился легкий снежок. Королевский тракт проходил вблизи замка и города. Тут знамена, фургоны, колонна рыцарей и свободные всадники повернули к югу, унося с собой весь шум, а Тирион отправился на север с Бендженом Старком и его племянником.

Сразу сделалось холоднее и тише.

К западу от дороги поднимались кремневые холмы, серые и зубастые пики, с высокими сторожевыми башнями на каменистых вершинах. К востоку земля уходила вдаль, насколько мог видеть глаз, становясь гладкой равниной. Каменные мосты пересекали узкие быстрые реки, а небольшие сельские дома тесными кольцами окружали крепости, сложенные из дерева и камня. На дороге еще было много путников, но на ночь путешественники могли устроиться в неприхотливых постоялых дворах.

В трех днях езды от Винтерфелла обработанная земля уступила место лесам, и Королевский тракт опустел. Кремневые холмы выростали с каждой новой милей, обретая все более дикий облик, и скоро превратились в холодные синие горы, зубастые громады, покрытые снегом. Когда с севера задувал ветер, длинные хвосты ледяных кристаллов тянулись от высоких пиков, словно знамена. С запада горы встали стеной, дорога повернула на северо-восток через леса, дубовые и хвойные. Заросли вереска казались Тириону черными и древними. «Волчий лес» — называл этот край Бенджен Старк, и действительно, ночи теперь наполнились воем звериных стай, иногда не столь уж далеких.

Услышав ночной вой, альбинос Джона Сноу наставлял уши, но никогда не отвечал собственным голосом. Тириону виделось в этом животном нечто весьма тревожное.

Не считая волка, их отряд теперь состоял из восьми человек. Тирион путешествовал с двумя слугами, как подобало Ланнистеру. Бенджен Старк ехал в сопровождении своего незаконнорожденного племянника. Он прихватил несколько свежих коней для Ночного Дозора. Но прежде чем углубиться в чащобы Волчьего леса, они заночевали за деревянными стенами лесного острога, где к ним присоединился еще один из Черных Братьев, некто Йорен, человек сутулый и мрачный. Лицо его пряталось за бородой, не менее черной, чем его одеяние, но Йорен казался крепким, как старый корень, и твердым как камень. Его сопровождала пара оборванных крестьянских мальчишек из Перстов.

— Насильники, — коротко бросил Йорен, холодно поглядев на своих подопечных.

Тирион понял. Суровая жизнь на Стене тем не менее была предпочтительнее кастрации. Пятеро мужчин, трое мальчиков, лютоволк, двадцать лошадей, клетка с воронами, которую вручил Бенджену Старку мейстер Лювин. Любопытная компания для Королевского тракта, да и вообще для любой дороги.

Тирион заметил, что Джон Сноу наблюдает за Йореном и его мрачными компаньонами со странным выражением на лице, похожим на разочарование. Плечо Йорена было согнуто,

от него пахло кислятиной, жирные волосы и борода спутались и кишели блохами, старая и залатанная одежда его явно редко стиралась. От обоих молодых рекрутов пахло еще хуже, они казались глупыми и жестокими.

Вне сомнения, мальчик ошибочно полагал, что Ночной Дозор собран из людей, подобных его собственному дяде. Если так, Йорен и его спутники весьма грубо вернули Джона к действительности. Тириону было жаль мальчика. Он выбрал трудную жизнь... или — точнее говоря — для него выбрали трудную жизнь.

К дяде мальчика Тирион испытывал гораздо меньшую симпатию. Бенджен Старк, казалось, разделял презрение брата к Ланнистерам, и не обрадовался, когда Тирион сообщил ему о своем намерении.

— Предупреждаю вас, Ланнистер, возле Стены вы не найдете гостиниц, — строго поглядел на него Старк.

— Вне сомнения, вы отыщете мне какое-нибудь место, — мрачно усмехнулся Тирион. — Как вы могли заметить, я невысок и удовольствуюсь малым.

Брату королевы нельзя было отказать, это и уладило дело, но Старк явно не обнаруживал радости.

— Вам не понравится дорога, гарантирую это, — проговорил коротко Бенджен и с тех пор делал все возможное, чтобы подтвердить свое обещание. К концу первой недели Тирион сбил ноги седлом, промерз до костей, но не жаловался. Черт побери, он не даст Бенджену Старку ни малейшего повода для удовлетворения! Маленький реванш ему предоставил плащ для верховой езды — потрепанная и пахнувшая мускусом медвежья шкура. Старк предложил ее с любезностью Ночного Дозорного и, вне сомнения, рассчитывал на изящный отказ. Но Тирион принял предложенное с улыбкой. Выехав из Винтерфелла, он прихватил с собой теплую одежду, но скоро обнаружил, что ее недостаточно. На севере было по-настоящему холодно, и с каждым днем становилось все холоднее. Начались ночные морозы, а порывы ветра, словно нож, прорезали самую теплую шерсть. Через несколько дней Старк, несомненно, сожалел о своем рыцарском жесте. Но и он получил свой урок. Ланнистеры никогда не отказываются. Ланнистеры берут все, что им предлагают.

Чем дальше они продвигались на север, погружаясь во мрак Волчьего леса, тем реже и реже попадались фермы и остроги; наконец ни одна кровля не могла более предоставить ночлега путникам, и им пришлось обратиться к собственным ресурсам.

От Тириона не было никакой пользы при устройстве на ночлег или стоянку. Маленький и кривоногий, он только путался под ногами. Посему, пока Старк, Йорен и другие мужчины делали грубое укрытие, ухаживали за конями и разжигали огонь, он обычно брал плащ, небольшой мех с вином и уходил почитать.

На восемнадцатую ночь путешествия вино оказалось редкостным и сладким янтарным напитком с Летних островов, который он привез с собой на север с Бобрового утеса, книга же увлекательно повествовала об истории и драконах. С разрешения лорда Эддарда Старка Тирион прихватил с собой в путь несколько редкостных томов из библиотеки Винтерфелла.

Он обнаружил уютное место как раз за пределами лагерной суеты, возле торопливого ручья с водой чистой и холодной, как лед. Корявый старый дуб предоставил ему укрытие от кусачего ветра. Тирион завернулся в меха, припал спиной к стволу, глотнул вина и принялся читать о достоинствах драконьей кости. Драконья кость черна, потому что в ней много железа, повествовала книга. Она прочна как сталь, но легче и гибче и, конечно, совершенно неподвластна огню. Луки из драконьей кости весьма ценятся дотракийцами; этому нечего

удивляться: стрела, посланная из такого оружия, летит дальше, чем пущенная из деревянного.

К драконам Тирион относился с трепетным интересом. Впервые явившись в Королевскую Гавань на свадьбу своей сестры с Робертом Баратеоном, он решил отыскать драконьи черепа, которые прежде висели на стенах тронного зала Таргариенов. Король Роберт заменил их знаменами и гобеленами, но Тирион настоял на своем и наконец отыскал черепа в мрачном погребке, куда их сложили.

Он надеялся обнаружить нечто отвратительное и жуткое и не думал, что кости окажутся прекрасными. Черная, словно оникс, полированная кость загадочно искривилась в свете огня. Драконы любили пламя, понял Тирион. Сунув факел в пасть одного из самых больших черепов, он заставил тени плясать на стене перед ним. Длинные зубы, они казались кривыми ножами из черного алмаза. Пламя его факела не могло повредить им: они помнили и большой жар. Ну а отойдя в сторону, Тирион решил — и мог бы присягнуть в этом, — что пустые глазницы твари следят за ним.

Черепов насчитывалось девятнадцать. Самому старшему было более трех тысяч лет; самому молодому — лишь полтора века. Эти были и самыми маленькими. Вот пара не больше черепов мастифа, странные уродливые останки двух последних драконов, вылупившихся на Драконьем Камне. Они были последними — и у Таргариенов, и, быть может, вообще — и прожили недолго.

Чем старше были драконы, тем крупнее становились их кости; замыкали череду черепа трех великих чудовищ, прославленных в сказаниях и песнях. Этих драконов Эйгон Таргариен и его сестра в старину выпустили на Семь Королевств. Певцы дали им имена богов: Балерион, Мираксес, Вхагар. Тирион стоял в их разверстых пастьях, не в силах сказать ни слова. В плотку Вхагара можно было въехать верхом на коне. Впрочем, рискнувший сделать это при жизни дракона никогда бы не выехал наружу. Мираксес был еще больше. Но самый великий из всех, Балерион Черный Ужас, мог проглотить целого зубра, а может быть, и волосатого мамонта, которые все еще бродили по холодным пустошам за Порт-Иббенем.

Тирион долго простоял в этом мрачном погребке, разглядывая огромный пустой череп Балериона, и, пока не догорел его факел, пытался понять величину живого зверя, представить себе, каким казался огнедышащий змей в небе на распростертых крыльях.

Его собственный далекий предок, король Лорен с Бобрового утеса, попытался выстоять против огня и объединился с королем Мерном, владыкой Раздолья, чтобы противостоять таргариенскому завоеванию. Это случилось почти три века назад, когда Семь Королевств действительно были королевствами, а не провинциями большой страны. Эти два короля могли поднять шесть сотен знамен, выставить пять тысяч конных воинов и в девять раз больше свободных всадников и вооруженных людей. У Эйгона Драконовластного было не более пятой части от этого числа, как утверждают хроники. Да и то большую часть их набрали из воинов убитого короля, в верности которых можно было сомневаться.

Воины сошлись на широких просторах Раздолья, посреди золотых полей пшеницы, созревшей для жатвы. Два короля повели свое войско вперед, и армия Таргариена дрогнула, рассыпалась и побежала. На несколько мгновений, писали хроникеры, завоевание закончилось... но только на несколько мгновений, потому что Эйгон Таргариен и его сестры вступили в сражение.

Один только раз Вхагара, Мираксеса и Балериона выпустили одновременно, и певцы назвали поле битвы Пламенным Полем.

Почти четыре тысячи человек сгорели в тот день, среди них оказался Мерн, король Раздолья. Король Лорен спасся и прожил достаточно долго, чтобы сдаться, присягнуть на верность Таргариену и породить сына, за что Тирион был ему должным образом благодарен.

— Почему ты так много читаешь?

Тирион поднял голову на звук голоса. В нескольких футах от Ланнистера стоял Джон Сноу, разглядывавший его с любопытством. Карлик заложил книгу пальцем и проговорил:

— Погляди на меня и скажи, что ты видишь?

Мальчик подозрительно поглядел на него.

— Ты шутишь. Я вижу только тебя, Тирион Ланнистер.

Тирион вздохнул.

— Для бастарда ты чрезвычайно вежлив, Джон Сноу. Ты видишь перед собой карлика. Сколько тебе лет, двенадцать?

— Четырнадцать, — отвечал мальчик.

— Четырнадцать, и ты выше, чем суждено мне когда-либо стать. Ноги мои кривы и короткие, я хожу с трудом. Мне нужно особое седло, чтобы не упасть с коня. Его придумал я сам, если тебе интересно знать. Иначе мне пришлось бы ездить на пони. Руки у меня крепкие, но слишком короткие. Из меня никогда не получится фехтовальщик. Если бы я родился в семье крестьянина, то меня оставили бы умирать или продали как уродца какому-нибудь работоторговцу. Но увы, я был рожден Ланнистером с Бобрового утеса, и во всех тамошних ярмарочных балаганах не хватит денег на такого карлу. От меня многого ожидали. Мой отец двадцать лет был десницей короля. Потом мой брат убил этого самого короля... так вышло, но жизнь полна маленьких сюрпризов. Моя сестра вышла замуж за нового короля, и мой отвратительный племянник со временем станет его наследником. Поэтому я должен делать все возможное ради чести моего дома, разве ты не согласен? Но как? Ноги мои слишком малы для тела, а голова чересчур велика, но я бы сказал, что, на мой взгляд, она как раз впору для моего ума. Я спокойно принимаю собственные силы и слабости. Ум — вот мое оружие. У брата Джейме есть меч, у короля Роберта боевой молот, а у меня разум. А он нуждается в книгах, как меч в точильном камне, чтобы не затупиться. — Тирион постучал по кожаной обложке книги. — Вот поэтому я читаю так много, Джон Сноу.

Мальчик выслушал его в молчании. Лицом, если не именем, он был похож на Старка. Длинным, печальным, настороженным лицом, которое ничего не выдавало. Кем бы ни была его мать, она не оставила на сыне заметного отпечатка своей личности.

— О чем ты читаешь? — спросил Джон.

— О драконах, — улыбнулся ему Тирион.

— А какой в этом прок? Драконов больше не существует, — проговорил мальчик с бесшабашной уверенностью юности.

— Да, так говорят, — отвечал Тирион. — Грустно, не правда ли? Когда мне было столько, сколько сейчас тебе, я мечтал о том, чтобы у меня был собственный дракон.

— Да ну? — с сомнением в голосе спросил мальчик, должно быть, подумав, что Тирион смеется над ним.

— Знаешь, ведь и уродливый горбатый коротышка может увидеть мир, если сядет на спину дракона. — Тирион откинул в сторону медвежью шкуру и поднялся на ноги. — Я начал разводить огонь в недрах Бобрового утеса и часами смотрел на пламя, воображая, что это драконий огонь. Иногда мне представлялось, что в нем горит мой отец. Иногда — моя сестра...

Джон снова поглядел на него, взгляд его выражал в равной мере ужас и восхищение.

Тирион фыркнул:

— Не надо смотреть на меня такими глазами, бастард. Я знаю твой секрет. Тебе снятся такие же сны.

— Нет! — вскрикнул в ужасе Джон Сноу. — Я бы не...

— Как? Никогда? — Тирион приподнял бровь. — Ну что ж, тогда, вне сомнения, Старки были жутко добры к тебе. И леди Старк обращалась с тобой, словно с родным сыном. Ну а братец Робб всегда был ласков, а почему бы и нет? Он ведь получает Винтерфелл, а ты — Стену. Твой отец... должно быть, у него были веские причины отправить тебя в Ночной Дозор.

— Прекрати, — скривил губы Джон Сноу, потемнев от гнева. — Служить в Ночном Дозоре — благородное дело!

Тирион расхохотался:

— Ты слишком умен, чтобы верить в это. Ночной Дозор служит свалкой для всех неудачников нашего края. Я видел, как ты смотришь на Йорена и его мальчишек. Они твои новые братья, Джон Сноу. Или они тебе не нравятся? Унылые мрачные крестьяне, должники, браконьеры, насильники, воры и бастарды, подобные тебе самому, все они уходят на Стену ловить грамкинов, снарков и прочих чудищ, о которых рассказывают няньки. Хорошо еще, что ни грамкинов, ни снарков не существует, и поэтому дело едва ли можно назвать опасным. Хуже то, что здесь нетрудно напрочь отморозить яйца, но поскольку тебе запрещено размножаться, это едва ли имеет значение.

— Прекрати! — завопил мальчик. Он шагнул вперед, сжимая кулаки, едва ли не со слезами.

Неожиданно Тирион почувствовал себя виноватым. Он шагнул вперед, намереваясь приободрить мальчика, похлопав его по плечу, и пробормотать какие-нибудь извинения.

Он так и не заметил волка, откуда тот появился и как напал на него. Только что он шел в сторону Сноу и уже в следующий момент лежал на спине, на жесткой каменной земле, а книга взлетела в воздух, вырвавшись из его рук. Дыхание оставило Тириона, рот наполнился грязью, кровью и гнилой листвой. Тирион раздраженно скрипнул зубами, ухватился за корень и с трудом сел.

— Помоги, — сказал он мальчику, протягивая руку.

И вдруг волк оказался между ними. Зверь не рычал. Проклятая тварь никогда не выпускала ни звука. Он только глядел на Ланнистера своими ярко-красными глазами и скалил зубы, но и этого было довольно. Тирион со стоном осел на землю.

— Не надо помогать мне, ладно. Я посижу, пока ты не уйдешь.

Джон Сноу погладил густой мех Призрака и улыбнулся:

— А теперь попроси меня вежливо.

Тирион Ланнистер ощущал, как собирается внутри его гнев, и подавил его усилием воли. Не первое унижение в его жизни и, бесспорно, не последнее. Быть может, он даже и заслужил его.

— Я буду очень благодарен тебе за любезную помощь, Джон, — кротко произнес Тирион.

— Сидеть, Призрак, — сказал мальчик. Лютоволк уселся на задние лапы, но красные глаза так и не отрывались от Тириона. Джон зашел сзади карлика, взял его за плечи и легко поставил на ноги, а потом поднял книгу и подал ее.

— Почему он набросился на меня? — спросил Тирион, искоса глянув на волка. Тыльной стороной руки он стер со рта кровь и грязь.

— Наверное, принял за грамкина.

Тирион посмотрел на него, и короткий смешок вырвался у него против воли.

— О боги, — проговорил он, заливаясь смехом и покачивая головой. — Действительно, я похож на грамкина. Ну а что он делает со сарками?

— Этого тебе уж точно не следует знать. — Джон подобрал бурдючок и передал его Тириону.

Тирион извлек пробку, склонил голову, плеснул в рот струйку вина. Холодный огонь пробежал по горлу и согрел живот. Он подал мех Джону Сноу.

— Хочешь попробовать?

Мальчик взял мех и осторожно глотнул.

— Настоящее вино? — спросил он. — А это верно? То, что ты говорил относительно Ночного Дозора?

Тирион кивнул.

Джон Сноу мрачно стиснул губы.

— Ну и что, если так, значит, так и будет.

Тирион качнул головой:

— Молодец, бастард. Люди чаще предпочитают отрицать жестокую истину, чем становиться к ней лицом.

— Большая часть людей, — проговорил мальчик. — Но не ты.

— Да, — согласился Тирион, — только не я. Теперь мне больше не снятся драконы, поскольку их не существует. — Он подобрал медвежью шкуру. — Пойдем, надо бы вернуться в лагерь, прежде чем твой дядя начнет созывать знамена.

Путь был недолог, неровная почва утомила его ноги. Джон Сноу подал ему руку, чтобы помочь перебраться через густо сплетенные корни, но Тирион отмахнулся. Он должен идти сам, как всю свою жизнь. И все же в лагере было приятно. Возле обветшавшей стены давно заброшенной крепости установили укрытие, устроили заслон против ветра. Лошадей покормили, разожгли костер. Йорен сидел на камне и обдирал белку. Аромат отвара наполнил ноздри Тириона. Он направился к своему слуге Морреку, приглядывающему за котлом. Тот без слов передал ему ложку. Тирион попробовал и вернул ее назад.

— Больше перца, — сказал он.

Бенджен Старк выглянул из укрытия, которое делил со своим племянником.

— Так вот ты где, Джон! Проклятие, не повторяй этого впредь. Я думал, что Иные схватили тебя.

— Это были грамкины, — со смехом ответил Тирион. Джон снова улыбнулся. Старк бросил вопросительный взгляд на Йорена. Старик что-то буркнул, пожал плечами и вернулся к своему кровавому делу.

Белка добавила питательности отвару, и, сидя в тот вечер вокруг костра, они съели ее с черным хлебом и твердым сыром. Тирион пустил по рукам свой мех с вином, наконец даже Йорен размяк. По одному путешественники отправлялись в укрытие спать, все, кроме Джона Сноу, которому выпала первая ночная стража.

Последним, как всегда, улегся Тирион. Забравшись в укрытие, которое соорудили для него его люди, он помедлил и поглядел на Джона Сноу. Мальчик стоял возле костра, спокойное и жесткое лицо его было обращено к пламени.

С печальной улыбкой Тирион Ланнистер отвернулся к стене.

Нед и девочки отсутствовали уже восемь дней, когда мейстер Лювин однажды ночью явился в комнату Брана с лампой для чтения и книгой отчетов.

— Мы давно уже не проверяли цифры, миледи, — сказал он. — Вы, конечно, хотите знать, во что обошелся нам визит короля.

Кейтилин поглядела на Брана, на его ложе и смахнула волосы с его лба. Она заметила, что они выросли, хорошо было бы подстричь.

— Нет необходимости изучать цифры, мейстер Лювин, — сказала она, не отрывая глаз от Брана. — Я знаю, чего нам стоил визит. Уберите отчетные книги.

— Миледи, войско короля не стесняло себя в еде. Нам нужно пополнить запасы, прежде...

Она прервала его:

— Я сказала — уберите книги. Пусть стюард займется нашими нуждами.

— У нас больше нет стюарда, — напомнил ей мейстер Лювин.

«Прямо серая крыса, — подумала она, — не хочет уходить».

— Пуль отправился на юг, чтобы устроить хозяйство лорда Эддарда в Королевской Гавани.

Кейтилин рассеянно кивнула:

— О да, помню. — Бран казался таким бледным. Она подумала, не переставить ли кровать под окно, чтобы утреннее солнце падало на него.

Мейстер Лювин оставил лампу в нише у двери и принялся возиться с фитилем.

— Есть несколько вопросов, которые нуждаются в вашем непосредственном внимании, миледи. Помимо стюарда, нам требуется капитан гвардии на место Джори, новый конюший...

Расеянный взгляд ее глаз обратился к нему.

— Какой еще конюший? — Голос казался ударом кнута.

Мейстер был потрясен.

— Да, миледи. Халлен уехал на юг с лордом Эддардом, поэтому...

— Лювин, мой сын покалечен и умирает, а вы говорите о новом конюшем. Неужели вы думаете, что меня интересуют, что будет с конюшней? Неужели вы думаете, что это вообще беспокоит меня? Я охотно зарежу каждую лошадь в Винтерфелле своими руками, если после этого Бран откроет глаза, вы понимаете это? Понимаете?

Он склонил голову.

— Да, миледи, но распоряжения...

— Я отдам нужные распоряжения, — сказал Робб.

Кейтилин не слышала, как он вошел, но сын стоял в дверях и глядел на нее. Она кричала, поняла Кейтилин с внезапным стыдом. Что творится с ней? Она так устала, и сердце все время болит.

Мейстер Лювин перевел взгляд от Кейтилин на ее сына.

— Я приготовил список тех, кто может заместить вакантные должности, — сказал он, предлагая Роббу бумагу, извлеченную из рукава.

Сын быстро просмотрел имена.

Он пришел снаружи, заметила Кейтилин, щеки его зарозовели от холода, волосы

вздохматил ветер.

— Хорошие люди, — проговорил Робб. — Обсудим это завтра, — и вернул список мейстеру.

— Слушаюсь, милорд. — Бумага исчезла в рукаве.

— А теперь оставь нас, — попросил Робб. Мейстер Лювин поклонился и вышел. Робб закрыл за собой дверь и повернулся к матери. Она заметила, что он был с мечом. — Мать, что ты делаешь?

Кейтилин всегда думала, что Робб похож на нее и, как Бран, Рикон и Санса, пошел в породу Талли. Осенние волосы, синие глаза. Но теперь впервые она увидела в его лице нечто, унаследованное от Эддарда Старка, суровое и жесткое, словно сам север.

— Что я делаю? — отозвалась она удивленным голосом. — Как ты можешь спрашивать такое? Что, по-твоему, я могу здесь делать? Я забочусь о твоём брате. Я присматриваю за Браном.

— Значит, ты так называешь свое занятие? Ты не оставляла эту комнату с того мгновения, как Бран упал. Ты даже не вышла попрощаться к воротам, когда отец и девочки уезжали на юг.

— Я распрощалась с ними здесь. Из этого окна смотрела, как они уезжали. — Она молила Неда остаться и не уезжать сразу после того, как все произошло. Все переменялось, неужели он не понимает этого? Но уговоры остались безрезультатными. У него нет выбора, сказал Нед уезжая. — Но я не могу оставить сына даже на минуту, когда любое мгновение может оказаться последним в его жизни. Я должна быть с ним, если... если... — Она взяла вялую руку сына, переплела его пальцы своими собственными. Он стал таким хрупким и тонким, в руке не осталось силы, но она все еще могла ощущать под кожей живую теплоту.

Голос Робба смягчился:

— Бран не умрет, мать. Мейстер Лювин говорит, что самая большая опасность уже миновала.

— А что, если мейстер Лювин ошибается? Что, если я понадобится Брану и меня не окажется рядом?

— Рикон тоже нуждается в тебе, — сурово проговорил Робб. — Ему только три года, и он не понимает, что происходит. Он думает, что все бросили его, и поэтому ходит за мной и цепляется за ноги. Я не знаю, что с ним делать. — Робб прикусил нижнюю губу, как делал, когда был маленьким. — Мать, и я тоже нуждаюсь в тебе. Я пытаюсь, но не могу... не могу сделать всего самостоятельно. — Голос его дрогнул от нахлынувших чувств, и Кейтилин вспомнила, что сыну только четырнадцать. Она хотела бы встать, подойти к Роббу, но Бран держал ее, и она не смела пошевелиться. Снаружи, у подножия башни, взвыл волк. И Кейтилин поежилась от этого звука.

— Это волк Брана. — Робб открыл окно и впустил ночной воздух в духоту комнаты. Вой сделался громче. Одиноким, полный отчаяния и скорби.

— Не надо, — сказала Кейтилин. — Брану нужно тепло.

— Ему нужна их песня, — сказал Робб. Где-то в Винтерфелле, вторя первому, завыл другой волк. Затем к ним присоединился третий голос, поближе. — Лохматый Песик и Серый Ветер, — проговорил Робб, слушая вздымающиеся и опадающие голоса. — Их можно различить, если хорошенько прислушаться.

Кейтилин дрожала от горя, от холода, от воя лютоволков. Ночь за ночью холодный ветер продувал огромный опустевший замок, и ничего не менялось; здесь лежал ее изувеченный

мальчик, самый милый из ее детей, самый мягкий... Бран, любивший смеяться, лазать, мечтавший о рыцарстве. Все теперь пропало, она никогда не услышит его смеха. С рыданиями она высвободила свою руку и прикрыла уши, чтобы не слышать этого жуткого воя.

— Пусть они умолкнут, — всхлипнула она. — Я не могу терпеть этого, пусть они умолкнут, угомони их, убей их всех, если иначе нельзя, но пусть они умолкнут.

Она не помнила, как упала на пол, но, очнувшись, ощутила, как Робб поднимает ее своими сильными руками.

— Не бойся, мать. Они не причинят Брану вреда. — Он подвел ее к узкой постели в уголке комнаты и сказал: — Закрой глаза, отдохни. Мейстер Лювин говорил, что ты почти не спала после падения Брана.

— Я не могу заснуть, — пробормотала Кейтилин сквозь слезы. — Пусть простят меня боги, Робб, я не могу заснуть. Что будет, если он умрет, когда я засну, что будет, если он умрет, что будет, если он умрет... — Волки все еще выли. Вскрикнув, она вновь прикрыла уши. — О боги, закрой же окно!

— Если ты обещаешь мне выспаться. — Робб подошел к окну, но, отодвинув портьеру, услышал, что к скорбному вою лютоволков добавился еще один звук. — Собаки, — сказал он прислушиваясь. — Лают все собаки. Они никогда не делали этого прежде.

Кейтилин почувствовала, как дыхание застыло в ее горле. Поглядев вверх, увидела лицо, побледневшее разом в свете лампы.

— Пожар, — прошептал Робб.

— Пожар, — повторила она и сразу подумала о Бране. — Помоги мне, — сказала Кейтилин дрогнувшим голосом. — Помоги мне с Браном.

Робб как будто не слышал ее.

— Горит Библиотечная башня, — сказал он. Кейтилин заметила, как пляшет красный огонь за открытыми окнами. Она осела назад с облегчением: Брану ничто не грозило. Библиотека была на другой стороне двора, и огонь никак не мог перекинуться сюда.

— Слава богам, — прошептала Кейтилин.

Робб поглядел на нее, как на безумную.

— Мать, оставайся здесь, я вернусь, как только огонь погасят.

Он выбежал. Кейтилин сразу услышала голос сына за дверь, приказывающий стражам, караулившим комнату снаружи; потом все они вместе бросились вниз по лестнице, перепрыгивая разом через две или три ступеньки. Во дворе послышались крики «Огонь!», вопли, звук бегущих ног, ржание испуганных лошадей и отчаянный лай собак. Потом лютоволки умолкли, но она поняла, что все равно слушает эту какофонию.

Кейтилин мысленно произнесла благодарственную молитву семи ликам бога и подошла к сыну. За двором, из окон библиотеки, выбросило длинные языки пламени. Она поглядела на дым, поднимающийся в небо, и со скорбью подумала о книгах, которые Старки собирали не один век. А потом закрыла ставни.

Когда Кейтилин отвернулась от окна, рядом с ней в комнате оказался мужчина.

— Ты не должна была сейчас находиться в комнате, — проговорил он кислым голосом, — никого здесь не должно быть. — Невысокий грязный мужчина, в бурой одежде, пахнувшей лошадьми. Кейтилин знала всех, кто работал на конюшне, но он был не из них. Худощавый блондин с длинными волосами и бледными глазами, утонувшими в костлявом лице. В кулаке его был кинжал.

Кейтилин посмотрела на нож, потом на Брана.

— Нет, — сказала она. Слово застряло в ее горле свистящим шепотом.

Должно быть, он все-таки услышал ее и пробормотал:

— Это милосердие; он уже мертв.

— Нет, — сказала Кейтилин теперь громче, голос вновь вернулся к ней. — Нет, ты не сделаешь этого!

Она бросилась к сыну, хотела позвать на помощь, но человек умел двигаться быстрее, чем она могла предполагать. Одна рука зажала ей горло и откинула назад голову, другая поднесла кинжал к ее шее. Воняло от него жутко.

Кейтилин подняла вверх обе руки и со всей силой надавила на лезвие, отводя его от своего горла. Она слышала, как убийца сопит возле ее уха. Пальцы сделались скользкими от крови, но она не могла выпустить кинжал. Рука плотнее зажимала рот Кейтилин, лишая воздуха. Она дернула головой в сторону и умудрилась впиться в ладонь зубами. Убийца охнул от боли. Она свела зубы вместе и рванула. Тогда он вдруг выпустил ее. Вкус чужой крови наполнил ее рот. Она вдохнула воздух и закричала. Тут он схватил ее за волосы и отбросил, она споткнулась и упала. И вот он уже стоял над ней, тяжело дыша и трясясь. Правая рука его, покрытая кровью, сжимала кинжал.

— Ты не должна была оказаться здесь, — тупо проговорил он.

Кейтилин заметила, как через открытую дверь позади него скользнула тень. Послышалось негромкое ворчание, совсем не грозное, даже непохожее на рычание. Он, должно быть, услышал, потому что начал поворачиваться, и тут волк прыгнул. Они упали вместе возле Кейтилин, не успевшей еще подняться. Волк впился прямо в горло мужчине. Крик его не прозвучал и секунды, зверь дернул головой и разодрал глотку.

Кровь хлынула на лицо Кейтилин теплым дождем.

Волк глядел на нее, челюсти его были обагрены, глаза светились золотом в темной комнате. Волк Брана, поняла Кейтилин. Как же иначе?

— Спасибо тебе, — прошептала она трепещущим голосом и подняла дрожащую руку. Волк подошел ближе, обнюхал пальцы, лизнул кровь мокрым и грубым языком. Облизав всю ее руку, он безмолвно повернулся назад, вскочил на постель Брана и лег рядом с ним. Кейтилин истерически захохотала.

Так и обнаружили их, когда Робб, мейстер Лювин и сир Родрик ворвались внутрь с половиной стражи Винтерфелла. Когда смех наконец оставил ее, Кейтилин завернули в теплое одеяло и отвели в ее собственные палаты. Старая Нэн раздела ее, уложила в обжигающе горячую ванну, смыла кровь мягкой тканью.

Потом пришел мейстер Лювин, чтобы перевязать ее раны. Глубокие порезы на пальцах дошли почти до самой кости, а с головы был выдран клочок волос. Мейстер сказал, что боль только начинается, и дал ей макового молока, чтобы помочь уснуть. Наконец она закрыла глаза, а когда открыла их снова, ей сказали, что она проспала четыре дня. Кейтилин кивнула и села в постели. Все теперь казалось ей кошмаром, все, начиная с падения Брана, с ужасного сна, полного крови и горя, но боль в руках напоминала, что случившееся было реально. Голова ее кружилась, она ощущала слабость и странную решительность. словно бы огромная тяжесть спала с ее плеч.

— Принесите мне немного хлеба и меда, — приказала она слугам. — И скажите мейстеру Лювину, что мои повязки надо переменить. — Они поглядели на нее с удивлением и бросились исполнять приказания. Кейтилин вспомнила, как вела себя до того, и

устыдилась. Она бросила всех: детей, мужа, свой дом. Хватит! Она должна показать этим северянам, какими сильными бывают Талли из Риверрана.

Робб явился раньше, чем ей принесли еду. С ним вошли Родрик Кассель, воспитанник мужа Теон Грейджой, а завершал процессию Халлис Моллен, мускулистый стражник с квадратной каштановой бородой. Он назначен капитаном гвардии, сказал Робб. Сын был облачен в проваренную кожу и кольчугу, у пояса его висел меч.

— Кто это был? — спросила Кейтилин.

— Никто не знает его имени, — покачал головой Халлис Моллен. — Он родом не из Винтерфелла, миледи, но некоторые утверждают, что видели его здесь, около замка, в последние несколько дней.

— Значит, он из людей короля, — сказала она. — Или из Ланнистеров. Он мог остаться, когда остальные уехали.

— Возможно, — сказал Халлис. — При такой толпе, наполнявшей в эти дни Винтерфелл, трудно сказать, откуда он взялся.

— Он прятался в конюшне, — доложил Грейджой. — Это нетрудно было понять по запаху.

— И как он мог войти туда незамеченным? — спросила Кейтилин резким тоном.

Халлис Моллен казался пристыженным.

— Когда лорд Эддард увел часть коней на юг, а других мы отослали на север, в Ночной Дозор, стойла остались пустыми. Не так уж трудно спрятаться от конюшенных мальчишек. Возможно, его видел Ходор; поговаривали, что он ведет себя странно при всей его простоте. — Хал потряс головой.

— Мы обнаружили, где он спал, — вставил Роберт. — Под соломой нашлась кожаная мошна с девяноста семью оленями.

— Приятно знать, что жизнь моего сына оценили достаточно дорого, — с горечью проговорила Кейтилин.

Халлис Моллен в смятении поглядел на нее.

— Прошу прощения, миледи, вы говорите, что он намеревался убить вашего мальчика?

Грейджой посмотрел на нее с сомнением.

— Это безумие.

— Он явился за Браном, — ответила Кейтилин. — Он все бормотал, что я не должна была оказаться в опочивальне. Он поджег библиотеку, думая, что я брошусь туда спасать книги и возьму с собой стражу. Замысел сработал бы, если бы я наполовину не обезумела от горя.

— Но зачем кому-то убивать Брана? — сказал Робб. — Боги, он всего лишь маленький мальчик, беспомощный и находящийся в забвении.

Кейтилин глянула на своего первенца вызывающе.

— Если ты собираешься править на Севере, значит, нужно уметь видеть смысл происходящего. Сам ответ на собственный вопрос. Зачем кому-то может понадобиться смерть спящего ребенка?

Прежде чем Робб успел ответить, вошли слуги с блюдом еды, присланной из кухни. Ее оказалось куда больше, чем просила Кейтилин: горячий хлеб, масло, мед, черная смородина с сахаром, кусок бекона, сваренное всмятку яйцо, ломоть сыра и кувшинчик мятного чая.

— Как там мой сын, мейстер? — Кейтилин поглядела на яства и обнаружила, что не ощущает аппетита.

Мейстер Лювин потупил глаза.

— Без перемен, миледи. — Именно этого ответа она и ожидала — не более и не менее. Руки Кейтилин пульсировали от боли, нож словно бы еще резал их. Она отослала слуг и поглядела на Робба.

— Ну, как насчет ответа?

— Кто-то боится, что Бран очнется, — предположил Робб. — Боится того, что он может сказать или сделать. Боится чего-то, что известно Брану.

Кейтилин ощутила гордость за сына.

— Очень хорошо. — Она повернулась к новому капитану гвардии. — Надо беречь Брана. Там, где побывал один убийца, может найтись и другой.

— Сколько стражи выделить ему? — спросил Хал.

— Пока лорд Эддард отсутствует, в Винтерфелле распоряжается мой сын, — ответила она.

Робб чуточку распрямылся.

— Пусть один человек дежурит возле больного днем и ночью, один около двери и двое у подножия лестницы. Никто не должен входить к Брану без разрешения моей матери.

— Как вам угодно, милорд.

— Исполняйте немедленно, — приказала Кейтилин.

— И пусть его волк отстаеся у него в комнате, — добавил Робб.

— Да, — сказала Кейтилин. И повторила еще раз: — Да.

Халлис Моллен поклонился и оставил покои.

— Леди Старк, — спросил сир Родрик, когда стражник ушел. — А вы, случайно, не заметили кинжал, которым воспользовался убийца?

— Обстоятельства не позволили мне разглядеть его, но за остроту поручусь, — проговорила Кейтилин с сухой улыбкой. — А почему вы спрашиваете?

— Мы обнаружили кинжал в его руке. Мне показалось, что кинжал этот слишком хорош для такого типа, поэтому я внимательно разглядел его. Клинок из валирийской стали, рукоять из кости дракона. Такой кинжал не мог оказаться в его руках просто так. Кто-то дал ему это оружие.

Кейтилин задумчиво кивнула:

— Робб, закрой дверь.

Сын с удивлением поглядел на нее, но выполнил распоряжение.

— То, что я скажу сейчас, не должно выйти за пределы комнаты, — сказала она. — Я хочу, чтобы вы дали мне клятву. Если справедлива даже часть моих подозрений, Нед и девочки едут навстречу смертельной опасности, и слово, попавшее в чужие уши, может стоить им жизни.

— Лорд Эддард для меня второй отец, — проговорил Теон Грейджой. — Клянусь.

— И я приношу клятву, — проговорил мейстер Лювин.

— Я тоже, — словно эхо, отозвался сир Родрик.

Она поглядела на своего сына.

— А ты, Робб?

Он согласно кивнул.

— Моя сестра Лиза полагает, что ее мужа лорда Аррена, десницу короля, убили Ланнистеры, — сказала Кейтилин. — Помнится, что Джейме Ланнистер не выехал на охоту в тот день, когда упал Бран. Он оставался в замке. — В комнате воцарилась смертельная

тишина. — Итак, Бран едва ли сам упал с этой башни, — сказала она. — По-моему, его толкнули.

На лицах отразилось явное потрясение.

— Миледи, какое жуткое предположение, — проговорил Родрик Кассель. — Даже Цареубийца не пойдет на убийство невинного ребенка.

— В самом деле? — усмехнулся Теон Грейджой. — Сомневаюсь.

— Гордыне и честолюбию Ланнистеров нет предела, — проговорила Кейтилин.

— В прошлом мальчик всегда лазал уверенно, — задумчиво проговорил мейстер Лювин. — Он знал в Винтерфелле каждый камень.

— Боги! — ругнулся Робб, юное лицо его потемнело от гнева. — Если так, за это придется заплатить. — Он достал меч и взмахнул им в воздухе. — Я сам убью его.

Сир Родрик ощетинился:

— Убери оружие! Ланнистеры в сотне лиг^[6] отсюда. Никогда не извлекай свой меч, если не намереваешься немедленно воспользоваться им. Сколько раз мне повторять это, глупый мальчишка!

Пристыженный Робб вложил меч в ножны, вдруг вновь сделавшись ребенком. Кейтилин кивнула сире Родрику:

— Я вижу на поясе моего сына сталь.

Старый мастер над оружием проговорил:

— Я решил, что настало время.

Робб тревожно поглядел на нее.

— Время настало уже давно, — сказала Кейтилин. — Скоро нам потребуются все мечи, и среди них не должно быть деревянных.

Теон Грейджой опустил ладонь на рукоять своего клинка и заверил:

— Миледи, если дойдет до оружия, мой дом в долгу перед вашим.

Мейстер Лювин потянул за цепочку, покоившуюся на шее.

— Пока мы располагаем лишь совпадением и хотим обвинить возлюбленного брата королевы. Она не станет слушать пустых разговоров. У нас должны быть доказательства, или же нам придется замолчать.

— Наши доказательства в кинжале, — проговорил сир Родрик. — Подобный клинок не может остаться неизвестным.

— Есть только одно место, где можно отыскать истину.

Кейтилин поняла.

— Кто-то должен направиться в Королевскую Гавань.

— Я поеду, — сказал Робб.

— Нет, — ответила она. — Твое место здесь. В Винтерфелле всегда должен сидеть Старк. — Она поглядела на сира Родрика, на его огромные белые бакенбарды, на мейстера Лювина в его сером одеянии, на молодого Грейджоя, смуглого и пылкого. Кого послать? Кому довериться? Тут она поняла и откинула назад одеяло. Перевязанные пальцы остались неподвижными, словно камень. Она выбралась из постели.

— Я должна ехать сама.

— Миледи, — проговорил мейстер Лювин, — разумно ли это? Безусловно, Ланнистеры отнесутся к вашему появлению с подозрением.

— А как насчет Брана? — спросил Робб. Бедный мальчишка совершенно смутился. — Неужели теперь ты оставишь его?

— Для Брана я уже сделала все, что могла, — ответила Кейтилин, положив перевязанную руку на плечо сына. — Его жизнь в руках богов и мастера Лювина. Ты ведь сам напоминал мне, Робб, что нельзя забывать и о других детях.

— Вам потребуется сильная свита, миледи, — проговорил Теон.

— Я пошлю Хала с отрядом гвардейцев, — проговорил Робб.

— Нет, — решила Кейтилин. — Большой отряд привлечет нежелательное внимание. Я не хочу, чтобы Ланнистеры узнали о моем приезде.

Сир Родрик запротестовал:

— Позвольте по крайней мере мне сопровождать вас. Королевский тракт опасен для одиноких женщин.

— Я не поеду этим путем, — ответила Кейтилин. Потом подумала мгновение и согласно кивнула: — Да, двое всадников двигаются так же быстро, как и один, но много быстрее, чем длинная колонна, отягощенная фургонами и кибитками на колесах. Я рада вашему обществу, сир Родрик. Мы спустимся вдоль Белого Ножа до моря и найдем корабль в Белой гавани. Крепкие кони и свежий ветер доставят нас в Королевскую Гавань задолго до Неда и Ланнистеров. — А там, подумала она, мы увидим то, что должны увидеть.

Эддард Старк уехал с рассветом, септа Мордейн сообщила об этом Сансе, когда они приступили к завтраку.

— Король послал за ним. Должно быть, они охотятся. В этих краях, как говорят, до сих пор обитают дикие зубры.

— Я никогда не видела зубра, — вздохнула Санса, переправляя кусок бекона сидевшей под столом Леди. Волчица приняла кусок из руки элегантно движением королевы.

Септа Мордейн неодобрительно фыркнула.

— Благородная леди не кормит собак под столом, — сказала она, отламывая еще один кусок сотов и выпуская капли меда на хлеб.

— Это не собака, а лютоволчица, — заметила Санса, когда Леди лизнула ее пальцы шершавым языком. — Во всяком случае, отец разрешил нам держать их.

Септа не смягчилась.

— Ты хорошая девочка, Санса, но клянусь, когда речь заходит об этом звере, становишься столь же прихотливой, как твоя сестра Арья. — Она нахмурилась. — Кстати, где она сейчас?

— Она не голодна, — ответила Санса, прекрасно понимая, что сестра ее, по всей видимости, прокралась в кухню не один час назад и заставила какого-нибудь поваренка накормить ее.

— Напомни, чтобы она сегодня оделась получше. Наверное, в серый бархат. Мы приглашены прокатиться с королевой и принцессой Мирцеллой в их доме на колесах и должны выглядеть как положено.

Санса и без того выглядела прекрасно. Она до блеска расчесала длинные рыжеватые волосы и выбрала лучшие голубые шелка. Сегодняшнего дня она ждала почти целую неделю. Ехать с королевой — великая честь, к тому же там будет принц Джоффри, ее жених. Мысль эта вызвала в душе ее странный трепет, хотя до брака оставались еще годы и годы. Санса почти не знала Джоффри, но уже успела влюбиться в него. Именно таким она и видела своего принца: высоким и сильным, золотоволосым красавцем. Она ценила каждую возможность провести время с ним. Пугала ее сегодня лишь Арья. Сестра всегда умела все напортить. И что она выкинет, никогда нельзя было предсказать заранее.

— Я скажу ей, — проговорила Санса неуверенно, — но Арья оденется как всегда. — Оставалось только мечтать, что это не вызовет неловкости. — Могу ли я выйти из-за стола?

— Безусловно. — Септа Мордейн взяла новый кусок хлеба и сотов, а Санса соскользнула со скамьи. Леди последовала за ней к выходу из гостиницы.

Снаружи она немного постояла, прислушиваясь к крикам, ругательствам и скрипу деревянных колес; мужчины складывали шатры и палатки, грузили фургоны перед очередным переходом. Приземистая гостиница, сложенная из белого камня, оказалась самой большой из всех, которые уже видела Санса, но тем не менее смогла вместить менее трети отряда короля, уже распухшего до четырех сотен после того, как к нему добавились челядь ее отца и свободные всадники, присоединившиеся по дороге.

Они обнаружили Арию на берегах Трезубца, она вычесывала засохшую грязь из шерсти Нимерии, пытаясь удержать ее на месте. Лютоволчица не испытывала восторга от этого занятия. Арья была в том же самом костюме для верховой езды, что вчера и позавчера.

— Надень что-нибудь покрасивее, — предупредила сестру Санса, — септа Мордейн так сказала. Мы будем путешествовать в повозке королевы с принцессой Мирцеллой.

— Только не я! — воскликнула Арья, вычесывая репей из взлохмаченного серого меха Нимерии. — Мы с Микой отправляемся вверх по течению поискать рубины у брода.

— Рубины, — в недоумении проговорила Санса, — какие рубины?

Арья посмотрела на сестру, удивляясь подобной глупости.

— Рубины Рейегара. Это как раз то самое место, где король Роберт убил его и захватил корону.

Санса с недоверием посмотрела на свою младшую сестрицу.

— Ты не можешь отправляться за рубинами, принцесса ждет нас обеих.

— Мне там неинтересно, — взмахнула рукой Арья. — В повозке даже нет окон, оттуда ничего не увидишь.

— И что ты хочешь увидеть? — возмутилась Санса. Такое чудесное приглашение, а глупая сестра намеревается все погубить; как раз этого она и опасалась. — Вокруг только поля, хутора, фермы и крепости.

— Это не так, — упрямо сказала Арья. — Если бы ты иногда ездила с нами, то увидела бы...

— Ненавижу верховую езду, — раздраженно ответила Санса. — После нее ты чувствуешь себя грязной, пыльной, и тело болит.

Арья пожала плечами.

— Тише ты, — рявкнула она на Нимерию, — ничего с тобой не случится. — А потом сказала, обращаясь к Сансе: — Пока мы пересекали перешеек, я насчитала тридцать шесть видов цветов, которых никогда не видела, а Мика показал мне львоящера.

Санса поежилась. Перешеек они пересекали извилистой обходной дорогой, пролегшей по бесконечному черному болоту, двенадцать дней, и каждое мгновение пути казалось ей ненавистным. Воздух был сырым и липким. Сама дорога сузилась настолько, что вечером они не могли даже найти место для настоящего лагеря и устроились ночевать прямо на Королевском тракте. Густые чащобы наполовину утонувших в воде деревьев стискивали дорогу, с ветвей их свисали наросты грибов. Огромные цветы раскидывали в грязи свои лепестки, плавали в лужах стоялой воды, и всякого, у кого хватало глупости оставить насыпь, чтобы сорвать их, ожидали трясины, готовые поглотить человека. На деревьях караулили змеи, а львоящеры плавали, напоминая черные бревна с глазами и зубами.

Но ничто, конечно, не могло остановить Арию. Однажды она вернулась с улыбкой во всю свою физиономию, лохматая, вся в грязи, но с букетом пурпурных и зеленых цветов для отца. Санса надеялась, что он велит Арье вести себя, как подобает высокородной леди. Но отец не стал ругать ее, только обнял и поблагодарил за цветы. Это еще более расстроило Сансу.

А потом оказалось, что пурпурные венчики здесь называют жгучецветом, и руки Арьи сперва покраснели, а потом на них выступили волдыри. Санса надеялась, что случившееся наконец образумит сестру, но Арья только смеялась и на следующий день вымазала руки грязью, словно невежественная селянка, потому что ее приятель Мика сказал, что так можно остановить зуд. На плечах и руках сестры проступали синяки, темно-пурпурные, желто-зеленые с резкими границами и бледные, расплывшиеся. Санса заметила их, когда сестра раздевалась перед сном. Однако где и как Арья заработала их, знали только семь богов.

Арья все еще занималась своим делом и, расчесывая шерсть Нимерии, трещала о том,

что видела на пути на юг.

— На прошлой неделе мы нашли сторожевую башню с призраками, а за день до того гоняли табун диких лошадей. Видела бы ты, как они полетели, когда уловили запах Нимерии. — Волчица дернулась под рукой, и Арья обругала зверя: — Прекрати, мне нужно расчесать еще другой бок, ты вся в грязи.

— Но ты не должна оставлять отряд, — напомнила ей Санса. — Отец запретил.

Арья пожалала плечами:

— Я никогда не отъезжала далеко. И во всяком случае, рядом со мной всегда была Нимерия. И я не каждый раз съезжаю с дороги. Иногда просто интересно ехать среди фургонов, поговорить с людьми.

Сансу раздражали те люди, с которыми любила разговаривать Арья: сквайры, конюхи, служанки, старики и голые дети, не стесняющиеся в выражениях свободные всадники неизвестного происхождения. Арья умела подружиться со всеми. А этот Мика был еще хуже: сын мясника, тринадцатилетний дикарь, он спал в мясном фургоне, от него пахло бойней. Только от одного вида его Сансу тошнило, но Арья явно предпочитала его общество.

Терпение Сансы кончалось.

— Тебе придется пойти со мной, — жестко сказала она сестре. — Ты не можешь отказать королеве. Септа Мордейн будет ожидать тебя.

Арья словно не слышала сестру. Она налегла на щетку, Нимерия сердито заворчала и вырвалась.

— Ну-ка, сюда!

— Там будет лимонный пирог и чай, — продолжала Санса, подражая рассудительным взрослым. Леди припала к ее ноге. Санса почесала за ушами волчицы, и Леди села возле нее, поглядывая, как Арья ловит Нимерию. — Зачем нужно ездить на старой вонючей кобыле, зарабатывать себе синяки и потеть, когда можно отдыхать на перьевых подушках и есть вместе с королевой?

— Мне не нравится королева, — спокойно отвечала Арья. Санса задохнулась, потрясенная тем, что Арья запросто сказала подобную вещь, но сестра все трещала без умолку. — Она даже не позволит мне взять с собой Нимерию.

Арья заткнула гребень за пояс и направилась к своей волчице. Та с опаской следила за ее приближением.

— Королевская повозка для волков не место, — сказала Санса. — И принцесса Мирцелла боится их, ты знаешь это.

— Мирцелла еще совсем маленькая. — Арья ухватила Нимерию за шкуру на шее, но в тот самый миг, когда она извлекла щетку, волчица вновь вырвалась на свободу. Разочарованная Арья бросила щетку. — Ах ты, сквернавка! — выкрикнула она.

Санса не могла не улыбнуться. Некогда главный псарь говорил, что животные всегда похожи на хозяев. Она торопливо обняла Леди, та лизнула ее в щеку. Санса хихикнула. Арья услышала и повернулась, обдав сестру яростным взглядом.

— Мне безразлично, что ты там говоришь, я не поеду. Я уезжаю кататься верхом.

Длинная лошадиная физиономия свидетельствовала о готовности выкинуть очередную штуку.

— Видят боги, Арья, иногда ты поступаешь подобно ребенку, — сказала Санса. — Тогда я отправлюсь одна. Так день пройдет приятнее. Мы с Леди съедим все лимонные пироги и повеселимся без тебя.

Она отвернулась, но Арья крикнула вслед:

— Тебе-то они позволят взять с собой и Леди. — Погнавшаяся вдоль реки за Нимерией сестра исчезла из виду прежде, чем Санса успела придумать ответ. Униженная и одинокая, Санса постаралась вернуться в гостиницу долгим путем, чтобы отдалить встречу с ожидавшей ее септой Мордейн. Леди невозмутимо топала возле нее. Слезы подступали к глазам Сансы. Она хотела лишь одного: чтобы все было хорошо и мирно, как всегда бывает в песнях. Ну почему Арья не умеет быть ласковой, деликатной и доброй, подобно принцессе Мирцелле? Она предпочла бы такую сестрицу.

Санса никогда не могла понять, почему они так не похожи — две сестры, которых разделяли всего два года. Уж лучше бы Арья была незаконнорожденной, подобно их брату Джону. Она даже внешне напоминала Джона длинным лицом и каштановыми волосами Старков — ничего общего с их леди-матерью. Джона же родила женщина из простонародья, так шептали люди. Однажды, когда она была маленькой, Санса даже спросила у матери, не случилась ли какая-нибудь ошибка. Быть может, ее настоящую сестру утащили грамкины? Но мать расхохоталась и покачала головой. Арья действительно была законной дочерью лорда Старка и истинной сестрой Сансы. Санса не знала причин, которые могли бы заставить мать солгать, и поэтому решила, что все так и есть.

Когда она приблизилась к центру стана, то скоро забыла о расстройстве. Вокруг повозки королевы собралась толпа. Санса слышала голоса, жужжавшие пчелиным ульем. Двери были распахнуты настежь, и королева стояла на верхней деревянной ступени, улыбаясь кому-то внизу. Девушка услышала ее слова:

— Совет оказывает нам великую честь, мои добрые лорды.

— Что происходит? — спросила она у знакомого сквайра.

— Совет прислал всадников из Королевской Гавани, чтобы встретить нас и проводить до конца дороги, — ответил он. — Почетный караул для короля.

Стремясь увидеть все своими глазами, Санса позволила Леди расчистить дорогу в толпе. Люди торопливо расступались перед лютоволком. Подойдя ближе, Санса увидела двоих рыцарей, преклонявших колени перед королевой. Они были в доспехах столь прекрасных и пышных, что она даже заморгала.

На одном рыцаре был причудливый панцирь, набранный из покрытых эмалью белых чешуек, искрившихся свежевыпавшим снегом, серебряные перевязки и застежки блестели на солнце. Когда он снял шлем, Санса увидела седины под стать белизне доспехов, однако старый рыцарь сохранил изящество и силу. С плеч его свисал чисто-белый плащ Королевской гвардии.

Спутника его, мужчину лет двадцати, облежала стальная броня, отливавшая густой лесной зеленью. Санса еще не видела такого красавца: высокий, могучий, россыпь черных как смоль волос на плечах, на чисто выбритом лице смеющиеся глаза — зеленые, в тон доспехам. Под рукой он держал шлем, ветвистые рога горели золотом.

Сперва Санса не заметила третьего незнакомца. Он не преклонял колени вместе с остальными. Отступив в сторону, худой и мрачный, он молча следил за происходящим, оставаясь возле коней. Лишенное бороды лицо его избородили рытвины. Глаза прятались в ямах над впалыми щеками. Он еще не был стар, но на голове его, над самыми ушами, осталось лишь несколько клоков волос, длинных, как у женщины. Простая железная кольчуга его, надетая на несколько слоев дубленой кожи, носила следы времени и частого употребления. Над его правым плечом поднималась кожаная рукоять закинутого за спину

меча. Огромный двуручный клинок был слишком длинен, чтобы носить его сбоку.

— Король отправился на охоту, но я знаю, по возвращении он будет рад видеть вас, — говорила королева двоим рыцарям, преклонявшим перед ней колени, но Санса не могла отвести глаз от третьего человека. Тот, казалось, ощутил тяжесть ее взгляда. И медленно повернул голову. Леди заворчала. Ужас, еще незнакомый Сансе Старк, вдруг наполнил ее. Толкнув кого-то, она отступила назад.

Сильные руки ухватили ее за плечи, и на мгновение Санса решила, что это отец, но, обернувшись, увидела обгорелое лицо Сандора Клигана, глядевшего на нее сверху вниз; рот его кривила жуткая пародия на улыбку.

— Что же ты дрожишь, девочка? — спросил он скрежущим голосом. — Неужели я так испугал тебя?

Это было правдой, она боялась его с первой же встречи... с первого взгляда на разрушения, причиненные огнем его лицу, хотя теперь казалось, что Клиган и наполовину не пугает ее так, как тот, другой. Но все же Санса отодвинулась от него: Пес расхохотался, и Леди встала между ними, грозно ворча. Санса упала на колени, обхватив руками волчицу. Все собрались вокруг с открытыми ртами. Санса чувствовала, что на нее смотрят, тут и там раздавались обидные комментарии и смешки.

— Волк, — сказал мужчина.

Другой добавил:

— Седьмое пекло, это лютоволк.

И первый голос промолвил:

— А что он делает в лагере?

Скрежещущий голос Пса ответил:

— У Старков они вместо нянек.

Тут Санса поняла, что двое незнакомых ей рыцарей с мечами в руках глядят на нее и Леди, и вновь ощутила испуг и стыд. Слезы наполнили ее глаза.

Она услышала, как королева сказала:

— Джоффри, подойди к ней.

И ее принц оказался рядом.

— Оставь ее в покое, — приказал Джоффри Псу. Принц остановился над ней, прекрасный в синей шерсти и черной коже, золотые локоны сверкали на солнце, словно корона. Подал ей руку и поднял с колен. — Что случилось, моя милая леди? Чего вы боитесь? Никто вас не ударит. А вы уберите мечи. Этот волк у нее вместо собаки. — Он поглядел на Сандора Клигана. — Вот что, Пес, убирайся, не надо пугать мою невесту.

Пес, как всегда верный, невозмутимо поклонился и растворился в толпе. Санса постаралась твердо стоять на ногах. Она ощущала себя такой дурой! Она — благородная леди родом из Старков Винтерфеллских, будущая королева.

— Это не он, мой милый принц, — попыталась она объяснить. — Я испугалась этого человека.

Двое незнакомых рыцарей обменялись взглядами.

— Пейна? — хихикнул молодой человек в зеленом панцире.

Старик снисходительно обратился к Сансе:

— Сир Илин нередко пугает и меня самого, милая леди. Жуткий человек.

— Так и должно быть. — Королева спустилась из повозки. Собравшиеся расступились, давая ей дорогу. — Ведь если злые не боятся королевского правосудия, значит, мы назначили

на эту должность неподходящего человека.

Санса наконец нашла нужные слова.

— Тогда вы, бесспорно, назначили нужного человека, светлейшая государыня, — отвечала она, и смех ветерком охватил всех вокруг.

— Хорошо сказано, дитя, — заметил старик в белой броне. — Как и подобает дочери Эддарда Старка. Считаю за честь наше знакомство, невзирая на внезапность и обстоятельства. Я — сир Барристан Селми, из Королевской гвардии. — Он поклонился.

Когда Санса услышала это имя, все любезные слова, которым ее год за годом учила септа Мордейн, вернулись назад.

— Лорд-начальник Королевской гвардии, — сказала она. — Советник Роберта, нашего короля, и Эйериса Таргариена, предшественника его. Наша встреча честь для меня, добрый рыцарь. Даже на далеком севере певцы воспевают Барристана Отважного.

Зеленый рыцарь вновь расхохотался.

— Ты хочешь сказать — Барристана Старого. Не льсти так ему, дитя, он и без того слишком себя превозносит. — Рыцарь улыбнулся. — Ну а теперь, девушка с волком, если ты сумеешь назвать и мое имя, значит, я действительно вижу дочь королевской десницы.

Джоффри напрягся возле нее.

— Обращайся почтительнее с моей невестой.

— Я могу ответить, — заторопилась Санса, чтобы успокоить гнев принца. Она улыбнулась зеленому рыцарю. — На шлеме твоём золотые рога, милорд. Олень — это герб королевского дома. У короля два брата. Судя по твоей крайней молодости, ты можешь быть только Ренли Баратеоном, лордом Штормового Предела и советником короля, и это имя я называю.

Сир Барристан усмехнулся:

— Судя по его крайней молодости, он может зваться просто Брыкучим Ослом, так именую его я.

Послышался общий смех, первым засмеялся сам лорд Ренли. Былая напряженность исчезла, Санса начала успокаиваться... но тут сир Илин Пейн, отодвинув плечами двоих мужчин, встал перед ней без тени улыбки на лице. Он не проронил ни слова. Леди обнажила зубы и заворчала, негромко, но грозно. Но на этот раз Санса успокоила волчицу, ласково положив ей на голову руку.

— Прошу прощения, если я оскорбила вас, сир Илин.

Она ожидала ответа, но его не последовало. Палач поглядел на нее бесцветными глазами, словно бы срывая с тела Сансы одежду, а затем и кожу, так что перед ним осталась лишь одна нагая душа. Так и не проронив ни слова, он повернулся и отошел в сторону.

Санса ничего не поняла. Она поглядела на принца.

— Неужели я сказала что-то не так, ваша светлость? Почему он не заговорил со мной?

— Сир Илин последние четырнадцать лет не ощущает склонности к разговору, — заметил лорд Ренли с лукавой улыбкой.

Джоффри одарил дядю полным ненависти взглядом, а потом взял руки Сансы в свои.

— Эйерис Таргариен велел вырвать его язык раскаленными щипцами.

— Теперь он проявляет свое красноречие мечом, — проговорила королева, — и в преданности сира Илина нашему государству нельзя усомниться. — Тут она улыбнулась и добавила: — Санса, мы должны переговорить с добрыми советниками, пока король не вернется с твоим отцом. Боюсь, что нам придется отложить твой визит к Мирцелле.

Пожалуйста, передай своей милой сестре мои извинения. Джоффри, быть может, ты постарайся сегодня развлечь наших гостей?

— Это порадует меня, мать, — очень официально поклонился Джоффри. Он взял Сансу за руку и отвел от повозки, и сердце девушки затрепетало. Целый день с принцем! Она восторженно поглядела на Джоффри и подумала, что он такой галантный и что он уже спас ее — от Илина и Пса, прямо как в песне, — в той, где Сирвен Зеркальный Щит спас принцессу Дейерису от гигантов. Или в песне про принца Эймона Рыцаря Дракона, который защитил честь королевы Нейерис от злой клеветы сира Моргила.

Прикосновение руки Джоффри к ее рукаву заставило сердце Сансы забиться сильнее.

— И чем тебе хочется сейчас заняться?

Быть с тобой, подумала Санса, но не сказала этого.

— А чем хочет заняться мой принц?

Джоффри подумал мгновение.

— Можно покататься верхом.

— О, я обожаю верховую езду, — сказала Санса.

Джоффри поглядел на Леди, следовавшую за ними по пятам:

— Твой волк способен напугать лошадей, а мой Пес пугает тебя. Пусть оба они останутся здесь и не мешают нам, как по-твоему?

Санса помедлила.

— Если тебе это понравится, я могу привязать Леди. — Она не совсем поняла его. — А я не знала, что у тебя есть собака...

Джоффри расхохотался:

— Этот пес принадлежит моей матери. Она приставила его охранять меня, что он и делает.

— Так ты имеешь в виду Пса, — проговорила она. Санса готова была ударить себя за непонятливость. Принц никогда не полюбит ее, если она будет такой глупой.

— А не опасно ехать без него?

Принцу Джоффри ее слова показались досадными.

— Не опасайся, леди. Я почти взрослый и не умею фехтовать палками, подобно твоим братьям. Мне нужен только он.

Принц извлек свой меч, чтобы показать ей. Длинный клинок искусно укоротили, чтобы он подошел двенадцатилетнему мальчику, — выкованная в замке обоюдоострая блестящая синева, с кожаной рукоятью и львиной головой вместо яблока. Санса восхитилась мечом, и Джоффри выразил удовлетворение.

— Я зову его Львиным Зубом, — сказал он.

Так, оставив позади себя ее лютоволка и его телохранителя, они направились по северному берегу Трезубца, охраняемые лишь Львиным Зубом.

День выдался великолепный, даже волшебный. Воздух благоухал цветами, леса здесь были исполнены мягкой красы, которой Санса никогда не замечала на севере. Конь принца Джоффри, кровный гнедой скакун, был легок как ветер, и принц мчался вперед, забыв обо всем. Да так быстро, что Санса едва успевала держаться вровень на своей кобыле. День этот был создан для приключений. Они обследовали пещеры на берегу реки и загнали сумеречного кота в его логово, а когда проголодались и Джоффри отыскал по струйке дыма стоянку, он велел мужчинам доставить еду и вино для их собственного принца и его дамы.

Они перекусили форелью, только что выловленной в реке, и Санса выпила вина больше,

чем когда-нибудь прежде.

— Отец позволяет нам одну чашу и то лишь на пиру, — пожаловалась она.

— Моя невеста может пить сколько ей хочется, — проговорил Джоффри, подливая еще.

Поев, они отправились дальше — уже медленнее. Джоффри пел голосом высоким, чистым и приятным. Голова Сансы чуть кружилась от выпитого вина.

— А не повернуть ли нам назад? — спросила она.

— Скоро повернем, — обещал Джеффри. — Поле битвы уже рядом, как раз у той излучины. Там мой отец убил Рейегара Таргариена, ты это знаешь. Он ударил его в грудь, трах, и он умер. — Джоффри размахнулся воображаемым боевым молотом, чтобы показать Сансе, как это было сделано. — Потом дядя Джейме убил старого Эйериса, и мой отец сделался королем. Правда, здорово? А это что за звук?

Санса тоже услышала плывущее над лесом деревянное «тук-тук-тук».

— Не знаю, — отвечала она, внезапно заволновавшись. — Джоффри, лучше повернуть назад.

— Я хочу посмотреть, что там. — Джоффри повернул коня в сторону звука, и Сансе оставалось только последовать за ним. Шум становился громче и четче — стучало дерево о дерево, — подъехав поближе, они слышали пыхтение и какое-то бормотание.

— Там кто-то есть, — тревожно проговорила Санса и, вспомнив про Леди, пожалела, что оставила волчицу в лагере.

— Со мной ты в безопасности. — Джоффри извлек из ножен свой Львиный Зуб. Сталь скользнула по коже, и Санса поежилась. — Нам туда, — показал он на рошу.

Там на поляне возле реки мальчик и девочка играли в рыцарей. Мечи их — деревянные палки — нетрудно было принять за древки метлы; они бегали по траве и отчаянно размахивали своим оружием. Мальчик был постарше, на голову выше и много сильнее, и он побеждал. Девочка, неряха в грязном кожаном костюме, тем не менее умудрялась отражать большинство ударов мальчишки, хотя и не все. Но когда она попыталась ударить его, он отбросил ее палку своей и стукнул по пальцам. Девочка вскрикнула и выронила оружие.

Принц Джоффри расхохотался. Мальчик оглянулся недоуменными глазами, вздрогнул и выронил свою палку в траву. Девочка яростно посмотрела на них, посасывая костяшки, чтобы извлечь занозу, и Санса ужаснулась.

— Арья? — не веря своим глазам, позвала она.

— Убирайся, — крикнула ей сестра сквозь гневные слезы на глазах. — Что вы делаете здесь? Оставьте нас вдвоем.

Джоффри поглядел на Арию, Сансу, опять на Арию.

— Это твоя сестра? — Санса, покраснев, кивнула. Принц посмотрел на мальчика, нескладного, с грубым веснушчатом лицом и густыми красными волосами. — А ты кто такой? — спросил он командным тоном, не обращая внимания на то, что мальчик был на год его старше.

— Мика, — пробормотал парнишка. Он узнал принца и опустил глаза. — Милорд.

— Это сын мясника, — проговорила Санса.

— Мой друг, — резко сказала Арья. — Оставьте его в покое.

— Сын мясника, который хочет стать рыцарем, так? — Джоффри нагнулся с коня с мечом в руке. — Возьми-ка свой меч, сын мясника, — велел принц, и глаза его посветлели от удовольствия. — Посмотрим, насколько ты хорош в бою.

Мика стоял, замороженный страхом. Джоффри подошел к нему.

— Ну, бери же, или ты сражаешься только с маленькими девочками?

— Она сама просила меня, милорд, — проговорил Мика. — Сама просила.

Сансе оставалось только посмотреть на Арью — румянец на лице сестры показывал, что мальчик говорил правду, но Джоффри не был в настроении шутить. Вино ударило ему в голову.

— Ты намереваешься взять свой меч?

Мика качнул головой:

— Это только палка, милорд. Это не меч, это всего лишь палка.

— А ты всего лишь сын мясника, а не рыцарь. — Джоффри поднял Львиный Зуб, кольнул острием клинка щеку трепещущего сына мясника. — Но дерешься с сестрой миледи. Или ты этого не знаешь? — Яркая капля крови выступила под глазом Мики, где меч прорезал кожу, и медленно поползла по щеке.

— Остановись! — завопила Арья, хватаясь за палку.

Санса испугалась:

— Арья, немедленно прекрати!

— Я не стану причинять ему боли... большой, — отвечал Арье принц Джоффри, не отводя глаз от мальчика-мясника.

Арья приближалась к принцу. Санса соскочила с кобылы, но опоздала. Сестра уже ударила обеими руками. Деревянная палка с громким треском переломилась о затылок принца, потом все помутилось перед глазами потрясенной Сансы. Джоффри пошатнулся и оглянулся, выкрикивая угрозы. Мика бросился к деревьям со всей скоростью, на которую были способны его ноги. Арья вновь ударила Джоффри, но на этот раз он принял удар Львиным Зубом и выбил из ее рук переломанную палку. Затылок принца кровоточил, глаза полыхали огнем. Санса кричала:

— Нет, нет, прекратите, остановитесь оба, вы все испортили! — Но никто не слушал.

Арья подобрала камень и бросила в голову Джоффри. Но вместо этого угодила в коня, и кровный гнедой, поднявшись на дыбы, отправился галопом следом за Микой.

— Прекрати, не надо, прекрати! — визжала Санса. Джоффри замахнулся на Арью мечом, выкрикивая жуткие грязные слова. Испуганная девочка отскочила, Джоффри следовал за ней, гоня к лесу. Санса не знала, что делать. Она беспомощно наблюдала за происходящим, почти ослепнув от слез.

Тут мимо нее мелькнула серая молния, и внезапно появившаяся Нимерия сомкнула челюсти на руке Джоффри. Сталь выпала из его пальцев. Волчица сбила принца с ног, он покатился по траве и закричал от боли.

— Уберите ее! — завопил он. — Уберите!

Голос Арьи хлестнул ударом кнута:

— Нимерия!

Волчица выпустила Джоффри и подошла к Арье. Лежа в траве, Джоффри, застонав, взялся за поврежденную руку. На рубахе его выступила кровь.

Арья сказала:

— Она не причинила тебе боли... большой.

Подобрав Львиный Зуб, она встала над принцем, держа меч обеими руками.

Джоффри поглядел на нее с испугом и с присвистом вымолвил:

— Не бей меня, я скажу матери.

— Оставь его в покое! — завопила Санса. Арья повернулась и бросила меч в воздух,

вложив всю силу в бросок. Синяя сталь мелькнула на солнце, и меч взмыл над водой. А потом, плеснув, исчез в ней. Джоффри застонал... Арья побежала к своей лошади. Нимерия прыгала за ней по пятам.

Когда они удалились, Санса бросилась к принцу Джоффри. Глаза его были закрыты от боли, дыхание казалось отрывистым. Санса встала на колени возле него.

— Джоффри, — сказала она сквозь рыдания, — что они наделали, только погляди, что они наделали! Мой бедный принц, не бойся, я съезжу в крепость и привезу помощь.

Глаза Джоффри открылись и поглядели на нее. В них не было ничего, кроме ненависти, смешанной со злобным пренебрежением.

— Тогда ступай! — Он плюнул. — И не прикасайся ко мне!

— Они нашли ее, милорд.

Нед торопливо поднялся.

— Чьи люди нашли ее — наши или Ланнистеров?

— Это сделал Джори, — сообщил управляющий Вейон Пуль. — Она цела.

— Слава богам, — проговорил Нед. Его люди разыскивали Арью уже четыре дня, искали ее и люди королевы. — Где она? Прикажи Джори немедленно привести ее ко мне.

— Прошу прощения, милорд, — пояснил Пуль. — У ворот караулили люди Ланнистеров, и они известили королеву, когда Джори привел ее. Арью взяли прямо перед королевские очи.

— Проклятая баба, — проговорил Нед, подходя к двери. — Найди Сансу, пусть придет в палату для аудиенции, возможно, потребуется ее голос.

В страшной ярости спускался он по ступеням башни. Он и сам искал свою дочь, не уснув даже на час после исчезновения Арьи. Этим утром сердце Неда стиснула такая усталость, что он едва мог стоять, но теперь ярость вернула ему силы.

Во дворе замка люди окликали его, но Нед, торопясь, не замечал их. Он побежал бы, но, оставаясь десницей короля, должен был соблюдать достоинство. Он видел взгляды, которыми его провожали; недоуменные голоса бормотали, гадая, что он будет делать.

Они находились в скромном замке, в половине дня езды на юг от Трезубца. Отряд короля нежданно нагрянул к его владельцу сиру Реймену Дарри, пока Арью и сына мясника разыскивали по обоим берегам реки. Нагрянул нежданно и нежеланно. Сир Реймен жил в мире под рукой короля, но родичи его воевали под драконьими знаменами Рейегара возле Трезубца, трое его старших братьев погибли там, о чем не забыл ни сам Роберт, ни сир Реймен. И когда люди короля, Дарри, Ланнистеров и Старков набились в тесный замок, отношения накалились.

Король присвоил себе приемный зал сира Реймена, где и нашел его Нед. Палата была уже полна, когда он ворвался внутрь. Слишком полна, решил он. Оставшись вдвоем с Робертом, они могли бы уладить вопрос миром.

Роберт горбился в высоком сиденье Дарри в дальнем конце зала. Лицо его казалось замкнутым и мрачным. Серсея Ланнистер и сын ее стояли возле него. Королева опиралась на плечо Джоффри. Плотная шелковая повязка до сих пор покрывала руку мальчика.

Арья стояла посреди комнаты одна, если не считать Джори Касселя; все глаза были обращены к ней.

— Арья! — громко окликнул дочь Нед и направился к ней, стуча сапогами по каменному полу. Увидев его, она заплакала навзрыд.

Нед опустился на колени и обнял дочь. Она тряслась.

— Мне так жаль, — прорыдала она. — Так жаль, так жаль.

— Я знаю, — отвечал он. Она казалась такой крошечной в его руках, просто маленькая неряшливая девчонка. Трудно понять, как она могла вызвать столько хлопот. — Ты ранена?

— Нет. — Слезы бежали по грязному лицу, оставляя полосы на щеках. — Только голодна. Я ела ягоды, но ничего больше не нашла.

— Скоро мы тебя накормим, — обещал Нед.

Поднявшись, он стал лицом к королю.

— Что значит все это? — Глаза его обежали комнату, отыскивая дружелюбные лица. Если не считать его собственных людей, таких было немного. Сир Реймен Дарри словно замкнулся в себе. На лице лорда играла полуулыбка, способная прикрыть все что угодно. Старый сир Барристан сохранял серьезность, остальные были Ланнистеры, и они глядели враждебно. Повезло ему лишь в одном: Джейме Ланнистер и Сандор Клиган отсутствовали здесь, потому что возглавляли поиски к северу от Трезубца.

— Почему мне не доложили, что нашли мою дочь? — спросил Нед звонким голосом. — Почему ее немедленно не доставили ко мне?

Он обращался к Роберту, но ответила Серсея Ланнистер:

— Как ты смеешь так разговаривать со своим королем!

Король шевельнулся.

— Тихо, женщина, — сказал он, поворачиваясь на своем сиденье. — Прости, Нед, я не хотел пугать девочку. Просто мне показалось, что лучше привести ее сюда и быстрее покончить с делом.

— С каким это делом? — Нед добавил льда в свой голос.

Королева шагнула вперед.

— Ты прекрасно знаешь, Старк! Это твоя девица напала на моего сына. Она и парень мясника. А этот ее зверь попытался оторвать Джоффри руку!

— Это не так, — громко возразила Арья. — Она только укусила его, потому что он делал больно Мике.

— Джофф поведал нам, что произошло, — сказала королева. — Ты и сын мясника били его дубинками, а потом напустили своего волка.

— Это было не так, — проговорила Арья, едва сдерживая слезы. Нед опустил руки на ее плечи.

— Неправда! — настаивал принц Джоффри. — Они напали на меня, и она выбросила Львиный Зуб в реку! — Нед заметил, что он не глядит на Арию.

— Лжец! — завопила Арья.

— Заткнись! — закричал на нее принц.

— Довольно! — в гневе взревел король, поднимаясь с места. Наступило молчание. Глаза его над густой бородой яростно впились в Арию. — А теперь, дитя, расскажи мне, как все случилось, во всех подробностях и правдиво. Лгать королю — великий грех. — Потом король поглядел на своего сына. — Когда она закончит, наступит твой черед. До тех пор попридержи язык.

Когда Арья начала свою повесть, Нед услышал, как позади растворилась дверь. Он оглянулся назад и увидел, что в зал вошла Санса и тихо остановилась позади, услышав голос Арьи. Когда Арья стала описывать, как зашвырнула меч Джоффри на самую середину Трезубца, Ренли Баратеон расхохотался. Король немедленно оцетинился:

— Сир Барристан, выставите моего брата из зала, прежде чем он задохнется.

Лорд Ренли справился со смехом.

— Мой брат слишком добр, я и сам сумею найти дверь. — Он поклонился Джоффри. — Быть может, потом вы, принц, сумеете объяснить мне, как девятилетняя девочка ростом с мокрую крысу смогла разоружить вас, орудуя одной палкой от метлы, и забросить меч на середину реки. — Как только дверь закрылась за Ренли, Нед услышал его голос с той стороны: — Львиный Зуб! — За этими словами вновь послышался хохот.

Принц Джоффри, побледнев, начал излагать собственную версию событий. Когда сын

его завершил речь, король тяжело поднялся с сиденья, напоминая человека, желающего оказаться где угодно, только не здесь.

— И что же, во имя семи преисподних, я должен сейчас решить? Он говорит одно, девчонка другое...

— Присутствовали не только они, — сказал Нед. — Санса, подойди сюда. — Нед выслушал ее версию событий в ночь исчезновения Арьи и узнал правду. — Расскажи нам, что случилось.

Старшая дочь лорда Старка неуверенно шагнула вперед. Она была одета в синий бархат с белой строчкой, на ее шее висела серебряная цепь. Густые золотистые волосы были расчесаны до блеска. Санса моргнула сестре, потом молодому принцу.

— Не знаю, — проговорила она голосом, полным слез, всем видом выражая желание выбежать отсюда. — Я ничего не помню. Все произошло так быстро, что я не успела...

— Ах ты, дрянь! — воскликнула Арья. Она стрелой бросилась на сестру и, повалив Сансу на пол, принялась колотить ее. — Врунья, врунья, врунья, врунья!

— Арья, прекрати! — закричал Нед. Джори стащил брыкающуюся девочку с сестры. Бледная Санса тряслась, когда Нед поднял ее на ноги. — Тебе не больно? — спросил он, но Санса глядела на Арию и словно не слышала его.

— Эта девица столь же дика, как и ее грязная животина, — проговорила Серсея Ланнистер. — Роберт, я хочу, чтобы ее наказали.

— Седьмое пекло! — огрызнулся король. — Серсея, погляди на нее. Это ребенок, или ты хочешь, чтобы я приказал прогнать ее кнутом по улицам? Обычная детская драка, все закончено, все целы.

Королева была в ярости:

— Эти шрамы навсегда останутся на теле Джоффри.

Роберт Баратеон поглядел на своего старшего сына.

— Да, это так. И быть может, они научат его кое-чему. Нед, проследи, чтобы твою дочь наказали. Я сделаю то же с моим сыном.

— Охотно, светлейший государь, — ответил Нед с огромным облегчением.

Роберт повернулся к трону, но королева еще не закончила.

— А как насчет лютоволка? — окликнула она короля. — Что будет с тварью, которая изуродовала твоего сына?

Король остановился, повернулся, нахмурился.

— Я забыл об этом.

Нед видел, как напряглась Арья в руках Джори, и тот быстро проговорил:

— Светлейший государь, мы не нашли даже следа лютоволка.

Роберт не обнаружил ни малейших признаков расстройств.

— Нет? Ну, ладно.

Королева возвысила голос:

— Даю сотню золотых драконов тому, кто принесет мне его шкуру!

— Дорогая будет шкура, — пробормотал Роберт. — Я в этом не участвую, женщина. Можешь покупать себе меха на деньги Ланнистеров.

Королева наделила его холодным взглядом.

— Я не думала, что ты такое ничтожество. Король, за которого я выходила, положил бы волчью шкуру на мою постель, прежде чем взойдет солнце.

Лицо Роберта потемнело от гнева.

— Сущие пустяки, если волка нет.

— Волк у нас, — проговорила Серсея Ланнистер голосом весьма спокойным. В зеленых глазах ее светился триумф.

Все какое-то мгновение осознавали ее слова, но потом король раздраженно повел плечами.

— Как угодно. Пусть сир Илин займется им!

— Роберт, нельзя ли обойтись без этого? — проговорил Нед.

Король более не желал спорить.

— Довольно, Нед. Не желаю ничего больше слушать. Лютоволк — свирепый зверь. Рано или поздно он порвет твою собственную девицу не хуже, чем моего сына. Заводи ей собаку, и все будет в порядке.

Санса только тут наконец поняла, что происходит. Испуганные глаза ее обратились к отцу.

— Но ведь он же говорит не про Леди, так ведь? — Она увидела подтверждение на лице Неда. — Нет, — сказала она. — Нет, только не Леди. Леди никого не кусает, она хорошая...

— Леди там не было! — гневно крикнула Арья. — Оставьте ее в покое.

— Останови их, — молила Санса. — Зачем так поступать? Пожалуйста, при чем тут Леди, это сделали Нимерия с Арьей, ты не можешь допустить этого, это была не Леди, не позволяй им убивать Леди. Она будет хорошей, я обещаю, обещаю... — Санса заплакала.

Неду оставалось только крепче обнять плачущую дочь. Он глядел через комнату на Роберта, старинного друга, более близкого ему, чем любой брат.

— Прошу тебя, Роберт, не разбивай любви, которую ты ко мне питаешь. Ради твоей любви к моей покойной сестре, прошу тебя.

Король долго глядел на них, а потом обратил взгляд к жене.

— Проклятие на твою голову, Серсея, — сказал он с ненавистью.

Нед встал, мягко высвободившись из объятий Сансы. Вся усталость минувших четырех дней возвратилась к нему.

— Тогда ты сам сделай это, Роберт, — отрезал он голосом холодным как сталь. — Во всяком случае, имей отвагу сделать это своей рукой.

Король поглядел на Неда мертвыми глазами и вышел, не говоря ни слова, шаги его были тяжелы как свинец. Молчание наполнило зал.

— А где лютоволк? — спросила Серсея Ланнистер, когда муж ее вышел. Принц Джоффри стоял возле нее и улыбался...

— Тварь на цепи возле воротной сторожки, ваша светлость, — не без колебаний ответил сир Барристан Селми.

— Пошлите за Илином Пейном.

— Нет, не надо, — возразил Нед. — Джори, отведи девочек в их комнаты и принеси мне Лед. — Слова застревали в горле, он вытолкнул их. — Если так надо, я сам сделаю это.

Серсея Ланнистер с подозрением поглядела на него.

— Вы, Старк? Может, это какой-нибудь подвох? Почему вы хотите сделать такую вещь?

Все уставились на него, но взгляд Сансы резал.

— Волчица эта родом с севера и заслуживает лучшей участи, чем смерть от руки мясника.

Он вышел из комнаты — глаза ело, рыдания дочери отдавались в ушах — и нашел волчицу там, где ее привязали. Нед посидел возле нее немного.

— Леди, — проговорил он, пробуя имя на вкус. Он никогда не уделял особого внимания тем именам, которые выбрали дети, но, поглядев на волчицу, понял теперь, что Санса дала ей подходящую кличку. Леди была самой маленькой и самой симпатичной во всем помете, самой доброй и доверчивой. Волчица глядела на него ясными золотыми глазами, и он взлохматил густой серый мех.

Тут Джори принес ему Лед.

Когда все было закончено, он сказал:

— Выбери четверых людей и отправь их вместе с телом на север. Похороните ее в Винтерфелле.

— Зачем так далеко? — спросил удивленный Джори.

— Затем, — подтвердил распоряжение Нед, — чтобы Ланнистерша никогда не получила этой шкуры.

Он направился к башне, чтобы наконец отоспаться, когда Сандор Клиган и его всадники прогрохотали сквозь ворота замка, возвращаясь со своей охоты.

Через круп коня Сандора было переброшено что-то тяжелое... тело, обернутое кровавым плащом.

— Твоей дочери мы не нашли, десница, — скрежетнул Пес. — Но день провели не напрасно. Мы добыли ее приятеля. — Протянув руку назад, он сбросил свою ношу, упавшую прямо перед Недом. Согнувшись, тот отвернул плащ, страшась тех слов, которые придется искать для Арьи, но перед ним оказалась не Нимерия, а сын мясника, Мика. Тело его, покрытое запекшейся кровью, было перерублено почти пополам — от плеча до поясницы — тяжелым, нанесенным сверху ударом.

— Значит, загнал его, — сказал Нед.

Глаза Пса блеснули сквозь стальное забрало жуткой собачьей морды.

— Он бежал. — Сандор поглядел в глаза Неда и расхохотался. — Но недостаточно быстро.

Казалось, что он падал годы и годы. Лети, шептал ему голос во сне. Бран летать не умел, поэтому оставалось лишь падать. Мейстер Лювин слепил из глины мальчишку и обжег его, чтобы тело сделалось твердым и хрупким. Одел в одежды Брана и сбросил с крыши. Бран вспомнил, как разбилась фигурка.

— Но я никогда не упаду, — сказал он падая.

Земля была так далеко, что Бран едва мог разглядеть ее сквозь туман, кружившийся вокруг, но он чувствовал, насколько быстро летит, и знал, что его ждет внизу. Даже во сне нельзя падать вечно. Он проснется за мгновение до того, как ударится о землю. Бран знал это, потому что всегда просыпался за мгновение до того, как ударялся о землю.

— А если нет? — прошептал чей-то голос.

Земля приближалась, оставаясь еще далеко, — в тысяче миль, но уже ближе, чем раньше. Здесь, во тьме, было холодно. Здесь не было звезд, не было солнца, лишь земля надвигалась, чтобы разбить его тело, и серый туман, и шепчущий голос. Ему захотелось плакать.

— Не плачь. Лети.

— Я не могу летать, — сказал Бран. — Не могу, не могу...

— Откуда ты знаешь? Разве ты пытался?

Голос был высоким и тонким. Бран огляделся, чтобы понять, откуда он доносится. Рядом с ним спиралью опускался ворон, но Бран падал и не мог дотянуться до него рукой.

— Помоги мне, — сказал Бран.

— Я пытаюсь, — отвечал ворон. — Скажи, а зерно принес?

Бран полез в карман, а земля кружила голову и вращалась вокруг. Он извлек руку, и золотые зернышки посыпались между пальцами в воздух. Они падали вместе с ним. Ворон уселся на его руку и начал есть.

— А ты и в самом деле ворон? — спросил Бран.

— А ты и в самом деле падаешь? — ответил тот вопросом на вопрос.

— Это просто сон, — сказал Бран.

— Разве? — спросил ворон.

— Я проснусь, когда ударюсь о землю, — сказал Бран птице.

— Ты умрешь, когда ударишься о землю, — поправил его ворон, продолжая клевать зерно.

Бран поглядел вниз. Он теперь видел горы, белые снеговые вершины и серебряные нити рек в темных лесах. Он закрыл глаза и заплакал.

— А вот это не поможет, — сказал ворон. — Я же объяснил тебе: надо лететь, а не плакать. Ты считаешь, что это трудно? Но ведь я летаю. — Поднявшись в воздух, ворон облетел вокруг руки Брана.

— Но у тебя есть крылья, — возразил Бран.

— Возможно, они есть и у тебя.

Бран потянулся рукой к плечам, надеясь нащупать перья.

— Крылья бывают разными, — заметил ворон.

Бран поглядел на свои руки, на свои ноги. Он стал настолько худым, ну просто кожа, натянутая на кости. Неужели он всегда был таким? Он попытался вспомнить. Из серого

тумана, осветившись, выплыло золотое лицо.

— Чего не сделаешь ради любви, — проговорили губы.

Бран вскрикнул. Ворон, каркнув, взмыл в воздух.

— Только не это! — закричал он. — Забудь об этом, тебе не нужно про это знать, забудь, забудь. — Птица приземлилась на плечо Брана, клюнула его, и золотое сияющее лицо исчезло.

Бран падал уже быстрее, чем прежде. Серые туманы выли вокруг, а он несся к земле.

— Что ты делаешь со мной? — со слезами в голосе спросил он у ворона.

— Учужу тебя летать.

— Я не могу летать.

— Ты уже летишь.

— Я падаю.

— Каждый полет начинается с падения, — сказал ворон. — Погляди вниз.

— Я боюсь...

— Погляди вниз!!!

Бран поглядел вниз и ощутил, что внутренности его обратились в воду. Теперь земля неслась навстречу ему. Весь мир распростерся под ним, словно ковер, расшитый белой, бурой и зеленой нитями. Он видел все настолько отчетливо, что на мгновение забыл об испуге. Он видел всю страну и каждого в ней.

Он увидел Винтерфелл, каким видят замок орлы: высокие башни казались сверху приземистыми огрызками, а стены превратились в линии, прорисованные на земле. Бран увидел мастера Лювина на балконе, изучающего небо через полированную бронзовую трубку; ученый, хмурясь, делал заметки. Увидел своего брата Робба, подростка и окрепшего по сравнению с тем, каким он помнил его; брат занимался во дворе фехтованием с настоящей сталью в руке. Он увидел Ходора, простодушного гиганта из конюшни, тот нес наковальню кузнецу Миккену, взвалив ее на плечо, словно простое бревно. В сердце богородицы огромное чардрово размышляло над своим отражением в черной воде, листья его шелестели под холодным ветром. Ощувив, что Бран наблюдает за ним, оно подняло свои глаза от тихих вод и ответило ему понимающим взглядом.

Он поглядел на восток и увидел галею, несущуюся по волнам. И мать, одиноко сидевшую в каюте. Она рассматривала окровавленный нож, лежавший перед ней на столе; гребцы налегали на весла, а сир Родрик привалился к поручням, содрогаюсь всем телом. Впереди них собрался шторм, ревущую тьму прорезали молнии, но корабельщики почему-то не видели бурю.

Он поглядел на юг и увидел огромный сине-зеленый поток Трезубца. Увидел, как отец, лицо которого искажало горе, о чем-то просит короля. Увидел, как плачет Санса и не может никак заснуть. Увидел, как затаилась молчаливая Арья, скрывая свои секреты. Их окружали тени. Одна черная, словно кленовый ствол с жуткой собачьей мордой. Другая была как солнце в золотой и прекрасной броне. Над всеми возвышался гигант в панцире, выкованном из камня, но когда он отвел забрало, под ним ничего не оказалось — лишь тьма и густая черная кровь.

Он поднял глаза и увидел мир за Узким морем: Вольные Города, зеленый океан дотракийских трав, а за ним Вейес Дотрак под горой, сказочные острова Яшмового моря и Асшай у Тени, прячущей до рассвета драконов.

Потом Бран поглядел на север. Стена сверкала, как синий кристалл, и его

незаконнорожденный брат Джон спал возле нее в холодной постели; кожа его бледнела и становилась жесткой, утрачивая даже память о тепле. Он поглядел за Стену, за бесконечный лес, укутанный снегом, мимо замерзшего побережья, за огромные иссиня-белые ледяные реки и мертвые равнины, где ничего не могло расти или жить. Все дальше и дальше на север уходил его взгляд — к завесе света в конце мира, а потом и за эту завесу. Бран заглянул в самое сердце зимы, ужаснулся, испуганно вскрикнул, и щеки его обожгли слезы.

— Теперь ты знаешь, — проговорил ворон, опускаясь на его плечо. — Теперь ты знаешь, почему должен жить.

— Почему? — сказал Бран, ничего не понимая, но падая, падая, падая.

— Потому что зима близка.

Бран поглядел на ворона, сидящего на его плече, тот отвечал ему своим немигающим взглядом. У птицы оказалось три глаза, и третий наполняло жуткое знание. Бран поглядел вниз. Там не было ничего, только снег, холод и смерть, холодная пустошь грозила ему синей-белой зубастой ледяной пастью. Клыки ее поднимались как копыта. Бран увидел на них кости тысяч других мечтателей, пронзенных острями. И отчаянно испугался.

— Может ли мужчина стать отважным, если он боится? — услышал он собственный голос, тихий и недалекий.

Ответил ему отец:

— Только преодолев страх, он и станет храбрым, он и станет мужчиной!

— Ну же, Бран, — напомнил ему ворон. — Выбирай. Лети или умирай.

Смерть с воплем протянула к нему руку.

Бран раскинул свои руки и полетел. Незримые крылья впивали ветер; наполнившись, они подняли его вверх. Жуткие иглы льда удалились вниз. Над головой открылось небо. Бран поднялся вверх. Это было великолепно. Мир под ним сделался маленьким.

— Я лечу! — выкрикнул он в восхищении.

— Я заметил, — сказал трехглазый ворон, взмывая. Замедляя полет, он замахал крыльями перед лицом Брана, ослепляя его. И застыл в воздухе, ударяя перьями по его щекам. Клюв жестоко впился в лоб Брана, и он ощутил внезапную боль между глазами.

— Что ты делаешь? — закричал он.

Ворон открыл клюв и каркнул с пронзительным страхом. Задрожав, отлетели окружавшие его туманы, и Бран увидел, что ворон сделался женщиной, служанкой с длинными черными волосами. И вспомнил, что когда-то знал ее в Винтерфелле... да, это было там. Тут только он понял, что лежит в родном замке, на высокой кровати в холодной комнате башни. Черноволосая женщина выронила кувшин, и по полу потекла вода. Служанка побежала вниз по ступеням с криком:

— Он очнулся, он очнулся, он очнулся!

Бран прикоснулся ко лбу между глазами. Место, куда клюнул его ворон, все еще горело, но там не было ничего — ни крови, ни раны. Почувствовав слабость и головокружение, он попытался выбраться из постели, но даже не двинулся.

Однако возле кровати кто-то шевельнулся, и прямо на него опустилось какое-то тело. Бран ничего не почувствовал. Пара желтых глаз, сияющих, словно солнце, заглянула в его глаза. Окно было открыто, в комнате было холодно, однако тепло, которое источал волк, охватило его жаркой волной. Это его щенок, понял Бран... Но щенок ли? Теперь он сделался таким большим... Бран протянул руку, чтобы погладить животное, но ладонь дрожала как лист.

Когда брат его Робб ворвался в комнату, запыхавшись после бега по ступеням башни, лютоволк уже лизал лицо Брана. Невозмутимо поглядев вверх, Бран объявил:

— Его зовут Лето.

— Через час мы причалим в Королевской Гавани.

Кейтилин отвернулась от поручней и заставила себя улыбнуться.

— Твои гребцы хорошо потрудились ради нас, капитан. Каждый из них получит серебряного оленя в знак моей благодарности.

Капитан Морео Тумитис почтил ее полупоклоном.

— Вы слишком благородны, леди Старк. Довольно с них и чести везти столь знатную госпожу.

— Но от серебра они не откажутся?

Морео улыбнулся:

— Не откажутся.

Он бегло говорил на общем языке — с самым легчайшим акцентом тирошийского. Капитан бороздил Узкое море уже тридцать лет, как он рассказывал ей, сперва гребцом, потом квартирмейстером и, наконец, капитаном собственных торговых галей. «Пляшущая на валах» была его четвертым кораблем и самым быстрым: двухмачтовая галея имела шестьдесят весел.

Корабль этот оказался самым быстроходным среди всех, находившихся в Белой гавани, когда Кейтилин и сир Родрик Кассель появились там после долгой скачки. Тирошийцы славились своей алчностью, и сир Родрик предложил было нанять рыбацкий шлюп с Трех сестер, но Кейтилин настояла на галее. И хорошо, что она так поступила. Ветры все время препятствовали путешествию, и без весел галеи они сейчас плелись бы где-нибудь возле Перстов, не имея возможности проскочить мимо них, чтобы добраться до Королевской Гавани и тем самым завершить путешествие.

Так близко, подумала Кейтилин. Пальцы ее еще болели под полотняными повязками там, где их укусил кинжал. Боль твердила ей, верила Кейтилин, чтобы она ничего не забыла. Она не могла теперь согнуть два последних пальца на левой руке, да и прочие никогда не обретут прежней гибкости. И все же это была мизерная цена за жизнь Брана.

Сир Родрик избрал этот момент, чтобы появиться на палубе.

— Мой добрый друг, — обратился к нему Морео сквозь раздвоенную зеленую бороду. — Тирошийцы любят яркие краски, даже когда речь идет о цвете лица. Как прекрасно, что вам сегодня лучше.

— Да, — согласился сир Родрик. — Мне уже второй день не хочется умирать. — Он поклонился Кейтилин. — Миледи...

Рыцарь действительно выглядел лучше. Может быть, он слегка похудел на море после отплытия из Белой гавани, но теперь вновь сделался самим собой. Сильные ветры и бурные воды Узкого моря не отвечали его натуре, и сир Родрик едва не вывалился за борт, когда неожиданный шторм налетел на них от Драконьего Камня, но все-таки каким-то чудом сумел уцепиться за веревку, тем самым позволив людям Морео спасти его и доставить в безопасное место под палубой.

— Капитан как раз говорил мне, что наше путешествие почти закончилось, — сказала Кейтилин.

Сир Родрик выдавил сухую улыбку:

— Так скоро? — Лишившись своих огромных белых бакенбардов, он казался ей

незнакомым. Сир Родрик сделался меньше ростом, да и постарел лет на десять. В море на волнах Пасти ему пришлось покориться бритве одного из мореходов, чтобы в третий раз не осквернить свои бакенбарды, припадая к борту и извергая содержимое желудка в бушующие волны.

— Ну, оставляю вас, чтобы вы могли обсудить свои дела, — проговорил капитан Морео и с поклоном отправился прочь.

Галея неслась по волнам подобно стрекозе, весла мерно вздымались и опускались в ровном ритме. Держась за поручень, сир Родрик поглядел на приближающийся берег.

— Я оказался не самым надежным из хранителей.

Кейтилин тронула его за руку.

— Мы прибыли сюда, сир Родрик, без приключений. Это я считаю главным. — Рука ее нырнула под плащ, неловкие пальцы нащупали кинжал. Она успела заметить, что время от времени прикасается к нему, чтобы подбодрить себя. — А теперь мы должны проникнуть к оружейным дел мастеру короля, и остается только молиться, чтобы ему можно было довериться.

— Сир Арон Сантагар человек тщеславный, но честный. — Рука сира Родрика отправилась к лицу, чтобы разглядить бакенбарды, и немедленно — с явным неудовольствием — обнаружила их отсутствие. — Быть может, он узнает этот клинок... но для вас, миледи, риск начнется сразу, как только мы выйдем на берег. При дворе есть люди, которые узнают вас на месте.

Рот Кейтилин напрягся.

— Мизинец, — пробормотала она, увидев умственным взором юношеское лицо, хотя обладатель его более не являлся мальчишкой. Отец его умер несколько лет назад, и теперь Петир сделался лордом Бейлишем, но его до сих пор звали Мизинцем. Прозвище это дал ему в Риверране ее брат Эдмар. Скромные владения Бейлишей располагались на меньшем из Перстов, к тому же Петир был мелковат и невысок для своего возраста.

Сир Родрик прочистил глотку.

— Лорд Бейлиш некогда... э... — Он в нерешительности подыскивал нужное слово.

Кейтилин было не до деликатности.

— Он был воспитанником моего отца. Мы выросли вместе в Риверране. Я видела в нем брата, он же относился ко мне... с более чем братской любовью. Когда было объявлено, что я должна выйти замуж за Брандона Старка, Петир решил оспорить его право на мою руку. Безумный поступок; Брандону уже исполнилось двадцать, а Петиру не было и пятнадцати. Мне пришлось просить, чтобы Брандон пощадил Петира. Он отпустил его, удовлетвоваввшись одним шрамом. Потом мой отец отослал Петира прочь. С той поры я не видела его. — Она подставила лицо водяной пыли, словно бы резкий ветер мог прогнать воспоминания. — После смерти Брандона он прислал мне письмо в Риверран, но я сожгла его не читая. Тогда я уже знала, что Нед женится на мне вместо брата.

Пальцы сира Родрика вновь попытались найти несуществующие бакенбарды.

— Теперь Мизинец заседает в Малом совете.

— Я знала, что Петир поднимется высоко, — проговорила Кейтилин. — Он всегда был умен, даже в мальчишеские годы, но ум и мудрость — вещи разные. Интересно, что сделали с ним годы?.. — Высоко над головой среди снастей пропел голос впередсмотрящего. Капитан Морео расхаживал по палубе, отдавая приказы, и на «Пляшущей на валах» началась лихорадочная деятельность. Королевская Гавань, раскинувшаяся на трех высоких холмах,

медленно разворачивалась перед ними.

Три сотни лет назад, как знала Кейтилин, высоты эти были покрыты лесом, и лишь горстка рыбаков обитала на северном берегу Черноводной возле устья, где глубокая и быстрая река вливалась в море. Потом Эйгон-завоеватель приплыл с Драконьего Камня. Именно здесь его войско и высадилось на берег, именно здесь он поставил на самом высоком холме первое грубое укрепление из дерева и земли.

Теперь город захватил всю землю. Дворцы в рощах, амбары, кирпичные склады, бревенчатые гостиницы, дома купцов, таверны, кладбища, бордели — все друг на друге. Гомон рыбного рынка был слышен даже с моря. Здания разделяли широкие дороги, обсаженные деревьями, от них отделялись кривые улочки, а переулки были такими узкими, что два человека едва могли разойтись. Холм Висеньи венчала септа Бейелора с семью хрустальными башнями. На противоположной стороне города, на холме Рейенис, высились почерневшие стены Драконьего логова. Огромный купол обрушился, бронзовые двери не отпирали уже целый век. Соединяла холмы улица Сестер, прямая, словно стрела. Вдали поднимались стены города — высокие и надежные.

Возле воды вытянулась целая сотня причалов, и гавань была полна судов. Морские рыболовные корабли и речные посыльные суда сновали туда и сюда, перевозчики шестами направляли свои лодки через Черноводную, торговые галеи разгружали товар, доставленный из Браавоса, Пентоса и Лиса. Кейтилин заметила причудливую барку королевы, привязанную возле толстопузого китобоя из Порт-Иббена. Корпус ее покрывала черная смола. Вверху на реке дюжина стройных военных кораблей, спустив паруса, отдыхала у своих причалов, о мощные железные тараны плескала вода.

И над всем этим на высоком холме Эйгона хмурился Красный замок: семь огромных башен, увенчанных железом. Из стены вырастала огромная и мрачная подвесная башня, виднелись сводчатые палаты, залы, крытые переходы, казармы, темницы, амбары, зубчатые массивные стены, сложенные из бледного красного камня. Этот замок приказал возвести Эйгон-завоеватель. Завершили стройку при его сыне Мейегоре Жестоком. Он велел обезглавить каждого каменщика, плотника и строителя, трудившегося здесь. Лишь крови дракона подобает знать тайны этой крепости.

Но теперь над укреплениями реяли золотые, а не черные знамена; там, где прежде извергал огонь трехголовый дракон, ныне скакал венценосный олень дома Баратеонов.

Из порта неторопливо выходил корабль с высокими мачтами под флагом Летних островов, огромные белые паруса наполнял ветер. «Пляшущая на валах» миновала его, уверенно направляясь к берегу.

— Миледи, — проговорил сир Родрик. — Отлеживаясь, я понял, как нам нужно поступить. Вам не следует появляться в замке. Я сделаю это и приведу к вам сира Арона в какое-нибудь безопасное место.

Она поглядела на старого рыцаря. Галея остановилась возле пирса, Морео уже всю кричал на вульгарном валирийском Вольных Городов.

— Вы будете рисковать не менее, чем я.

Сир Родрик улыбнулся:

— Едва ли. Я поглядел на собственное отражение в воде и едва узнал себя. Последний раз без бакенбард меня видела моя мать, а она умерла сорок лет назад. Думаю, мне ничего не грозит, миледи.

Морео выкрикнул команду. Все шестьдесят весел разом поднялись из воды и, обратив

движение, опустили в воду. Галея замедлила ход. Раздался новый крик. Весла скользнули внутрь корпуса. Когда корабль стукнулся о причал и тирошские матросы соскочили на берег, Морео поднялся наверх, блистая улыбкой.

— Королевская Гавань, миледи, как вы приказывали! Ни один корабль еще не доплывал сюда быстрее и спокойнее. Не потребуется ли вам помощь, чтобы перенести вещи в замок?

— Мы направимся не в замок. Быть может, вы можете порекомендовать нам гостиницу, чистую и уютную, чтобы она стояла не слишком далеко от реки?

Тирошиец принялся теревить раздвоенную зеленую бороду.

— Значит, так. Я знаю несколько заведений, которые могут подойти вам. И все же, если я вправе осмелиться, как насчет второй части платы, которую мы обговорили? И конечно, насчет того серебра, которое вы так любезно обещали. Кажется, речь шла о шестидесяти оленях.

— Для гребцов, — напомнила ему Кейтилин.

— О, конечно же! — вскричал Морео. — Хотя я, например, приберегу бы серебро до возвращения в Тирош, ради их жен и детей. Если выдать людям серебро, миледи, они в одну ночь спустят его, играя в кости, или потратят на женщин.

— Есть худшие способы спустить деньги, — вставил сир Родрик. — Зима близко.

— Человек вправе самостоятельно делать свой выбор, — сказала Кейтилин. — Они заработали серебро, а как они потратят его, меня не касается.

— Как вам угодно, миледи, — отвечал Морео, кланяясь и улыбаясь.

На всякий случай Кейтилин сама заплатила каждому гребцу по оленю и дала по медяку двум людям, которые перенесли их сундуки на холм Висеньи в ту гостиницу, которую порекомендовал Морео. Старый покосившийся дом располагался в Угровом переулке. Хозяйничала там кислотица карга, недоверчиво оглядевшая их рассеянным взором и прикусившая монету, которую дала ей Кейтилин, чтобы убедиться в том, что она не фальшивая. Комнаты были просторны и полны воздуха, а Морео клялся, что лучшей ухи, чем здесь, не сыщешь во всех Семи Королевствах. Но удобнее всего было то, что их именами хозяйка не интересовалась.

— Я думаю, вам лучше держаться подальше от гостиницы, — сказал сир Родрик, когда они устроились. — Нельзя заранее знать, кого может сюда принести. — Рыцарь облачился в кольчугу и спрятал длинный меч под темным плащом, капюшон которого легко можно было набросить на голову. — Я вернусь к вечеру вместе с сиром Ароном, — пообещал он. — А теперь отдыхайте, миледи.

Она устала. Путешествие было долгим и изнурительным, а она более не чувствовала себя молодой. Окна выходили на переулки и крыши, за ними тускло поблескивала Черноводная. Кейтилин проследила за удалявшейся фигурой сира Родрика. Рыцарь торопливой походкой направился вниз по людной улице и скоро затерялся в толпе. Пришлось последовать его совету. Матрас оказался набитым соломой, а не перьями, но уснула она сразу.

Проснувшись от стука в дверь, Кейтилин резко села. За окном под лучами заходящего солнца багровели крыши Королевской Гавани. Она проспала дольше, чем намеревалась. Кулак вновь забарабанил в дверь, и голос выкрикнул:

— Откройте! Именем короля! Приказываю!

— Мгновение, — отвечала она, закутываясь в плащ. Кинжал лежал возле постели. Она схватила его, прежде чем отпереть тяжелую деревянную дверь. В комнату ворвались люди в

черных кольчугах и золотых плащах городской стражи. Их предводитель улыбнулся, увидев кинжал в ее руке, и сказал:

— Излишняя предосторожность, миледи. Мы должны проводить вас в замок.

— Кто приказал? — спросила она.

Он показал ей ленту. Кейтилин ощутила, как дыхание перехватило ее горло. На сером воске печати вырисовывалось изображение пересмешника.

— Петир, — прошептала она. — Так скоро. Должно быть, что-то случилось с сиром Родриком.

Кейтилин поглядела на старшего из стражников.

— Ты знаешь, кто я?

— Нет, миледи, — отвечал тот, — милорд Мизинец приказал нам только привести вас к нему так, чтобы вы при этом не претерпели никаких неприятностей по дороге.

Кейтилин кивнула:

— Можете подождать снаружи, пока я оденусь.

Она омыла руки в тазу и вытерла их чистым полотном. Неловкие и опухшие пальцы с трудом застегнули платье и завязали под горлом толстый коричневый плащ. Как мог узнать Мизинец, что она находится здесь? Сир Родрик никогда бы не сказал ему этого. Он стар, упрям и безупречно верен. Неужели они опоздали и Ланнистеры уже успели достичь Королевской Гавани? Нет, если бы это было так, Нед тоже был бы здесь, а тогда он сам пришел бы к ней. Как же?..

Тут она поняла. Морео! Тирошиец — черти бы его взяли — знал, кто они и где остановились. Можно было не сомневаться в том, что он хорошо заработал на этом.

Для нее привели коня. Все фонари вдоль улиц были зажжены, и, окруженная стражей, Кейтилин ощущала на себе глаза всего города. Когда они добрались до Красного замка, решетка была опущена и Великие ворота уже закрылись на ночь, хотя в окнах замка было полно мерцающих огней. Гвардейцы оставили своих коней за стеной, проводили ее через узкую калитку, а потом по бесконечной лестнице она поднялась в башню.

Мизинец находился в комнате один, он сидел за тяжелым деревянным столом и писал в свете масляной лампы. Когда ее ввели, он отложил перо, поглядел на нее и негромко сказал:

— Кет!

— Почему ты приказал доставить меня сюда таким образом?

Он поднялся и резко махнул стражникам.

— Оставьте нас.

Люди ушли.

— Надеюсь, что с тобой обходились вежливо, — сказал он после того, как они вышли. — Я дал им твердые наставления. — Он заметил ее повязки. — Твои руки...

Кейтилин игнорировала вопрос.

— Я не привыкла, чтобы со мной обращались, как со служанкой, — сказала она ледяным тоном. — В детстве у тебя были лучшие манеры.

— Я прогневал вас, миледи, простите; я не хотел этого.

Петир явно раскаивался. Взгляд извлек из памяти яркие воспоминания: в детстве он всегда был лукавым ребенком, но после проказ обычно принимал невинное обличье, так уж он был устроен. Годы не слишком-то переменили Петира. Невысокий, он так и не вырос, оставшись на дюйм или два ниже Кейтилин. Тонкий и быстрый, он сохранил острые черты, памятные ей, и те же самые смеющиеся серо-синие глаза. Подбородок его теперь украшала

небольшая, острым клинышком борода, темные волосы Петира пронизывала седина, хотя ему еще не было и тридцати. Шевелюра его гармонировала с серебристым пересмешником, которым был застегнут плащ. В детстве он тоже любил серебро.

— Откуда ты узнал, что я в городе? — спросила она.

— Лорд Варис знает все, — ответил Петир с лукавой улыбкой. — Он скоро присоединится к нам, но сначала я хотел повидать тебя. Кет, как это было давно, сколько же лет прошло?

Кейтилин игнорировала его фамильярность. У нее были более важные дела.

— Итак, меня обнаружил королевский паук?

Мизинец дернулся.

— Не надо так называть его. Он очень чувствителен — должно быть, потому, что евнух. В этом городе не случается ничего такого, о чем не знал бы Варис. А иногда он заранее узнает о том, что случится. У него повсюду есть доносчики... маленькие птички — так он зовет их. Одна из его птах услышала о твоём прибытии. К счастью, Варис пришел сразу ко мне.

— Почему к тебе?

Он пожал плечами:

— А почему бы и нет? Я здесь мастер над монетой, личный советник короля. Селми и лорд Ренли уехали на север встречать Роберта, лорд Станнис отправился на Драконию Камень, остались только я и мейстер Пицель. Я был самой очевидной кандидатурой. Я всегда был другом твоей сестры Лизы, и Варис знает об этом.

— А Варис знает о...

— Лорд Варис знает обо всем... кроме причин, которые привели тебя сюда. — Он приподнял бровь. — Итак, почему ты здесь?

— Жена вправе желать мужа, а если мать решила повидать дочерей, кто может отказать ей?

Мизинец расхохотался:

— Весьма убедительные доводы, миледи, однако прошу вас не рассчитывать, что я поверю им. Для этого я знаю вас слишком хорошо. Как там говорят Талли?

Горло Кейтилин пересохло.

— Семья, долг, честь, — строгим голосом повторила она. Петир хорошо знал этот девиз.

— Семья, долг, честь, — отозвался он. — И то, и другое, и третье требуют, чтобы ты оставалась в Винтерфелле, где десница оставил тебя. Нет, миледи, что-то случилось, твое внезапное путешествие свидетельствует о срочном деле. Прошу, разреши мне помочь тебе, старые друзья должны полагаться друг на друга.

В дверь негромко постучали.

— Войдите, — позвал Мизинец.

Дверь открыл пухлый, надушенный, напудренный и безволосый, как яйцо, человек, в жилете, расшитом золотой нитью, и свободной мантии из пурпурного шелка. На ногах его были шлепанцы из мягкого бархата с заостренными носами.

— Леди Старк, — сказал он, принимая ее руку обеими, — я просто счастлив видеть вас после столь долгих лет. — Прикосновение его было мягким и влажным, а дыхание отдавало сиренью. — О бедные руки! Неужели вы обожглись, милая леди? Пальцы столь нежны... наш добрый мейстер Пицель делает великолепную мазь, я могу послать за горшочком?

Кейтилин высвободила руку.

— Благодарю вас, милорд, но мой мейстер Лювин уже приглядел за моей раной.

Варис покачал головой:

— Я с глубокой скорбью узнал о случившемся с вашим сыном. Он так молод, но боги жестоки.

— В этом я с вами согласна, лорд Варис, — проговорила она. Титулом этим пользовались лишь из почтения к члену совета; лорд Варис ничем не правил, кроме собственной паутины, и был повелителем лишь своих шептунов.

Евнух развел мягкие руки.

— Но я все-таки надеюсь, милая леди. Я весьма уважаю вашего мужа, нашу новую десницу, и знаю, что мы оба любим короля Роберта.

— Да, — пришлось согласиться ей. — Конечно.

— В стране еще не было короля столь любимого, как наш Роберт, — вмешался Мизинец. Он лукаво улыбнулся. — По крайней мере так уверяет лорд Варис.

— Добрая леди, — заявил Варис с полной убежденностью в голосе. — В Вольных Городах есть люди, обладающие удивительной целительной силой. Скажите лишь слово, и я пошлю за одним из них ради нашего дорогого Брана.

— Мейстер Лювин уже сделал для Брана все возможное, — сказала она, не желая разговаривать об изувеченном сыне здесь, с этими людьми. Мизинцу она доверяла лишь отчасти, а Варису вовсе не доверяла. Нельзя позволять им видеть ее горе. — Лорд Бейлиш сказал мне, что я должна поблагодарить вас за то, что меня доставили сюда.

Варис хихикнул, как распутная девчонка:

— О да. Признаюсь вам в своей вине и надеюсь на прощение, добрая леди. — Он опустил в кресло и сложил руки. — А нельзя ли попросить вас показать нам кинжал?

Ошеломленная, не веря своим ушам, Кейтилин Старк глядела на евнуха. Действительно паук, подумала она, чародей или хуже того. Этот знает вещи, которых не знает никто, кроме...

— А что вы сделали с сиром Родриком? — потребовала она ответа.

Мизинец сделал вид, что ничего не понимает:

— Я ощущаю себя рыцарем, который явился на поле боя, забыв свое копьё. О каком кинжале мы говорим? Кто такой сир Родрик?

— Сир Родрик Кассель — мастер над оружием в Винтерфелле, — пояснил ему Варис. — Уверяю вас, леди Старк, с добрым рыцарем ничего не случилось. Он заходил сюда сегодня утром, посетил сира Арона Сантагара в оружейной, где они и поговорили о кинжале. А к закату оба рыцаря вместе оставили замок и отправились к той жуткой дыре, где вы остановились. Они и сейчас там, пьют в гостиной и ждут вашего возвращения. Сир Родрик весьма расстроился, обнаружив ваше отсутствие.

— Откуда вы знаете все это?

— Птички нашептывают, пичужки, — отвечал Варис улыбаясь. — Я знаю все, милая леди. Такова природа моей службы. — Он пожал плечами. — Итак, кинжал сейчас при вас?

Кейтилин извлекла оружие из-под плаща и бросила на стол перед ним.

— Вот он. Быть может, ваши пташки начирикают и имя человека, которому он принадлежит?

Варис поднял нож с преувеличенной осторожностью и провел пальцем вдоль края. Выступила кровь, он вскрикнул и уронил кинжал обратно на стол.

— Осторожно, — предупредила Кейтилин. — Он очень острый.

— Ничто так не держит заточку, как валирийская сталь, — проговорил Мизинец и, пока Варис сосал кровоточащий палец, мрачно и многозначительно качал головой, глядя на Кейтилин. Потом Петир непринужденно взвесил нож на руке, опробовал рукоятку. Подбросил в воздух, поймал другой рукой. — Какой баланс! Значит вам нужно отыскать владельца, и за этим вы пожаловали сюда? Для этого сир Арон вам не потребуется, миледи. Надо было сразу обратиться ко мне.

— Ну а если так, — проговорила она, — что скажешь мне ты?

— Я бы рассказал тебе, что в Королевской Гавани видели лишь один такой кинжал.

Взявшись большим и указательным пальцами за острие, он бросил кинжал назад через плечо заученным движением кисти. Нож вонзился в дверь и глубоко застрял в дубовой доске.

— Он мой.

— Твой? — Это было бессмысленно. Петир не приезжал в Винтерфелл.

— Он был моим до турнира в честь именин принца Джоффри, — сказал он, пересекая комнату, чтобы извлечь кинжал из дерева. — В тот день вместе с половиной двора я ставил на сира Джейме. — Застенчивая улыбка вновь сделала из Петира мальчишку. — Когда Лорас Тирелл выбил его из седла, многие из нас чуточку обеднели. Сир Джейме потерял сотню золотых драконов, королева — изумрудный кулон, а я — свой нож. Ее величество получила свой изумруд назад, но победитель сохранил остальное.

— Кто он? — спросила она голосом, сухим от страха. Пальцы ее заныли, забытая боль вновь пронзила их.

— Бес, — сказал Мизинец, пока лорд Варис следил за ее лицом. — Тирион Ланнистер.

Во дворе раздавался звон мечей. По груди наступавшего Джона под черной шерстью, вареной кожей и панцирем ледяными струйками сочился пот. Гренн споткнулся, шагнул вперед и неловко отразил удар. Когда он замахнулся мечом, Джон ударил под ним сбоку, угодив сзади в ногу юноши, и тот снова споткнулся. Отбив ответный выпад Гренна, он угодил в шлем. Когда тот попытался ударить сбоку, Джон отбросил его клинок и вlepил бронированным кулаком в грудь. Гренн пошатнулся и уселся в снег. Джон выбил его меч ударом по пальцам, заставившим сидящего взвыть.

— Довольно! — Голос сира Аллисера Торне звенел валирийской сталью.

Гренн держался за руку.

— Бастард разбил мне кисть.

— Бастард подсек твои сухожилия, раскрыл пустой череп и отрезал руку. Отрезал бы, будь у этих клинков лезвие. Впрочем, тебе повезло. Дозору, кроме разведчиков, нужны и конюхи. — Сир Аллисер махнул Джерену и Жабе. — Поставьте Зубра на ноги, он должен позаботиться о своих похоронах.

Джон отошел в сторону и снял шлем, пока другие юноши поднимали Гренна на ноги. Морозный утренний воздух прикоснулся к его лицу. Он оперся на меч, глубоко вздохнул и позволил себе короткое мгновение наслаждения победой.

— Это длинный меч, а не посох старца, — резко бросил сир Аллисер. — Или у вас ноги болят, лорд Сноу?

Джон ненавидел эту насмешливую кличку, которой сир Аллисер наградил его в первый же день упражнений. Мальчики подхватили ее, и теперь она раздавалась повсюду.

Опустив длинный меч в ножны, Джон ответил:

— Нет.

Торне шагнул к нему, скрипучая черная кожа сухо пришепetyвала при ходьбе. Аккуратный мужчина пятидесяти лет, жесткий и сухощавый, седина в черных волосах, и глаза словно кусочки оникса.

— А теперь говори правду, — приказал он.

— Я устал, — признался Джон. Натруженная мечом рука его ныла, он уже начинал ощущать оставленные схваткой синяки.

— Это потому, что ты слабак.

— Я победил.

— Нет. Это Зубр проиграл.

Один из мальчишек фыркнул. Джон знал, что лучше не отвечать. Он побил всех, кого мог выставить против него сир Аллисер, но ничего не добился. Оружейных дел мастер выказывал лишь возмущение. Торне ненавидит его, решил Джон, впрочем, других мальчишек он ненавидит еще сильнее.

— Ну, на сегодня все, — сказал им Торне. — Новую порцию бестолковости нынче я уже не смогу переварить. Если за нами придут Иные, мне останется только молиться, чтобы у них нашлись и стрелки, поскольку вы годитесь только на мишени для стрел.

Следом за прочими Джон направился в арсенал. Он часто ходил здесь один. Группа, в которой он учился, состояла без малого из двадцати юношей, но ни одного из них он не смог бы назвать другом. В основном они были на два-три года старше его, однако таких, кто умел

бы владеть оружием хотя бы вполовину хуже Робба в его четырнадцать, среди них не было. Быстрый Дарион опасался ударов. Пип пользовался мечом, как кинжалом. Джерен был слаб, как девица. Гренн нетороплив и неуклюж. Халдер рубил жестко, но постоянно открывался. И каждый новый день, проведенный среди них, заставлял Джона презирать этот сброд все больше и больше.

Оказавшись внутри, Джон, не обращая внимания на всех остальных, повесил меч и ножны на крюк, торчавший из каменной стены. А потом методично начал снимать кольчугу, кожу и пропитанное потом шерстяное белье. В обоих концах длинной комнаты на железных жаровнях тлели угольки, но Джон обнаружил, что дрожит. Здесь холод никогда не оставлял его. Через несколько лет он вообще забудет, что такое тепло.

Усталость навалилась внезапно, когда он натянул грубую повседневную одежду из черной ткани. Джон сел на скамью, пальцы его возились с застежками плаща. Как холодно, подумал он, вспоминая теплые залы Винтерфелла, где горячая вода бежала в стенах, словно кровь в человеческом теле. В Черном замке тепла искать было негде. Стены его были холодны, а люди казались еще холоднее.

Никто не говорил ему, что в Ночном Дозоре придется так туго; никто, кроме Тириона Ланнистера. По дороге на север карлик открыл ему правду, но сделал это чересчур поздно. Джон подумал о том, знал ли его отец, как обстоят дела на Стене. Наверное, знал, решил он и ощутил новую боль.

Даже дядя забросил его в этом холодном месте на краю света. Здесь, наверху мира, знакомый ему остроумный Бенджен Старк сделался другой особой. Он был первым разведчиком и проводил свои дни и ночи с лордом-командующим Мормонтом, мастером Эйемоном и другими высшими офицерами. Джон был предоставлен менее чем ласковому попечению сира Аллисера Торне.

Через три дня после их прибытия Джон услышал, что Бенджен Старк собирается повести полдюжины человек на разведку в Зачарованный лес. Той же ночью он отыскивал своего дядю в большом, обшитом деревом зале и попросил взять с собой. Бенджен коротко отказал.

— Это не Винтерфелл, — говорил он, разрезая мясо кинжалом и цепляя его вилкой. — На Стене человек получает лишь то, что заслуживает. Джон, ты пока не разведчик, ты — зеленый мальчишка, от которого еще пахнет летом.

Джон возразил глупым голосом:

— Но в именины мне будет уже пятнадцать, я почти взрослый!

Бенджен Старк нахмурился.

— Ты еще мальчишка и таковым останешься, пока сир Аллисер не скажет, что ты годен к службе в Ночном Дозоре. Если ты решил, что кровь Старков позволит тебе заслужить легкие почести, то ошибся. На Стене, принося присягу, мы отрекаемся от наших семей. Твой отец навсегда останется в моем сердце, но мои братья перед тобой. — Он показал кинжалом в сторону окружавших его людей, жестких холодных мужчин, облаченных в черное.

На следующий день Джон встал с рассветом, чтобы проводить дядю. Один из разведчиков, рослый и уродливый, пел непристойную песню, седлая своего коня, дыхание курилось парком в холодном утреннем воздухе. Бен Старк улыбался, но к племяннику обратился без улыбки:

— Сколько раз нужно мне говорить тебе нет, Джон? Переговорим, когда я вернусь.

А потом, провожая взглядом дядю, уводившего коня в тоннель, Джон вспомнил все, что

говорил ему на Королевском тракте Тирион Ланнистер, и вдруг представил ярко, словно наяву, Бена Старка мертвым в алом пятне на снегу. От мысли этой ему сделалось нехорошо. Что за странные видения, в кого же он превращается? В своей одинокой каморке Джон отыскал волчонка и спрятал лицо в густой белый мех. Если он должен всегда быть один, значит, одиночество должно сделаться его броней. В Черном замке не было богороши, в здешней небольшой септе служил пьяный септон, но Джон не мог найти в себе сил, чтобы помолиться старым или новым богам. Если эти боги существуют, подумал он, то они жестоки и безжалостны, словно зима.

Ему не хватало сводных братьев: крохи Рикона, с блестящими глазками выпрашивающего очередную конфету; Робба, соперника и лучшего друга, постоянно находящегося рядом; Брана, упрямого и любопытного, всегда желающего увязаться за Джоном и Роббом и присоединиться к ним в любых делах. Не хватало ему и девочек; даже Сансы, которая ни разу не назвала его по имени с той поры, когда она выросла настолько, чтобы понимать, что такое бастард. И Арья... ее ему не хватало еще больше, чем Робба, невысокой и бойкой, с расцарапанными коленками и перепутанными волосами, в порванном платье, отчаянной и своенравной. Арья всегда оказывалась не там, где надо — как и он сам, — и всегда умела заставить Джона улыбнуться. Он отдал бы все что угодно, чтобы оказаться сейчас с ней рядом, еще раз взлохматить ее волосы, увидеть ее гримасы, поддержать ее болтовню.

— Ты перебил мне руку, бастард.

Джон поднял глаза, услышав угрюмый голос. Над ним возвышался Гренн: толстая шея, красная рожа, рядом трое дружков. Джон знал Тоддера, невысокого уродливого парня с невнятной речью. Рекруты прозвали его Жабой. Другие двое оказались теми, кого Йорен прихватил с собой на север, — это были насильники, взятые в Перстах. Джон забыл их имена, он старался не разговаривать с ними. Грубые невежды, не знающие чести, они были противны ему.

Джон поднялся.

— Перебью и вторую, если ты вежливо попросишь. — Гренну уже исполнилось шестнадцать, ростом он на целую голову был выше Джона. Но это не испугало бастарда: каждого из них он победил во дворе.

— А может быть, это сделаем мы, — сказал один из насильников.

— Попробуй. — Джон потянулся за мечом, но кто-то перехватил его руку и заломил за спину.

— Из-за тебя нас считают плохими, — пожаловался Жаба.

— Ты был сквернавцем еще до того, как я встретил тебя, — ответил Джон. Парень, вцепившийся в его руку, надавил, боль пронзила плечо, но Джон молчал.

Жаба подступил ближе.

— У этого маленького лорденьша большой рот, — заявил он, блеснув крохотными свиными глазками. — А это мамочкин рот, бастард? И кем же она у нас будет, не шлюхой ли? Как ее звать? А то, может, я с ней переспал бы разок-другой. — Он расхохотался.

Джон вывернулся угрем и ударил пяткой между ног мальчишку, державшего его. Раздался громкий крик боли, и Джон освободился. Бросившись на Жабу, он повалил его спиной на скамью и, ухватив обеими руками за горло, ударил затылком об утоптанную землю.

Двое из Перстов перехватили Джона и грубо отбросили в сторону. Гренн начал бить его

ногами. Джону оставалось только одно — откатываться от ударов. Их прервал грохочущий голос, прозвучавший в полутьме арсенала:

— ПРЕКРАТИТЬ! НЕМЕДЛЕННО!

Джон поднялся на ноги. Донал Нойе гневно смотрел на них.

— Для драк отведен двор, — проговорил оружейник. — Все ваши ссоры улаживайте снаружи, или я приму их на свой счет. Вам это не понравится.

Жаба сидел на полу, ощупывая затылок. На пальцах его оказалась кровь.

— Он пытался убить меня.

— Верно, я видел это, — вставил один из насильников.

— Он перебил мне руку, — вновь проговорил Гренн.

Оружейник уделил руке самый короткий взгляд.

— Синяк, быть может, ушиб. Мейстер Эймон даст тебе мазь. Ступай с ним, Тоддер, покажи голову. А все остальные по своим местам. Кроме тебя, Сноу. Останься.

Когда все остальные вышли, Джон тяжело опустился на длинную деревянную скамью, забыв о взглядах, которые молчаливо сулили будущую компенсацию. Рука его пульсировала от боли.

— Дозор нуждается в каждом человеке, которого может получить, — проговорил Донал Нойе, когда они оказались вдвоем. — Даже таком, как Тоддер! Ты не заслужишь никаких почестей, если убьешь его.

Джон гневно вспыхнул.

— Он сказал, что моя мать...

— ...шлюха. Я слышал. Ну и что?

— Лорд Эддарт Старк не из тех людей, кто спит со шлюхами, — едким голосом проговорил Джон. — Его честь...

— ...не помешала ему родить бастарда. Так?!

Джон похолодел от ярости.

— Могу я уйти?

— Ты уйдешь, когда я прикажу тебе.

Джон угрюмо смотрел на дымок, курящийся над жаровней, наконец Нойе взял его за подбородок грубыми пальцами, повернул голову в сторону.

— Смотри на меня, когда я разговариваю с тобой, мальчишка.

Джон поглядел. Грудь и пузо оружейника напоминали два бочонка с элем. Плосконосый, он всегда казался небритым. Левый рукав его черной шерстяной туники был пристегнут к плечу серебряной застежкой в форме длинного меча.

— Слова не сделают твою мать шлюхой. Она останется собой, и все слова Жабы этого не изменят. А ты знаешь, что у нас на Стене есть люди, рожденные шлюхами?

Мать моя не из тех, подумал Джон. Он ничего не знал о матери, Старк не рассказывал сыну о ней. И все же она снилась ему по ночам так часто, что он почти помнил ее лицо. Во снах она приходила прекрасной, знатной и глядела на него добрыми глазами.

— Ты полагаешь, что тебе, бастарду знатного лорда, пришлось туго? — продолжал оружейник. — А вот мальчишка Джерен — сын септона, а Коттер Пайк — сын самой настоящей трактирной шлюхи. Теперь он командует Восточным Дозором у моря.

— Мне все равно, — отвечал Джон. — Они мне безразличны, как безразличны мне вы, Торне, Бенджен Старк и все остальные. Я ненавижу это место. Здесь... слишком холодно.

— Да, здесь холодно, сурово и скучно, это Стена, и такие люди ходят по ней. Ничуть

непохожие на те сказки, которыми потчевала тебя нянька? Так что можешь насрать на эти сказки и на свою няню. Такая здесь жизнь, и тебе предстоит такая же судьба, как и всем остальным.

— Жизнь, — с горечью повторил Джон. Оружейник мог говорить о жизни. Он знал ее. Нойе надел черное после того, как потерял руку во время осады Штормового Предела. Перед тем он был кузнецом у брата короля Станниса Баратеона. Донал видел все Семь Королевств от края до края. Он пировал, знал девок и сражался в сотне битв. Говорили, что именно Донал Нойе выковал для короля боевой топор, тот самый, которым Роберт лишил жизни Рейегара Таргариена возле Трезубца. Донал пережил все, чего не суждено испытать Джону, и уже в зрелом возрасте, на четвертом десятке, получил скользящий удар топора. Рана загнила так, что пришлось отнять всю руку. Только тогда изуродованный Донал Нойе отправился на Стену, где его жизнь, можно считать, закончилась.

— Да, жизнь, — отвечал Нойе. — А длинная или короткая — это зависит от тебя, Сноу. Судя по пути, на который ты вступил, однажды ночью один из братьев перережет тебе горло.

— Это не мои братья, — отрезал Джон. — Они ненавидят меня, потому что я лучше их.

— Нет, они ненавидят тебя потому, что ты ведешь себя так, как будто считаешь себя лучше их. Они видят в тебе воспитанного в замке бастарда, который считает себя маленьким лордом. — Оружейник нагнулся ближе. — Ты не лорденыш, помни об этом. Ты Сноу, а не Старк. Ты — бастард и задира.

— Задира?! — Джон едва не поперхнулся. Обвинение оказалось столь несправедливым, что он буквально лишился дыхания. — Это они напали на меня. Их было четверо.

— Четверо, которых ты унижил во дворе. Четверо, которые боятся тебя. Я слежу за вашими боями. Ты не учишься в поединках. Дай тебе острый меч, и они будут мертвы; я знаю это, и они тоже. Ты не предоставляешь им даже шанса. Ты позоришь их. Неужели это тешит твою гордость?

Джон помедлил. Он радовался победам. Почему бы и нет? Но оружейник лишал его теперь и последнего утешения; получалось, что он делает что-то скверное.

— Они же старше меня, — сказал он оборонительным тоном.

— Они сильнее, старше и выше, это правда. Но, держу пари, мастер над оружием научил тебя в Винтерфелле сражаться и с теми, кто выше тебя. Кто это, какой-нибудь старый рыцарь?

— Сир Родрик Кассель, — с опаской отвечал Джон. Он чувствовал ловушку, она смыкалась вокруг него.

Донал Нойе склонился вперед к лицу Джона.

— А теперь подумай вот о чем, парень. Никто из них до сира Аллисера не имел дел с оружейных дел мастерами. Отцы их были фермерами, погонщиками фургонов, браконьерами, кузнецами, рудокопами, наемными гребцами на галях. Всех своих знаний о боевом мастерстве они поднабрались между палубами, в переулках старой части Ланниспорта, в борделях и тавернах у Королевского тракта. Возможно, прежде чем попасть сюда, им удалось несколько раз постучать палками, но поверь мне, ни один из двадцати не имел денег, чтобы купить настоящий меч. — Взгляд его оставался мрачным. — Теперь вы ощущаете вкус своих побед, лорд Сноу?

— Не зови меня так! — резко сказал Джон, но гнев его поутих. Он вдруг почувствовал себя пристыженным и виноватым. — Я никогда... я не думал...

— Тогда подумай, — остерег его Нойе. — Иначе придется спать с кинжалом под

подушкой. Теперь ступай.

Когда Джон оставил арсенал, был почти полдень. Лучи солнца пробивались сквозь облака. Джон повернулся к светилу спиной и возвел глаза к Стене, искрящейся синим хрусталем под солнечными лучами. Даже после всех этих недель вид ее невольно заставлял трепетать его сердце. Столетиями ветер нес пылинки, ранившие ее, шлифовавшие, покрывавшие пленкой... нередко она отливала серостью пасмурного неба. Но когда солнце освещало ее в ясный день, Стена горела собственным светом: колоссальный белый утес, выраставший до половины неба.

— Руки человека не возводили более великого сооружения, — сказал ему Бенджен Старк, когда они впервые заметили Стену с Королевского тракта.

— И вне сомнения, более бесполезного, — добавил Тирион Ланнистер с ухмылкой. Но даже Бес замолчал, когда они подъехали ближе.

До Стены еще было много миль... Бледно-синяя полоса на севере уходила на восток и запад; могучая и ровная, она как будто бы отмечала конец мира. Когда они наконец заметили Черный замок, его деревянные дома и каменные башни показались горсткой игрушек, брошенных на снег возле огромной ледяной горы. Древняя твердыня Черных Братьев была не похожа на Винтерфелл, она ничуть не напоминала замок. У нее не было стен, ее нельзя было защитить ни с юга, ни с запада; все внимание Ночного Дозора было направлено только на север, где и возвышалась Стена. Она поднималась почти на семьсот футов,^[7] и в три раза превышала высоту самой высокой башни Черного замка.

Отец говорил, что по верху Стены может разом проехать дюжина вооруженных рыцарей. Призрачные, если смотреть снизу, катапульты и чудовищные деревянные краны, подобные скелетам огромных птиц, караулили наверху; среди них ходили люди, крохотные, как муравьи.

Вот и сейчас, выйдя из арсенала, Джон ощутил тот же трепет, как и в тот день на Королевском тракте, когда он впервые увидел Стену. Такова уж она. Иногда он забывал о ней, как забывают о небе или земле под ногами, но бывали мгновения, когда, казалось, ничего, кроме Стены, на свете не существует. Она была старше Семи Королевств. И когда Джон поднимал голову к ее гребню, голова его шла кругом. Он буквально чувствовал всю тяжесть давящего на него льда, словно бы Стена готова была разрушиться, а с ее падением мог рухнуть весь мир.

— Гадаешь, что там за ней? — послышался знакомый голос.

Джон оглянулся.

— Ланнистер. Я не видел... то есть я думал, что я здесь один.

Закутанный в меха, Тирион Ланнистер казался настоящим медвежонком.

— Говорят, что полезно заставить людей врасплох. Никогда не знаешь, что можно тогда узнать.

— От меня ничего не узнаешь, — усмехнулся Джон. Он нечасто встречал карлика после окончания путешествия. Тириона Ланнистера, брата королевы, принимали в Ночном Дозоре, как почетного гостя. Лорд-командующий выделил ему комнаты в Королевской башне, носившей это имя, несмотря на то что ни один король не посещал ее целый век. Ланнистер обедал за собственным столом Мормонта, все свои дни проводил, разъезжая по Стене, а ночами играл в кости и карты и пил вместе с сиром Аллисером, Боуэном Маршем и другими высшими офицерами.

— О, я учусь всему, где бы ни оказался. — Человечек указал на Стену узловатой черной

палкой. — Как там я говорил... интересно получается, когда один человек строит стену, другому немедленно нужно узнать, что находится на другой стороне. — Он наклонил голову набок и поглядел на Джона разноцветными глазами. — А ты хочешь узнать, что находится на другой стороне, так ведь?

— Ничего особенного, — проговорил Джон. Он мечтал уехать с Бендженем Старком на разведку, погрузиться в тайны Зачарованного леса, хотел сразиться с дикарями Мансаналетчика, охранять страну от Иных, но о том, чего он хотел, лучше было не говорить. — Разведчики рассказывают, что там только леса, горы и замерзшие озера, много снега и льда.

— А еще там водятся грамкины и снарки, — проговорил Тирион. — Не следует забывать про них, лорд Сноу, иначе зачем же выстроили такую большую штуковину.

— Не называй меня лордом Сноу.

Карлик приподнял бровь.

— Ты бы предпочел зваться Бесом? Дай людям только заметить, что слова ранят тебя, и тебе никогда не избавиться от насмешек. А если к тебе прилепили кличку, прими ее и сделай своим собственным именем. Тогда они не сумеют больше ранить тебя. — Он указал палкой в сторону. — Давай-ка пройдемся. Сейчас в столовой подают какой-то мерзкий отвар, а мне бы хотелось чего-то горячего.

Джон тоже был голоден, а поэтому направился вместе с Ланнистером, подгоняя свой шаг под раскачивающуюся походку карлика. Поднимался ветер, и было слышно, как кряхтят старые деревянные дома, как вновь и вновь хлопает вдали забытая тяжелая ставня. На повороте, глухо ухнув, с крыши перед ними съехал целый снежный пласт.

— Не вижу твоего волка, — сказал Ланнистер по дороге.

— Я посадил его на цепь в старой конюшне, там, где мы занимаемся. Сейчас всех лошадей держат в восточных конюшнях, поэтому он никому не мешает. Остальное время он проводит со мной. А сплю я в башне Хардина.

— Это та, с поломанными зубцами? Та, возле которой на груде щебня стоит камень, прислонившись к стене прямо как наш благородный король Роберт после долгой попойки? Я думал, она давно заброшена.

Джон пожал плечами:

— До того, где ты спишь, здесь никому нет дела. Дома в основном пусты, выбирай себе любую келью.

Когда-то Черный замок вмещал четыре тысячи воинов вместе с конями, слугами и оружием. Теперь в нем обитала едва ли десятая доля прежнего числа защитников Стены, и замок уже начинал разрушаться.

Смешок Тириона Ланнистера струйкой взвился в холодный воздух.

— Постараюсь напомнить твоему отцу, чтобы он арестовал несколько каменщиков и отправил сюда, прежде чем твоя башня рухнет.

Джон понимал насмешку, но не видел смысла в отрицании правды. Некогда Дозор соорудил девятнадцать больших крепостей вдоль Стены, но теперь мог пользоваться лишь тремя: Восточной крепостью, расположенной на сером, продутом ветрами берегу; Сумеречной башней у подножия гор, в которые упиралась своим концом Стена; и Черным замком между ними на Королевском тракте. Остальные крепости, давно заброшенные, превращались в унылые скорбные руины, где холодные ветры свистели в черных окнах и лишь духи усопших выходили на боевые парапеты.

— Лучше спать одному, — упрямо проговорил Джон. — Все боятся Призрака.

— Мудрые ребята, — усмехнулся Ланнистер, меняя тему. — Говорят, что твой дядя слишком долго отсутствует.

Джон вспомнил видение, представившееся ему при расставании, когда он разозлился на дядю — Бенджена Старка, распростертого в снегу, — и быстро отвернулся. Карлик умел ощущать чужие мысли, и Джон не хотел, чтобы спутник заметил вину в его глазах.

— Он обещал вернуться к моим именинам, — заметил Джон. Но именины пришли и ушли, никем не замеченные, две недели назад. — Они разыскивали сира Уэймара Ройса, отец его — знаменосец у лорда Аррена. Дядя Бенджен говорил, что собирается добраться до самой Сумеречной башни и даже подняться в горы.

— Я слышал, что в последнее время пропало довольно много разведчиков, — проговорил Ланнистер, поднимаясь на ступени зала. Он ухмыльнулся и распахнул дверь. — Должно быть, грамкины в этом году голодны.

В просторном зале было холодно, невзирая на огонь, ревуший в большом очаге. Вороны сидели на перекладинах потолка. Выслушивая крики над головой, Джон принял чашу похлебки и ломоть черного хлеба от дежурных поваров. Гренн, Жаба и кое-кто из остальных сидели за скамьями возле тепла, они смеялись и перебранивались грубыми голосами. Джон задумчиво посмотрел на них, а потом выбрал себе место в дальнем конце зала, подальше от остальных едоков.

Тирион Ланнистер сел напротив него, с подозрением приюхиваясь к похлебке.

— Ячмень, лук, морковка, — пробормотал он. — Нужно сказать поварам, что репка — это не мясо.

— Зато бульон бараний. — Джон стащил перчатки и принялся греть руки над паром, поднимающимся из чаши. Запах наполнил его рот слюной.

— Сноу.

Джон узнал голос Аллисера Торне, но теперь в нем слышалась еще незнакомая нотка. Он повернулся.

— Лорд-командующий желает немедленно видеть тебя.

На миг Джон слишком испугался, чтобы пошевеливаться. Зачем лорду-командующему видеть его? Наверное, что-то узнали о Бенджене, подумал он в отчаянии. Он погиб, видение оправдалось.

— Речь идет о моем дяде? — выпалил он. — Он вернулся?

— Лорд-командующий не привык ждать, — сказал сир Аллисер. — А я не привык, чтобы бастарды обсуждали мои приказы.

Тирион Ланнистер повернулся на скамье и поднялся.

— Прекратите, Торне. Вы только напрасно пугаете мальчишку.

— Не вмешивайтесь в дела, вас не касающиеся, Ланнистер. Ваше место не здесь.

— Конечно же, мое место при дворе, — улыбнулся карлик. — Но одно слово, сказанное в нужное ухо, и вы умрете кислым старцем, прежде чем получите другого мальчишку на воспитание. А теперь скажите Сноу, почему Старый Медведь хочет видеть его. Что-то случилось с его дядей?

— Нет, — проворчал сир Аллисер. — Дело совершенно в другом. Этим утром прилетела птица из Винтерфелла, весть касается его брата. Его сводного брата.

— Бран, — выдохнул Джон, вскакивая на ноги. — Что-то случилось с Браном!

Тирион Ланнистер положил руку на его плечо.

— Джон, — сказал он, — мне искренне жаль.

Джон едва слышал его. Смахнув руку Тириона, он выскочил из зала. Захлопнув дверь, он побежал прямо через сугробы старого снега. Когда стражники пропустили его внутрь башни, он бросился наверх, перескакивая через две ступеньки. Перед лордом-командующим он появился в мокрых сапогах и с отчаянием во взоре.

— Бран, — проговорил Джон. — Что там сказано о Бране?

Джиор Мормонт, лорд-командующий Ночного Дозора, ворчливый старик с огромной лысиной во всю голову и клокастой седой бородой, сидел, держа ворона на руке и скармливая ему зернышки.

— Мне говорили, что ты умеешь читать.

Он стряхнул птицу, отлетевшую к окну; хлопая крыльями, ворон опустился на подоконник, наблюдая за Мормонтом, извлекшим свиток бумаги и передавшим его Джону.

— Зерно, — пробормотала птица хриплым голосом. — Зерно, зерно.

Палец Джона ощутил очертания лютоволка на белом воске сломанной печати. Он узнал почерк Робба, но буквы сливались, пока он пытался их прочитать. Джон понял, что плачет. И сквозь слезы осознал смысл этих слов и поднял голову.

— Он проснулся, — сказал он. — Боги вернули его назад.

— Калеку, — отвечал Мормонт. — Мне очень жаль, мальчик, дочитай до конца.

Он поглядел на слова, но они ничего не значили. Ничего более не значили, раз Бран остается в живых.

— Мой брат будет жить, — сказал он Мормонту.

Лорд-командующий покачал головой, набрал целый кулек зерна и свистнул. Ворон перелетел на его плечо с криком:

— Жить, жить.

Джон побежал вниз по лестнице с улыбкой на губах и письмом Робба в руках.

— Мой брат будет жить, — сообщил он стражам. Они обменялись взглядами. Он вбежал в общий зал, где Тирион Ланнистер доканчивал трапезу. Он подхватил карлика под мышки, подбросил в воздух и закружил вокруг себя с возгласом: — Бран будет жить! — Ланнистер казался изумленным. Джон опустил его и сунул в руку бумагу. — Вот, читай.

Вокруг собирались, поглядывая на него с любопытством. Гренн оказался в нескольких шагах от Джона. Рука его была обмотана толстой шерстяной повязкой. Он казался встревоженным и несчастным, а вовсе не угрожающим. Джон подошел к нему. Гренн отодвинулся, выставив вперед обе руки.

— Теперь держись от меня подальше, бастард!

Джон улыбнулся:

— Прости меня за разбитую руку. Робб однажды ударил меня таким же точно образом, только деревянным мечом. Больно было, как в седьмом пекле. Но тебе сейчас еще больнее. Знаешь, если хочешь, давай я научу тебя контрприему.

Его услышал Аллисер Торне.

— Лорду Сноу угодно принять на себя мои обязанности. Да я скорей научу твоего волка жонглировать, чем ты этих зубров фехтовать.

— Принимаю пари, сир Аллисер, — отвечал Джон. — Мне бы хотелось видеть, как Призрак жонглирует. — Джон услышал, как Гренн затаил дыхание. Все замолчали.

И тут Тирион Ланнистер заржал. К нему присоединились трое Черных Братьев, сидевших за соседним столом. Смех побежал по скамейкам, захихикали даже повара. На балках шевельнулись птицы, наконец даже Гренн улыбнулся.

Аллисер так и не отвел глаза от Джона. Когда смех обежал весь зал, лицо его потемнело и рука сжалась в кулак.

— А вот это была самая прискорбная ваша ошибка, лорд Сноу, — бросил он, словно врагу, самым едким голосом.

Эддард Старк въехал в высокие бронзовые ворота Красного замка усталый, голодный и раздраженный. Он был на коне и мечтал хорошенько попариться в ванне, перекусить жареной дичью, а потом сразу перебраться на перину, когда стюард короля сообщил ему, что великий мейстер Пицель срочно собирает Малый совет. Должность требовала, чтобы Нед почтил собрание своим присутствием.

— Мне было бы удобнее завтра, — спешиваясь, отрезал Нед.

Управляющий отвечал низким поклоном.

— Я передам членам совета ваши слова, милорд.

— Нет, черт побери, — отвечал Нед. Не дело оскорблять совет, даже не приступив к своим обязанностям. — Я посету их. Только предоставьте мне немного времени, чтобы переодеться во что-нибудь презентабельное.

— Да, милорд, — поклонился стюард. — Мы отвели вам в башне Десницы покои, которые прежде занимал лорд Аррен. Если вы не возражаете, я прикажу, чтобы ваши вещи отправили туда.

— Благодарю, — отвечал Нед, снимая с рук перчатки для верховой езды и заталкивая их за пояс. Челядь уже появилась в воротах. Нед заметил Вейона Пуля, собственного управляющего, и позвал его. — Говорят, что я срочно нужен совету. Пригляди за тем, чтобы мои дочери нашли свои спальни, и скажи Джори, чтобы они там оставались. Пусть Арья никуда не выходит. — Пуль поклонился. Нед повернулся к королевскому стюарду: — Мои фургоны все еще тянутся по городу, и я нуждаюсь в какой-либо приличной одежде.

— Я помогу вам с величайшим удовольствием, — отвечал тот.

Получилось, что, когда облаченный в чужую одежду Нед вошел в зал собраний, усталый до самых костей, четверо членов Малого совета уже ожидали его.

Палата была богато обставлена. Вместо тростника пол покрывали мирийские ковры, в уголке, на ширме, привезенной с Летних островов, играли выписанные яркими красками сказочные животные. Стены были завешены гобеленами норвосской, квохорской и лиссенийской работы. Пара валирийских сфинксов стояла возле двери, глаза из полированного граната пылали на черных мраморных ликах.

Как только Нед появился в дверях, к нему обратился самый неприятный Старку советник — евнух Варис.

— Лорд Старк, я с прискорбием узнал о неприятностях, постигших вас на Королевском тракте. Мы все посетили септу и поставили свечи за здоровье принца Джоффри, я молюсь о его выздоровлении. — Рука его оставила пятна пудры на рукаве Неда, от евнуха пахло какой-то сладкой мерзостью, словно бы могильными цветами.

— Боги услышали нас, — отвечал Нед с холодной вежливостью. — Принц выздоравливает буквально на глазах. — Он высвободил свой рукав из ладоней евнуха и направился через всю комнату к лорду Ренли, стоявшему возле ширмы. Тот негромко разговаривал с коротышкой, который мог быть только Мизинцем. Когда Роберт взошел на трон, Ренли был еще восьмилетним мальчишкой, но теперь он вырос и сделался настолько похожим на брата, что Нед находил сходство смущающим. Встречая Ренли, он иногда думал, что годы пролетели бесследно и Роберт вновь предстал перед ним таким же молодцом, каким был после победы возле Трезубца.

— Вижу, что вы прибыли благополучно, лорд Старк, — проговорил Ренли.

— Как и вы, — отвечал Нед. — Простите, но иногда вы кажетесь мне истинной копией Роберта.

— Плохой копией. — Ренли пожал плечами.

— Хотя куда лучше одетой, — вставил Мизинец. — Лорд Ренли расходует на одежду больше, чем половина дворцовых дам.

Выпад был достаточно справедлив. Темно-зеленый бархат дублета лорда был расшит целой дюжиной золотых оленей. Короткий плащ из золоченой ткани удерживала на плече изумрудная брошь.

— Есть и худшие преступления, — отвечал Ренли со смешком. — Например, одеваться, как это делаешь ты.

Мизинец игнорировал укол. Он смотрел на Неда с улыбкой, граничившей с наглостью.

— Много лет я мечтал познакомиться с вами, лорд Старк. Вне сомнения, леди Кейтилин рассказывала вам обо мне.

— Конечно, — отвечал Нед с холодком в голосе. Лукавая надменность слов задела его. — Насколько я понимаю, вы были близко знакомы и с моим братом Брандоном.

Ренли Баратеон расхохотался. Варис приблизился, прислушиваясь.

— Пожалуй, излишне близко, — проговорил Мизинец. — Я до сих пор ношу на себе знак его уважения. Значит, и Брандон рассказывал обо мне?

— Нередко, и с некоторым пылом, — ответил Нед, надеясь, что тема закрыта. На такие словесные дуэли у него не хватало терпения.

— А я думал, что пыл не в обычаях Старков, — усмехнулся Мизинец. — Здесь на юге поговаривают, что Старков отливают изо льда и все они тают по дороге через Перешеек.

— Лорд Бейлиш, я не намереваюсь таять. Можете не сомневаться в этом. — Нед подошел к столу совета и сказал: — Мейстер Пицель, надеюсь, вы хорошо себя чувствуете?

Великий мейстер мягко улыбнулся из высокого кресла, замыкавшего стол.

— Достаточно хорошо для моих лет, милорд, — отвечал он. — Однако, увы, быстро утомляюсь. — Ключки белых волос обрамляли широкий купол лба над белым лицом. Оплечье мейстера представляло собой не простой металлический воротник, как у Лювина: две дюжины цепей сплетались вместе, образуя изумительное ожерелье, прикрывавшее плечи мейстера до горла. На звенья пошел всякий известный человеку металл: черное железо, червонное золото, яркая медь, тусклый свинец, сталь, олово, бледное серебро, бронза и платина. Работу кузнеца украшали гранаты, аметисты и черные жемчужины, тут и там мелькали рубины и изумруды.

— По-моему, пора начинать, — проговорил великий мейстер, сплетая руки на объемистом чреве. — Боюсь, что я могу уснуть, если ожидание затянется.

— Как угодно. — Королевское место во главе стола оставалось пустым, вышитый золотой ниткой коронованный олень Баратеонов скакал по его спинке. Нед занял кресло возле, как подобает правой руке короля. — Милорды, — произнес он вежливо. — Приношу свои сожаления в том, что заставил вас ждать.

— Вы — десница короля, — отвечал Варис. — Мы рады угодить вам, лорд Старк.

Когда остальные заняли свои привычные места, Эддард Старк вдруг заметил, насколько он не на месте здесь — в этой комнате, посреди этих людей. Он вспомнил, что Роберт говорил ему в крипте под Винтерфеллом. «Я окружен льстецами и глупцами», — сказал тогда король. Нед оглядел стол совета и попытался определить, кого здесь можно считать

льстецом, а кого дураком. Прикинув ответ, он промолвил:

— Но вас всего пятеро.

— Лорд Станнис отправился на Драконий Камень вскоре после того, как король уехал на север, — ответил Варис. — А наш галантный сир Барристан, вне сомнения, сопровождает государя по городу, как подобает лорду-командующему Королевской гвардией.

— Быть может, лучше подождать сира Барристана и короля? — предложил Нед.

Ренли Баратеон громко расхохотался:

— Если мы примемся ждать, пока брат мой почтит нас своим королевским присутствием, то застрянем здесь не на один день.

— У нашего доброго короля Роберта много забот, — проговорил Варис. — И чтобы облегчить свою ношу, он доверяет нам кое-какие мелкие дела.

— Лорд Варис хочет сказать, что все эти хлопоты с монетой, урожаем и правосудием до слез утомляют моего царственного брата, — проговорил лорд Ренли. — Поэтому нам выпадает обязанность самим править страной. Время от времени король дает нам одно-два распоряжения. — Он извлек из рукава туго скатанную бумагу, положил ее на стол. — Этим утром он повелел мне скакать вперед со всей поспешностью и попросить великого мастера Пицеля провести этот совет. У него есть для нас срочное поручение.

Мизинец улыбнулся и вручил Неду бумагу, запечатанную королевской печатью. Нед отковырнул воск большим пальцем и расправил письмо, чтобы иметь возможность прочитать срочное распоряжение короля. Но слова вызывали только возрастающее недоверие. Есть ли конец безрассудствам Роберта? А прикрываться его именем — все равно что сыпать соль на рану.

— Благие боги, — вздохнул он.

— Лорд Эддарт хочет этим сказать, — объявил лорд Ренли, — что наш светлейший государь предлагает нам провести великий турнир, дабы почтить его назначение королевской десницей.

— Сколько? — кротко спросил Мизинец.

Нед вычитал ответ в письме:

— Сорок тысяч золотых драконов победителю. Двадцать тысяч тому, кто будет вторым. Еще двадцать победителю общей схватки и десять тысяч победителю среди стрелков.

— Итого девяносто тысяч золотых, — вздохнул Мизинец. — Не говоря уже о прочих расходах. Роберт хочет устроить пышное празднество. А для этого нужны повара, плотники, служанки, певцы, жонглеры, дураки...

— Ну, последних-то у нас тьма, — проговорил лорд Ренли.

Поглядев на Мизинца, великий мастер Пицель спросил:

— Примет ли казна на себя расходы?

— Это какая казна? — проговорил Мизинец, скривив рот. — Простите мне мою глупость, мастер. Вы прекрасно знаете, что сокровищница пуста уже не первый год. Мне придется занимать деньги. Вне сомнения, помогут Ланнистеры. Мы уже сейчас должны лорду Тайвину три миллиона драконов, так что уж там говорить еще об одной сотне тысяч.

Нед был ошеломлен.

— Неужели корона должна три миллиона золотых?

— Корона должна более шести миллионов золотых, лорд Старк. В основном Ланнистерам, но мы брали также у лорда Тирелла, в Железном банке Браавоса и у нескольких тирошских торговых картелей. Недавно мне пришлось обратиться к жрецам.

Великий септон дерет хуже, чем дорнийский рыбак.

Нед был потрясен.

— Но ведь после Эйериса Таргариена казна была выше краев полна золотом. Куда оно подевалось?

Мизинец пожал плечами:

— Мастер над монетой должен отыскать деньги. Тратят их король и десница.

— Не верю, чтобы Джон Аррен позволял Роберту такое мотовство! — с пылом проговорил Нед. Великий мейстер Пицель качнул своей большой лысой головой, цепи негромко звякнули.

— Покойный лорд Аррен был добродетельным человеком, но светлейший, увы, не всегда прислушивался к его мудрым советам.

— Мой царственный брат обожает турниры и пиры, — ответил Ренли Баратеон. — И презирает низменные медяки.

— Я поговорю со светлейшим, — пообещал Нед. — Страна не может себе позволить таких расходов.

— Говорите с ним, если угодно, — нахмурился лорд Ренли. — Но нам лучше составить план.

— В другой раз, — отмахнулся Нед, быть может, слишком резко, судя по тому, какими взглядами они посмотрели на него. Ему следует помнить, что теперь он не в Винтерфелле, где выше его был только король; здесь он был всего лишь первым среди равных. — Простите меня, милорды, — сказал он более мягким тоном. — Я устал. Давайте сегодня закончим и возобновим заседание после некоторого отдыха. — Не спрашивая согласия, Нед поднялся, кивнул всем и отправился к двери.

Снаружи поток фургонов и всадников все так же тек сквозь ворота в замок. Двор превратился в грязевую мешанину, конская плоть соседствовала с галдящими людьми. Неду сказали, что король еще не прибыл. После неприятных событий, происшедших возле Трезубца, Старки вместе с челядью ехали впереди основного отряда, подальше от Ланнистеров и растущей напряженности. Роберта видели редко. Поговаривали, что он путешествовал в огромной кибитке и нередко бывал пьян. До прибытия короля оставались часы, но все равно он появится здесь скорее, чем хотелось бы Неду. Одного выражения на лице Сансы ему хватало, чтобы ощутить ярость в душе. Последние две недели путешествия превратились в сущее несчастье. Санса во всем обвиняла Арья и говорила, что погибнуть должна была Нимерия. Арья же словно потерялась после того, как узнала, что случилось с ее приятелем, сыном мясника. Санса засыпала, только наплакавшись, Арья безмолвно сидела целыми днями, а Эддарду Старку снилась морозная преисподняя, предназначенная для Старков Винтерфеллских.

Нед уже пересек внешний двор, перешел под портиком во внутренний и повернул к сооружению, на его взгляд, являвшемуся башней Десницы, когда перед ним появился Мизинец.

— Вы идете не тем путем, Старк, следуйте за мной.

Поколебавшись, Нед последовал за Мизинцем. Тот привел его в башню, они спустились по лестнице, потом пересекли тесный дворик и направились по заброшенному коридору, вдоль стен которого караульщиками выстроились пустые доспехи. Это были реликвии Таргариенов. Черную сталь с драконьими гребнями затянуло пылью.

— Но в мои палаты ведет другая дорога, — сказал Нед.

— Разве я утверждал, что мы идем туда? Не думайте только, что я веду вас в темницу, чтобы перерезать глотку и спрятать труп за камнями в какой-нибудь нише, — отвечал Мизинец голосом, полным сарказма. — У нас нет на это времени, Старк: вас ждет жена.

— Какую игру вы затеяли, Мизинец? Кейтилин находится в Винтерфелле, в сотне лиг отсюда.

— Разве? — Серо-зеленые глаза Мизинца восторженно заблестели. — Тогда, выходит, кто-то перевоплотился в нее с удивительной ловкостью. В последний раз говорю вам: пойдете. Если же нет, я оставлю вашу жену себе. — И заторопился вниз по ступеням.

Нед последовал за ним, подумав, что день этот, наверное, никогда не закончится. Он не любил дворцовых интриг, но уже начинал понимать, что они, словно хлеб насущный, питали людей, подобных Мизинцу.

Лестница привела их к тяжелой, окованной железом дубовой двери. Петир Бейлиш приподнял засов и пропустил Неда. Они вышли наружу. Сумерки спускались на каменистый утес над рекой.

— Но мы вышли из замка, — сказал Нед.

— Вас не одурачить, Старк, — блаженствовал Мизинец. — Солнце выдало меня или небо? Следуйте за мной. Здесь есть ступени, вырезанные в скале. Постарайтесь не упасть; Кейтилин никогда не поймет меня, если вы разобьетесь насмерть. — С этими словами он перегнулся через край утеса и ловко, как обезьяна, полез вниз.

Внимательно изучив поверхность скалы, Нед последовал за своим спутником, но не столь торопливо. Как обещал Мизинец, в скале обнаружились уступы, невидимые снизу мелкие выемки; нужно было только знать, где их искать. Река оказалась далеко внизу — просто в головокружительной дали. Нед прижимал лицо к скале и старался глядеть вниз не чаще, чем этого требовала необходимость. Достигнув наконец земли, он увидел узкую грязную колею, тянущуюся вдоль края воды. Отдыхая на камне, Мизинец подкреплял силы яблоком, от которого уже остался один огрызок.

— Стареете, Старк, теряете скорость, — сказал он, небрежно отбрасывая огрызок в быстрый поток. — Но это не важно, остальную часть пути мы проедем верхом.

Их ждали два коня. Поднявшись в седло, Нед отправился следом за Мизинцем в город.

Наконец Бейлиш натянул поводья перед ветхим — в три этажа — деревянным домом, окна которого светились лампами в зарождавшихся сумерках. Звуки музыки и смех плыли над водой. Возле двери на тяжелой цепи висела причудливая масляная лампа с округлым свинцовым красным стеклом.

Нед Старк спешил в ярости.

— Это бордель! — рявкнул он, хватая Мизинца за плечо и разворачивая к себе. — Ты приволок меня в такую даль, чтобы показать мне бордель?!

— Здесь вы увидите свою жену, — отвечал Мизинец.

Большого оскорбления ожидать было нечего.

— Брандон был слишком добр к тебе! — выпалил Нед, толкнув невысокого спутника спиной на стену и выхватывая кинжал.

— Стойте, милорд, стойте, — послышался озабоченный голос. — Он говорит правду. — Сзади послышались шаги. Нед обернулся с кинжалом в руке и увидел спешившего к ним беловолосого старца. Домотканый наряд и рыхлая кожа на подбородке тряслись.

— Не твое дело, — начал Нед и вдруг, узнав старика, с удивлением опустил кинжал. — Сир Родрик?

Родрик Кассель кивнул:

— Ваша леди ждет наверху.

Нед был в недоумении.

— Кейтилин действительно там? Еще один фокус Мизинца? — Он спрятал клинок.

— Если бы так, Старк, — отвечал Мизинец. — Следуйте за мной, но постарайтесь не шествовать, как подобает королевской деснице... изобразите развратника. Негоже, если вас узнают. А лучше всего потискайте по пути пару девиц.

Они вошли внутрь людной комнаты, где жирная бабенка распевала непристойные песни, а молодые девицы посимпатичнее — в льняных или шелковых рубашках — жались к своим любовникам или сидели у них на коленях. Никто не обратил на Неда даже малейшего внимания. Сир Родрик остался внизу, Мизинец повел его на третий этаж к двери.

Кейтилин ждала его. Увидев Неда, она разрыдалась, бросилась к мужу и с пылом обняла его.

— Миледи, — прошептал изумленный Нед.

— Отлично, — проговорил Мизинец, прикрывая дверь за спиной. — Значит, вы узнали ее.

— Я боялась, что ты не придешь, милорд, — прошептала она, припав к его груди. — Петир приносил мне сообщения. Он рассказал о происшествии с Арьей и молодым принцем. Как мои девочки?

— Обе в трауре и полны гнева, — ответил он. — Кет, я не понимаю, что ты делаешь в Королевской Гавани? Что случилось? — спросил Нед у жены. — Ты из-за Брана? Он... — Слово «умер» просто не могло сойти с его губ.

— Из-за Брана, но совсем по другому делу.

Нед растерялся.

— Тогда зачем ты здесь, любовь моя? И что это за дом?

— Вы видели его, — отвечал Мизинец, садясь возле окна. — Это бордель. Неужели вы можете найти место, более неподходящее для Кейтилин Талли? — Он улыбнулся. — К тому же, по случаю, это заведение принадлежит мне, и я мог легко отдать нужные распоряжения. Я принял все меры, чтобы Ланнистеры не узнали, что Кет находится здесь, в Королевской Гавани.

— Но почему? — спросил Нед. И только тут увидел ее руку, сделавшуюся неловкой: свежие красные шрамы, два застывших пальца. — Ты была ранена! — Он взял ее пальцы в свои, повернул. — Боже, какие глубокие порезы... Это меч или... Как это случилось, миледи?

Кейтилин извлекла из-под плаща кинжал и вложила его в ладонь мужу.

— Этот клинок должен был перерезать горло Брану.

Голова Неда дернулась вверх.

— Но кто... и почему...

Она приложила палец к губам.

— Позволь я тебе все расскажу, любовь моя. Так будет быстрее. Слушай.

И она рассказала все, что случилось: начиная от пожара в Библиотечной башне до появления Вариса и гвардейцев вместе с Мизинцем. Когда Кейтилин умолкла, Старк опустил голову возле стола с кинжалом в руке. Волк Брана спас мальчику жизнь, подумал он. Как же там сказал Джон, когда они с Роббом нашли этих щенков в снегу? Эти щенки предназначены вашим детям, милорд. А он собственной рукой убил волка Сансы, и ради

чего? Ощущая собственную вину? Или страх? Если это боги послали детям волков, какой безумный поступок он совершил?

С усилием Нед обратил свои мысли к кинжалу, к тому, что он означал.

— Кинжал Беса, — повторил Нед. Это была бессмыслица. Рука Неда обхватила гладкую рукоять драконьей кости, он вонзил клинок в стол, ощутив, как острие впилося в дерево. Нож застыл, смеясь над ним. — Зачем Тириону Ланнистеру смерть Брана? Мальчик никогда не делал ему плохого.

— Неужели у Старков между ушей только снег? — спросил Мизинец. — Бес никогда не стал бы действовать в одиночку.

Нед поднялся и принялся ходить по комнате.

— Если в этом участвовала королева или же, о боги, сам король... нет, я в это не верю. — И тут же вспомнил холодное утро на поле среди курганов и слова Роберта о том, что он послал бы убийц к последней принцессе из рода Таргариенов. Он вспомнил младенца — сына Рейегара, его разбитую голову, и как тогда отвернулся король. Как отвернулся он и в приемном зале Дарри, совсем уж недавно. Он еще слышал мольбы Сансы, как и давние рыдания Лианны.

— Вероятнее всего, король не знает, — сказал Мизинец. — Это не впервые. Наш добрый Роберт приучился закрывать глаза на вещи, которых лучше не замечать.

На это Неду нечего было ответить. Перед его глазами возникло лицо сына мясника, рассеченного почти пополам. Король и тогда не сказал ни слова. В голове Неда грохотало.

Мизинец склонился над столом, извлек нож из дерева.

— Обвинение сочтут предательством в обоих случаях. Обвини короля — и попляшешь в руках Илина Пейна, как только слова вылетят из твоего рта. Королева... если удастся найти доказательства и заставить Роберта прислушаться к ним... тогда, быть может...

— У нас есть доказательства, — сказал Нед. — Кинжал.

— Этот? — Мизинец непринужденно подбросил кинжал вверх. — Приятная железка, но она режет обеими сторонами, милорд. И Бес, вне сомнения, присягнет, что потерял клинок в Винтерфелле, или же расскажет, что его украли у него, а поскольку наемник погиб, никто не сможет разоблачить эту ложь. — Он непринужденно перебросил клинок Неду. — Советую вам бросить нож в реку и забыть о том, что он вообще существовал.

Нед прохладно поглядел на него.

— Лорд Бейлиш, я Старк Винтерфелльский. Мой сын искалечен, быть может, он умирает. И он бы уже умер, и Кейтилин вместе с ним, если бы не волчонок, найденный нами в лесу. Если вы действительно верите, что я способен забыть такое, то проявляете столь же огромную глупость, как в молодости, когда изволили выйти с мечом против моего брата.

— Возможно, я и дурак, Старк... но я здесь, а брат ваш гниет в своей мерзлой могиле уже четырнадцать лет. Если вы торопитесь разделить его общество, не стану отговаривать вас, но сам я туда не спешу, покорнейше вас благодарю.

— Вас я позвал бы с собой в последнюю очередь, лорд Бейлиш.

— Вы наносите мне глубокую рану. — Мизинец прижал ладонь к сердцу. — Лично мне Старки всегда казались скучными, но Кет привязана к вам по причинам, которых я понять не могу. Я попытаюсь сохранить вам жизнь, но только ради нее. Безусловно, за такое предприятие возьмется только дурак, но вашей жене я ни в чем не способен отказать.

— Я передала Петиру наши подозрения относительно смерти Джона Аррена, — проговорила Кейтилин. — Он обещал помочь тебе отыскать правду.

Новость не обрадовала Эддарда Старка, однако они и в самом деле нуждались в помощи, а Кет некогда видела в Мизинце почти что брата. Не впервые приходится договариваться с человеком, достойным презрения.

— Очень хорошо, — проговорил Нед, засовывая кинжал за пояс. — Вы упомянули о Варисе. Евнух знает об этом?

— Не от меня, — проговорила Кейтилин. — Ты женат не на дуре, Эддард Старк. Но Варис умеет выведывать тайны любого человека. Он владеет каким-то темным искусством, Нед, я клянусь в этом!

— У него есть шпионы, это всем известно, — презрительно сказал Нед.

— Более того, — настаивала Кейтилин. — Сир Родрик беседовал с сиром Ароном в полной секретности, но паук каким-то образом узнал об их разговоре. Я боюсь этого человека.

Мизинец улыбнулся.

— Предоставьте лорда Вариса мне, милая леди. Если вы позволите мне небольшую непристойность — в этом доме она как нигде уместна, — я держу этого человека за яйца. — Он с улыбкой сжал кулак. — Точнее, держал бы, будь он мужчиной. Видите ли, когда пирог будет разрезан и птички защебечут, Варису это не понравится. На вашем месте я бы больше опасался Ланнистеров, а не евнуха.

[Купить полную версию книги](#)

notes

В этом названии на общем языке сливаются наступление зимы и ее свирепость. — *Здесь и далее примеч. пер.*

А в этом имени звучат сила, непреклонность, суровость и стойкость.

Свободное владение.

1 стоун = 14 фунтов, около 50 кг.

Кракен — гигантский кальмар.

старинная английская мера длины, около 4,8 км.

ОКОЛО 200 М.